

В.Р.Яценко

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ ТАЙГИ

Annotation

В популярной форме в книге рассказывается о суровых испытаниях, с которыми топографы и геодезисты сталкиваются каждый день. Жертвы в тайге неизбежны, но люди продолжают работать. Писания основаны на дневниковых записях и воспоминаниях первопроходцев. Книга продолжает тему, начатую в изданиях «Они создавали карты с грифом «секретно», «Тайны таёжных троп».

Для широкого круга читателей, интересующихся работой геодезистов и топографов.

- [Виктор Яценко](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Завершение объекта](#)
 - [Саянский заповедник](#)
 - [Украденная девушка](#)
 - [Яша с «того света»](#)
 - [Безберложная медведица](#)
 - [На берегу Ледовитого океана](#)
 - [Загадочный пришелец](#)
 - [Медвежьи встречи](#)
 - [Небесные пришельцы](#)
 - [Надина избушка](#)
 - [Гибель в день рождения](#)
 - [Таёжные перегоны](#)
 - [Одинокая могила](#)
 - [Работа в Казахстане](#)
 - [Чёрный камень](#)
 - [Утопленное золото](#)
 - [Разбойники на приисках](#)
 - [Казырская партия](#)
 - [Из серии Забайкальских воспоминаний](#)
 - [Разбойничья избушка](#)
 - [Медвежья свадьба](#)
 - [Лесной пожар](#)
 - [Молельня](#)
 - [Дикие люди](#)

- [У нас родился мальчик](#)
 - [Памятники погибшим](#)
 - [Подписка о невыезде](#)
 - [Зов отца](#)
 - [Объяснительные записки](#)
 - [Обряд из берлоги](#)
 - [Лыканька](#)
 - [Гибель от энцефалита](#)
 - [Толя-шутник](#)
 - [С мечтой о Нижней Тунгуске](#)
 - [Пик Топографов](#)
 - [Его имя на Шантарских островах](#)
 - [Contents](#)
 - [СОДЕРЖАНИЕ](#)
 - [Photos](#)
 -
-

Виктор Яценко

Суровые испытания тайги

Виктор Романович Яценко более 40 лет отдал любимой профессии геодезиста. Много пройдено таежных маршрутов — пешком с рюкзаком и инструментами, на лошадях, оленях и собачьих упряжках.

В 1983 году Виктор Романович был назначен заместителем, а в 1986 году начальником Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР, в 1991 году назначен на должность председателя Комитета геодезии и картографии (Госгеодезия СССР). С 1992 года четыре года выполнял геодезические работы в Африке по контракту «Союзкарты».

Виктор Романович Яценко — Заслуженный работник геодезии и картографии, кандидат географических наук, член Союза писателей России.

В 1990 году издательство «Недра» напечатало книгу рассказов В.Р. Яценко «По геодезическим маршрутам», в 1991 году книга была переведена на китайский язык и издана в Китае.

После этого автором написано шесть книг.

В.Р.Ященко

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ ТАЙГИ

Москва
ПКО "Картография"
2009

Предисловие

Работа топографов и геодезистов — кочевая, они постоянно передвигаются по лесным массивам, по заснеженной тундре, по рекам и озёрам, по каменистым склонам гор, по знойным степям и непролазным болотам. На вертолётах и лошадях, вездеходах и машинах, на оленьих и собачьих упряжках, на лодках и плотках, а чаще всего пешком со спальным мешком и инструментами за спиной. Часто в этих скитаниях первопроходцев подстерегают разные непредсказуемые события, которые легли в основу коротких рассказов. Эта книга родилась как результат богатого экспедиционного опыта и личного знакомства со многими героями описанных историй.

Дикая природа с её суровыми условиями часто доставляет множество неприятностей и хлопот экспедициям. Так, начинающий топограф Яша Чернов в апреле отправился на полевые работы в северные районы Эвенкии от реки Нижняя Тунгуска на оленьих упряжках. Бригада состояла из четырех человек: один рабочий и два каюра (проводника) — муж с женой. Работу закончили глубокой осенью, когда выпал снег и наступили крепкие морозы. Поскольку от Туры ушли очень далеко, решили продвигаться на север, в сторону побережья Ледовитого океана — к ближайшему населённому пункту. Карт не было. Ноябрьские и декабрьские дни в Заполярье очень короткие. Постоянные метели, пурга, морозы -50 — -60 градусов сдерживали движение. Четвёрка многострадальцев продвигалась по заснеженной безлюдной тундре через горы, замерзшие реки, озёра, ведя за собой по глубоким снежным сугробам навьюченных оленей.

Иногда утром Яша обнаруживал рядом труп замёрзшего оленя. Из тридцати осталось всего шесть оленей. И только в конце декабря они добрались до затерявшегося в тундре посёлка Хатанга, осилив за эти месяцы почти тысячу километров заполярной тундры. До экспедиции удалось добраться только к концу февраля. Из списков живых Чернова уже вычеркнули...

Автор попытался рассеять пелену тумана, рассказав правду о гибели отважных первопроходцев. Страшная трагедия произошла в прибайкальской тайге, когда медведь, выгнанный из берлоги строителями Братской ГЭС, превратился в обозлённого шатуна. В течение месяца он нападал на проходивших по тропе геодезистов и загрызал их.

Но большинство рассказов посвящены обычным будням топографов и геодезистов. Как и в предыдущих книгах, многие таёжные события

происходят с участием старейшего проводника Егорыча, который более сорока лет провёл на лошадях в таёжных экспедиционных маршрутах, и часто попадал в неординарные ситуации.

Скитаясь по нехоженным таёжным дебрям, проникая в самые недосыгаемые уголки, первопроходцам приходится вступать в единоборство с дикой суровой природой, а иногда и с обитателями тайги. Жертвы неизбежны, но работа продолжается.

Таёжные массивы, заснеженная тундра, перевалы, вершины гор остаются свидетелями многих экспедиционных событий, описанных в этой книге.

Закончилась эпопея всеобщего картографирования территории всей страны. Изучены и исследованы все, даже самые отдаленные уголки, в том числе полуострова и острова. Потребовался полувековой период созидательного труда многотысячных бригад, партий, цехов, отрядов, экспедиций полевого и камерального производства для создания точных топографических карт на всю территорию нашей огромнейшей страны.

Карты эти будут служить человечеству вечно. Топографы, геодезисты, картографы, которые закрывали последние белые пятна, продолжают работать и по настоящее время.

Некоторые экспедиционные события, описанные в рассказах, запечатлены на фотографиях, которые размещены в конце книги.

Завершение объекта

Я начинал осваивать процессы полевого топографо-геодезического производства у начальника партии Василия Фёдоровича Колесняка. Это человек душевной красоты, высокой порядочности, доброжелательности, ему присущи скромность и требовательность к себе. В топографо-геодезическом производстве он проработал почти пятьдесят лет, более тридцати лет начальником партии. За эти годы он прививал черты высокого профессионализма многим поколениям. На личном примере показывая образцы выполнения гражданского долга перед друзьями, перед коллективом.

Вспомнился один эпизод из жизни этого неутомимого кочевника экспедиционной жизни. Партия Василия Фёдоровича базировалась в Заполярье, вдали от населённых пунктов, на восточном берегу Хантайского озера. Завершался полевой сезон. Неожиданно в одной из бригад произошло отравление консервированными продуктами. Шли дожди, погода нелётная, требовался вертолёт для вывоза бригады. Наконец погода восстановилась, и весь состав бригады в тяжёлом состоянии на вертолёте доставили в Игарку, в больницу.

Оставались считанные дни устойчивой погоды. Все бригады торопились завершить свои измерения. Физико-географические условия местности очень сложные, вершины гор каменистые, поэтому использовать вездеходный гусеничный транспорт невозможно. Все бригады в партии Колесняка работали пешком, на маршрутах имелись лабазы с продуктами, подготовленные в ранний весенний период. Летом, в разгар полевых работ, в партию прилетал вертолёт, развозил по бригадам дополнительно продукты, в это время удавалось некоторые бригады перебросить на вертолёте с одного участка на другой.

В связи с отравлением бригады в партии возникли проблемы. Недельный объём работ геодезических измерений этой бригады оставался незавершённым, а объект стоял в плане государственной сдачи. Начальник партии ни одну из пяти оставшихся бригад не мог снять со своих завершающих участков и отправить на возникшие недоделки. Колесняк знал, что срывать сдачу объекта нельзя. Выход оставался только один.

Колесняк принимает решение пойти в горы и самому завершить работу, оставшуюся от увезённой бригады. На базе партии находился один человек, он совмещал работу радиста, кладовщика и моториста на моторной лодке.

Колесняк скомандовал ему: «Насыпь мне в котомку сухарей, положи пять банок тушёнки, пять банок сгущёнки, два коробка спичек, на пять дней мне хватит».

Взяв теодолит со штативом, скудный запас продуктов, начальник партии в одиночку налегке отправился в горы. Первые три дня работа продвигалась очень быстро, опыт работ у топографа был громаднейший, но в последующие дни погода стала портиться, пошли дожди со снегом. На вершинах гор Колесняк устанавливал вехи и производил теодолитом измерения, наблюдая опознаки прямыми, обратными и комбинированными засечками, стараясь сэкономить время на переходах, которые приходилось совершать с большим трудом. Вершины гор каменистые, а долины, по которым протекали реки, покрыты зарослями кустарников и чахлых лиственниц. Реки приходилось преодолевать вброд и вплавь, а затем требовалось время, чтобы просушить одежду у костра. Измерения на последних опознаках затянулись из-за непогоды.

Пошёл седьмой день. Продукты закончились. Пытался ловить на крючок рыбу в реке, не клюёт. Очевидно, тоже из-за плохой погоды, хотя рыбачить в детстве приходилось. Семья была большая, шесть братьев и одна сестра, жили в деревне, поэтому рыбалка и выращивание овощей он очень хорошо познал ещё в школьные годы. Голодовать в экспедиционных условиях случалось много раз, особенно в тот период, когда работал исполнителем, но в одиночестве переносить голод не приходилось. Попадал в подобные условия с бригадой. Однажды бригада отказалась идти в горы, также находились без продуктов несколько дней. Рабочие даже не могли вставать. Все лежали в палатках на берегу реки. Бригадир всё-таки поднялся, забрал теодолит и ушёл в горы заканчивать работу. За три дня удалось проделать все измерения, завершить весь объём и кое-как сумел добраться до своей бригады и потерял сознание. Рабочих было три человека, двое из них имели огромный жизненный опыт и много лет работали в экспедиционных условиях.

Рабочим удалось в тайге застрелить кабаргу. Мяса оказалось около пятнадцати килограммов. Этим мясом в тот раз и спаслись. Оказывается, кабарга живёт всего четыре года, в редких случаях доживают до пяти лет. Самый старший по возрасту, рабочий Михайлович, в прошлом охотовед, он в бригаде всех просвещал в этих тонкостях. Рабочие наварили бульону и начали отпаивать своего бригадира. Мяса в первые два дня не давали. А как бригадир пошёл на поправку, начали выходить из тайги. Шли до ближайшей деревни четыре дня. Если бы в тот раз не кабарга, из тайги бригада выйти не смогла бы. Её отвар и мясо спасло всю бригаду. Через несколько дней в деревню приехал начальник партии с похвалами и радостью, что вышли

живыми и закончили объект. Уволившиеся рабочие попрощались и ушли. Вдруг рабочий Михайлович возвратился и тихо на ухо сказал Колесняку: «В тайге мы съели не кабаргу, а нашего Тузика, в противном случае все бы там сдохли с голоду». Михайлович помахал рукой и умчался на станцию.

Бригадир сидел оторопевший, нахмутив длинные выцветшие брови, повторяя: «Как же так, как же так?» Вспомнил, что Тузика, действительно, в последние дни не было. Колесняк стал восстанавливать в памяти, что Михайлович очень много говорил про кабаргу, что у застреленного самца были изогнутые верхние клыки, торчащие из-под верхней губы на десять сантиметров. Говорил про какую-то мускусную железу и пояснил, что он её взял себе, будет делать какое-то лекарство и что эта железа служит хорошей приманкой для соболя.

С рабочими этими встретиться больше не пришлось, поэтому не удалось уточнить, как они всё это сделали и, очевидно, все знали, кого ели, кроме бригадира.

На этот раз Колесняк был один и даже Тузика не было, да у него бы и рука не поднялась никогда. Имелся пистолет, но никакой живности не попадалось.

Пошёл восьмой день. Немного просветлело, начальник партии побрёл на вершину горы. Подошвы кирзовых сапог за лето износились, стали глянцевыми, поэтому скользили по заснеженным камням. Иногда приходилось двигаться на крутизну на четвереньках, мёрзли руки, но скиталец лез и лез по бугристым камням, продвигаясь к вершине. В небе появились просветы. Топограф обрадовался, спотыкаясь, торопился к установленной вехе. Удалось увидеть соседние горы и сделать измерения. Дул пронзительный ветер, нужно было спуститься с горы, на склон. Идти вниз оказалось ещё труднее. Хотелось свернуться и покатиться, но мешал теодолит. Усиливался мороз. Топограф был мокрым до ниточки. Пока пробирался по заснеженным кустарниковым дебрям от берега реки и снежному травяному покрову, промок полностью, особенно мёрзли ноги, хлюпая в мокрых сапогах. Предстояло сходить на последний пункт триангуляции и осуществить завершающие измерения.

Всё руководство экспедиции было встревожено известием о потерявшемся начальнике партии. На Хантайское озеро прилетел главный инженер экспедиции С.Д. Любимый и инженер по технике безопасности В.Б. Звонак. Несколько дней они не могли вылететь на поиски из-за погодных условий. Все бригады завершили полевые работы и собрались на базу партии. Все были озабочены отсутствием своего руководителя. Геодезисты делали попытки пойти в тундру и в горы на поиски, но главный

инженер не разрешил, ссылаясь на сильные морозы и глубокий снежный покров, рассчитывая на вертолётный облёт.

На девятый день небо прояснилось, наступила морозная погода. Колесняку удалось взобраться на вершину горы и проделать наблюдения на пункте триангуляции.

Ноги совсем не слушались, он понимал, что ноги обморозил, но на вершине горы никакой растительности не было, чтобы разжечь костёр, одни камни, снег и металлическая пирамида. Штатив оставил на берегу реки: не было сил нести его в гору. Голод, мороз, и добавилась ещё одна проблема: начался сильный кашель, не давал спокойно дышать.

Вдруг первопроходец услышал гул вертолёта, он снял с себя мокрую смёрзшуюся фуфайку и начал ею махать. На белых бескрайних просторах, у маленькой пирамидки, стоял Колесняк с заснеженным лицом и радовался в душе, что работу закончил.

Первым выскочил из вертолёта Любивый, он схватил в объятия исхудавшего начальника партии, потом взглянул на его бледное заинденелое лицо и, задумавшись, покачал головой. Руководители бригад его партии, составившие поисковую группу, схватили своего любимца и утащили в грохочущий вертолёт. Напоили из термоса чаем. Начальнику партии не давал покоя судорожный кашель, а он больше тревожился за пальцы ног, которые, очевидно, были отморожены.

— Объект для сдачи полностью готов, — вымолвил обрадовавшийся начальник партии и передал свою полевую сумку главному инженеру.

В больнице врачам удалось вылечить простуженные лёгкие Василия Фёдоровича, врачи даже сумели сохранить, не ампутировать пальцы на ногах.

Долгие-долгие годы после этого случая работал В.Ф. Колесняк начальником партии, за заслуги перед отечеством был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Саянский заповедник

Начальник партии Анатолий Алексеевич Широков в конце марта прилетел на вертолёте на Агульское озеро. Здесь ему предстояло развернуть на предстоящий сезон новую базу партии. В предыдущем полевом сезоне база его располагалась в среднем течении реки Агул. Вертолёт сделал несколько кругов над озером, которое вытянулось в узком ущелье на пятнадцать километров, и начал снижаться. Широков вглядывался через круглое окно вертолёта на унылую заснеженную тайгу и вдруг заметил поднимающийся слабый дым из трубы избы, а на снежной белизне вокруг дома натоптанные тропы. Начальник партии был в недоумении. Глубокой осенью на моторной лодке он перевёз оставшиеся продукты во флягах и всё экспедиционное снаряжение со старой базы в пустой дом. После этого забил дверь гвоздями.

Экипаж долго подбирал место для посадки, несколько раз касался снежной поверхности, но глубоко погружался в снежную массу, вновь поднимался, наконец обнаружил небольшой пяточок и решил остановить двигатель. Около избы стоял юноша с белобрысой пушистой бородкой в экспедиционном белом полушубке, который начальник партии складировал в железные бочки для сохранности от многочисленных грызунов.

В доме было тепло, сравнительно чисто. Иван, так представился юноша, пытался сказать, что он за всё уплатит. Начальник партии попросил Ивана рассказать, кто он, что делает на его базе партии, как сюда попал и каковы его планы на дальнейшее. Оказывается, Иван с другом сбежали из дома, родители живут в Красноярске, доехали на поезде до Канска. Друг предложил остаться в Канске, увидев на вокзале объявление, что требуются разнорабочие с приличной оплатой. У Ивана была давняя мечта попасть в Саянский заповедник и заниматься там разведением редких и ценных животных. Так в Канске пути у друзей разошлись, возможно, друг вернулся домой и сейчас с ровесниками готовится к выпускным экзаменам.

Иван отправился по берегу реки Агул вверх по течению. Была глубокая осень. Закончились деревни. Широкая река Агул петляла среди густых таёжных зарослей. Голодный парень шёл с надеждой добраться до Саянского заповедника, увидеть пятнистых оленей, кабаргу, рогатых изюбров и белых горных козлов.

Однажды, идя по тропе, Иван увидел причаленную к берегу лодку и человека, который копошился на берегу с лодочным мотором. Иван поздоровался и присел около бедолаги. Рыбак рассказал, что поплыл на

моторной лодке вверх по реке на рыбалку за хариусом и вдруг забарахлил мотор, а разбирается в нём не очень-то. У Ивана имелся дома старенький мотоцикл, они с другом часто его разбирали, поэтому Иван предложил вначале прочистить свечу, промыть карбюратор и подключился к ремонту. После предложенных Иваном вариантов ремонта мотор завёлся. Хозяин лодки обрадовался, и они вместе поплыли вверх по реке Агул. На ночлег они остановились в охотничьей избушке.

Иван рассказал, что он хочет попасть в Саянский заповедник. Рыбак пояснил, что заповедник существует только на бумаге, никто заповедными делами не занимается.

В устье одной заветной реки за неделю с помощью Ивана рыбак наловил бочонок хариусов, и они распрощались. Иван остался в доме на Агульском озере. Начинаясь снежная, морозная зима. Здесь, у подножья скальных Саянских вершин, морозы бывают очень суровые. Остаться зимовать в одиночку добровольно в таких жестоких условиях может человек с очень крепкой, устойчивой психикой.

В доме Иван обнаружил склад с продуктами: ящики с консервами мясными и рыбными, во флягах хранились крупы, макаронные изделия, мука, растительное и сливочное масло. Иван записывал сколько он брал продуктов. На зиму Иван сделал большой запас хариусов, научившись у рыбака ловить простейшим способом. Из продуктов больше всего брал растительное масло и муку. И, конечно, пользовался тёплой одеждой: полушубком, валенками, меховыми брюками и т.д. Иван однозначно сказал, что если бы не наткнулся на базу партии, то погиб бы с голоду или замёрз. Самое главное — было заготовлено огромное количество дров на базе. Ночи в зимний период были очень длинные и трескучие. В светлое время читал имевшиеся книги по топографии, изучил все инструкции, условные знаки. Даже пробовал делать измерения теодолитом и нивелиром, таким образом прозимовал в одиночку почти полгода.

Начальник партии задал вопрос:

— В экспедиции работать хочешь?

— Согласен выполнять любую работу, — вымолвил обрадовавшийся беженец.

— Пиши автобиографию для приёма тебя на работу и заявление, с завтрашнего дня ты наш работник. На днях прилетит вертолёт со строительной бригадой, тебя научат работать топором, будете строить дом и баню к началу полевого сезона. Летом отправлю тебя в лучшую бригаду в твой Саянский заповедник, там сможешь очень хорошо заработать, чтобы домой возвращаться было не стыдно. Собираясь уходить, Широков проговорил, что есть одна проблема: радист сможет прилететь только через

месяц, а по правилам техники безопасности не могу отправлять людей сюда без связи.

Иван стал спрашивать, какой вид радиостанций имеется в экспедиции, и пояснил, что в школе занимался в радиокружке и даже знает азбуку Морзе. Начальник партии от такой информации даже присел на походный стул, вспомнил, что радиостанция называется «РБМ». — У нас в радиоклубе была РБМ-К, я смогу на ней работать, присылайте. Широков сказал, что выходить на связь нужно всего один раз в день и сказал, что все позывные и частоты будут упакованы с радиостанцией.

Уходя, начальник партии поставил одно условие, что Иван напишет письмо родителям и отправит с экипажем.

— Дай знать родителям, что ты жив.

Иван согласился.

Через несколько дней прилетел вертолёт. Иван отправил письмо родителям, сообщив, что он работает радистом в Саянах в экспедиции на территории Саянского заповедника. Вертолёт доставил строительную бригаду и радиостанцию. Вместе с рабочими Иван натянул и установил антенну, и состоялся первый радиосеанс. Иван получил радиограмму и зачитал её всем, что завтра прилетит Широков на вертолёте с очередным грузом, просит подготовить вариант места расположения дома и бани, этим же вертолётom он улетит обратно. Впервые в жизни Иван почувствовал гордость в своих познаниях и востребованность школьных увлечений. Начались будни строительных работ, в первые дни Иван сильно уставал, и только здесь он почувствовал, что нужно учиться, получить специальность, захотелось получить глубокие познания в радиоинженерном направлении.

С завершением строительства на базу начали прилетать бригады. Начальник партии отправил Ивана в лучшую бригаду топографа Петра Верхулевского. В бригаде имелись ещё два рабочих и студентка Лена из Томского топографического техникума. Работать, действительно, пришлось на территории всего Саянского заповедника, который расположен на южном склоне Восточных Саян между реками Агул и Малый Тагул, захватывал истоки реки Туманшет. В северной части заповедник окаймляют горные хребты с остроугольной вершиной горы Плохая. За летний сезон Ивану удалось увидеть множество редких зверей и птиц, некоторые из них занесены в Красную книгу.

Полевой сезон подходил к концу. Нужно было проделать ряд измерений на горе Плохая. Этим названием она, очевидно, увековечена неспроста. По крайней мере, бригадир Верхулевский и его бригада в этом убедились. Несколько раз всей бригадой они пытались подняться на вершину горы Плохая, которая вытянулась с юга на север более чем на десять километров

каменистым утёсом с острыми выступами, словно гигантское лезвие топора с огромными зазубринами. Изношенные подошвы кирзовых сапог скользили на обомшелых скальных утёсах. Порою скалы прерывались, преграждая путь глубокой пропастью, приходилось возвращаться и искать восхождение с другой стороны от этой бездны.

Перебираясь с одного утёса на другой, студентка оборвалась и рухнула в бездну. С многочисленными ушибами и с переломанной ногой Лёну удалось вытащить из каменного мешка. С большими трудностями пришлось нести студентку по каменистым нагромождениям в ущелье одного из притоков реки Казыр. Здесь, в лесной зоне, сделали носилки и отправились в пятидесятикилометровый маршрут до базы партии.

На базе партии ожидал вертолёт. Широков сказал Ивану, что только ему может доверить сопровождение Лёны, в Абакане будет встречать экспедиционная машина. По метеоусловиям Абакан вертолёт не принял и развернул его в Красноярск. В Красноярске Ивану с большими трудностями всё таки удалось привезти больную в травматологическую больницу и долго пришлось объяснять и уговаривать, чтобы приняли Лёну на стационарное лечение, не имея никаких документов.

По широкому больничному коридору санитары несли на носилках Лёну, Иван следовал за ними. Шедшая навстречу в белом халате молодая седоволосая медсестра вдруг остановилась, пристально всматриваясь в лицо сопровождающего, затем она бросилась к нему с объятиями, рыдая, повторяла несколько раз два слова:

— Ваня, сыночек.

Процессия остановилась. В коридоре наступила тишина. Больные и медицинский персонал смотрели на двух обнявшихся людей: медсестру и высокого обросшего юношу в зеленой экспедиционной одежде.

— Мама, как сильно ты поседела? — проговорил Иван и добавил: — Мама, больше я никогда от тебя никуда не уеду.

Украденная девушка

Закончился полевой сезон, Егорыч засобирался в Лесосибирск — это новый крупный рабочий посёлок на берегу реки Енисей, туда по тайге проложена железная дорога от города Ачинска. Каждую осень, после окончания полевых экспедиционных работ, Егорыч с подарками ездит туда к приёмной дочери Марии. Много лет прошло с тех пор, как Егорыч приобрёл себе дочь. А случилось это так.

Глубокой осенью Егорыч перегонял лошадей из экспедиции в колхоз, который находился недалеко от города Мотыгино на реке Ангаре. Ехал верхом на лошади, а за ним шёл караван лошадей, привязанных поводками одна за другую. Тропа очень хорошая, поэтому продвигался наездник сравнительно быстро. Проезжая один лог, из которого вытекала небольшая река, Егорыч вдруг услышал, что его собака громко залаяла с визгом, но было это далеко. Затем стало слышно, что пёс сцепился с другой собакой, разразился обоюдный лай и визг, началась собачья драка. Егорыч не совсем был уверен, что это собака, откуда ей взяться здесь в глухой, нехоженой тайге, вынужден развернуть свой караван в сторону собачьего раздора и хотел скорее спасти своего любимого пса. Схватка продолжалась долго, от тропы пришлось пробираться через густые заросли. На пологом склоне он увидел небольшой домик с огромными окнами и перед ним двух дерущихся псов. Конюх кое-как отбил своего пса. В стороне от дома паслись козы и виднелось много пёстрых кур. В огромной деревянной клетке быстро перемещались серенькие кролики, их там находилось приличное количество и притом разных размеров.

Странно, что людей нигде не было. После собачьей грызни установилась тишина. Вдруг входная дверь начала открываться. Озираясь по сторонам, вышла молодая девушка небольшого роста, щупленькая с густой шевелюрой волос на голове, на её смуглом лице выделялись огромные тёмные глаза. «Вы кто?» — произнесла нежным голоском темноволосая девушка, одетая в экспедиционную куртку. Такая же куртка была и на пришельце. Конюх объяснил, что работает в экспедиции, а сейчас гонит арендованных лошадей в колхоз, который находится на Ангаре недалеко от Мотыгино. «Мотыгино — это моя родина, я прожила там четырнадцать лет и два года уже живу здесь», — последние слова она говорила ослабевшим голосом и на глазах навернулись слёзы. Она пригласила приезжего человека в дом. Она сказала, что её зовут Марией, а её дочь Машуткой, которой

исполнилось годик. В это время в доме послышался детский плач и девушка бросилась в дом, приглашая жестом руки последовать за ней.

В доме никаких перегородок не было. Всё прибрано, чистенько. Пол застелен брезентом. Посреди помещения печь. Рядом с большой кроватью стояла маленькая, на которой лежал ребёнок, тараша глазёнками на незнакомца. Мария объяснила, что Машутка впервые видит постороннего человека, да и сама Мария два с лишним года ни одного человека не видела, кроме Ильи. Она налила Егорычу чаю, поставила на стол разные пироги, напечённые с грибами, с рыбой и с брусникой. Конюх признался, что таких вкусных пирогов ему никогда пробовать не приходилось, даже не знал, что можно пироги печь с брусникой. Но больше всего нажимал на пирожки с грибами.

Мария рассказала, что родителей у неё нет, воспитывалась в детском доме в Мотыгино. У них в детдоме в котельной работал кочегаром Илья. Однажды рано утром Мария пошла в туалет, который находился за котельной. Илья поймал четырнадцатилетнюю девчонку, давно выслеживал её, завязал ей рот, чтобы не слышно было её криков и унёс её в лес. Вначале он вёз её на моторной лодке целый день, затем вёл её по тайге. Здесь у него имелась избушка, теперь в ней зимуют куры и кролики. В ту ночь Мария стала женой Ильи. Несколько раз делала попытки сбежать, но неудачно. Илья с помощью собаки по следам догонял, хотя она даже не знала в какую сторону нужно уходить. После этого он избивал её и она месяцами ходила с синяками. Кроме того, он стал держать её на цепи. Цепь была прикреплена к ноге с помощью замка. Мария показала длинную цепь в квартире, конец которой закреплен к кровати. Сам хозяин уходил в заброшенный геологический посёлок, он находился в десяти километрах от их дома. Оттуда он носил рамы, двери, одежду, посуду. Построил этот дом. На лето переезжали жить туда, а осенью возвращались. Там сохранилось вспаханное поле, он каждый год его перекапывает и выращивают они там овощи, пшеницу, картофель. Как появился ребёнок, надобность держать на цепи жену отпала. С малышом не убежишь.

Сегодня утром хозяин ушёл туда на два дня, нужно было обмолотить пшеницу, прибрать овощи в погреб и вскопать поле. На прошлой неделе копали вместе, а Машутка лежала на краю полосы, но из-за наступившего дождя не успели закончить.

Геологический посёлок жил полнокровной жизнью более десяти лет, построены добротные дома, пекарня, но там постоянно жить Илья не хотел, опасался. В посёлок могли нагрянуть в любое время люди. А Илья за первую судимость ещё не отсидел полностью и на вторую уже заработал — украл несовершеннолетнюю девочку. В тот период, когда партия

функционировала, Илья работал там рабочим, но в период ликвидации партии что-то натворил, об этом он Марии не рассказывал. Его осудили на большой срок, он сбежал и где-то сумел достать документы на имя Ильи. Работал в котельной истопником по поддельным документам. Здесь, очевидно, и созрела мысль украсть красивую Марию и сделать её женой-рабыней. Характер украденной девчонки оказался очень строптивым и дерзким. Хотя у них в детдоме одна девчонка сама убежала к староверу и стала его женой. Жили они в тайге, в землянке. Она нарожала детей, иногда появлялась в детдоме, была довольна своей судьбой.

Мария стала уговаривать Егорыча забрать её и увезти в Мотыгино верхом на лошади. Егорыч — человек взрослый, поэтому сразу стал её пытаться, к кому пойдёшь в Мотыгино? Ответа не было. Возраст уже не детдомовский, да ещё и с ребенком. Егорыч, когда увидел цепь, послушал о её рабской жизни, и чувствовалось, что она очень трудолюбивая, стало жалко чернявую девчонку. Когда конюх стал сомневаться брать её или нет, Мария заявила, что теперь-то она всё равно уйдёт и пойдёт за караваном, знает, что караван следует в Мотыгино. Раньше она не знала, в какой стороне даже находится её родина.

Мария собрала два узла, один с пелёнками, простынками для Машутки, а другой с пирогами, которые пекла всю ночь, часть хозяин взял с собой, а остальные она забрала в дорогу. Егорыч высвободил один рюкзак, положили туда Машутку и рюкзак повесили на грудь Марии. У Егорыча на душе постоянно нависало противоречивое чувство. С одной стороны, он однозначно убеждал себя, что Марию с малышом из рабского плена нужно увозить, а с другой — кто её там ждёт, куда даже в первую ночь притулиться?

Егорыч усадил в седло Марию на самую спокойную лошадь, и они отправились в далёкий маршрут: до Мотыгино ехать по тайге сто пятьдесят километров. Собака хозяйская тоже не осталась. Последовала за караваном. Егорыч пытался несколько раз её вернуть, кричал на неё, бросал в неё ветками, сорванными с деревьев, она возвращалась домой, но через некоторое время вновь появлялась вдали, следуя за всеми, не теряя из вида последнюю идущую лошадь.

За весь день всего два раза останавливались, чтобы перекусить. Мария приспособилась кормить малышку грудью во время следования, она за день даже ни разу не заплакала. К вечеру добрались до посёлка на берегу реки Ангара Верхотурово. Посёлок оказался заброшенный, нежилой. Егорыч нашёл дом, в котором по всем признакам останавливаются проезжие на ночлег. Натопили печь. Мария готовила ужин, а Егорыч занимался лошадьми. У него была одна забота: куда определить украденную девушку с

ребёнком, ведь у неё нет никаких документов. Теперь он несёт ответственность за её судьбу. Она ещё ребёнок, да ещё и с ребёнком на руках. Хуже проблемы в жизни не придумаешь.

Поужинали, накормили собак и улеглись спать. Егорыч утром вскочил чуть свет, нужно было за день добраться до колхоза и сдать лошадей в рабочее время, до шести часов вечера.

От посёлка Верхотурово по берегу Ангары имелась грунтовая дорога. Егорыч торопился. Договорились с Марией попробовать ехать на лошадах рысцей, чтобы она придерживала ребёнка. Получилось. Ехали рысью почти до самого колхоза. Лошадей удалось сдать быстро. Старший конюх Егорычу был хорошо знакомый, поэтому он договорился у него заночевать вместе с двумя девочками. Собак Егорыч отдал ему до весны.

Егорыч предложил Марии поехать с ним до Лесосибирска на катере, там у него имелся хороший друг с женой, у них не было детей, может временно приютят беженцев. Друзья выслушали трагическую историю про малолеток и взялись их трудоустроить. Жена друга работала заведующей детскими яслями, поэтому забрала на утро Марию и на свой риск без документов приняла её на работу няней, а также поручила ей работу уборщицы, сторожа и выделила маленькую комнатку для жилья в доме яслей.

Расставаясь, друг Егорычу высказал, что девушку в первый раз украл бандит, а второй раз — Егорыч. «Но я украл с её согласия», — подправил Егорыч.

Егорыч доволен был, что сумел устроить Марию. Прощаясь, Мария ухватила за шею Егорыча и долго плакала, она ничего не могла даже вымолвить, захлебываясь слезами. Егорыч уехал домой в Шушенское. Каждый год осенью он навещает Марию. С тех пор прошло много лет. Машутка учится в школе. Мария вышла замуж, муж работает технологом на лесокombинате, у Машутки родился братик, назвали Егоркой. Машутка считает Егорыча своим любимым и родным дедушкой. В этот раз Машутка заявила: «Дедушка, у меня появился братик, назвали Егоркой в честь тебя».

Яша с «того света»

Яков Михайлович Чернов почти сорок лет проработал в регионах Сибири и крайнего севера, создавая топографические карты с грифом «секретно». Так укоренилось в экспедиции, что ему каждый год давали самые удалённые объекты от цивилизации. Многие годы мы с Я.М. Черновым работали в параллельных экспедициях, а потом начальниками экспедиций, часто встречались. Он старше меня, имел солидный жизненный опыт. Исследовал огромнейшие таёжные пространства и заполярную тундру от Нижней Тунгуски до Хатанги. Я старался во многом ему подражать. Яков иногда рассказывал мне о своих маршрутах, некоторые из них проходили рядом со смертью, недаром друзья называли его человеком с «того света», в тот раз он появился в экспедиции с полевых работ в конце февраля.

В конце сентября Чернов закончил свой объём, а ему ещё выдали такой же объём, и начались мытарства. Вот как он сам об этом вспоминает.

В начале апреля на 10 оленьих упряжках я выехал из пос. Тура (окружной центр Эвенкийского национального округа) на участок работ. В моём распоряжении было 30 голов оленей (двадцать запряжены в нарты, десять в резерве), два каюра-оленевода (Маркаёнок Борис и его жена Мария), один рабочий — Баранов Иван Тимофеевич. Участок работ был расположен в 500—550 км на северо-восток от пос. Тура.

В те годы в экспедициях вертолётов и самолётов не было. Полевые подразделения радиостанциями не обеспечивались, связь с центральной базой отряда (так назывались экспедиции) осуществлялась из населённых пунктов по линии телеграфной связи. Вопросы охраны труда и безопасного ведения работ диктовались самой жизнью. На территории Эвенкийского национального округа, на, север от пос. Тура имелись только три фактории:

Эконда, жилой, маленький эвенкийский посёлок. Чиринда — не жилой, заброшенный посёлок и крупная фактория Ессей (на берегу большого озера Ессей) — оленеводческий колхоз-миллионер (имел 10 тысяч голов оленей).

Общение с факториями только зимой — по зимнику на нартах, в факторию Ессей летом 1—2 раза в месяц летал из Туры гидросамолет «Каталина» (английский), привозил почту и пассажиров.

В середине мая мы благополучно добрались до фактории Эконда, по почте сообщил на базу отряда в пос. Туру, что всё нормально — пошли на участок работ. Без серьёзных происшествий, преодолев препятствия весеннего паводка (форсировали речки — олени в плавь, а мы на маленьких

плотах из сухих лиственниц), перешли на вьючный транспорт (вьючное оборудование и снаряжение везли с собой), а нарты бросили перед первой крупной переправой.

Большим искусством в нашей работе считалось опознование на местности по аэроснимкам м-ба 1:65 000, т.е. определить, где ты находишься. Удачно вышли на слияние двух крупных речек (приток р. Мойере). Опознался и приступил к работе. До участка работ практически шли вслепую — по схематичной карте м-ба 1:1 000 000.

При выполнении работ барометрическим нивелированием ежедневно передвигались со всем караваном вьючных оленей, на одной из ночёвок у нас потерялись олени. Ночевать остановились поздно вечером, не подобрав место с ягелем. В поисках пищи ночью олени ушли далеко от лагеря. Утром каюр пошел искать и вернулся после обеда усталый, без оленей. Назавтра я решил идти в маршрут пешком со своим рабочим, на 8—10 дней, а каюр взял продукты, пошел с собакой искать оленей (эвенки очень хорошо ищут по следу, а мы не можем увидеть след оленя во мхе). Измученные, усталые мы вернулись в лагерь в конце 9-го дня. Нашей радости не было границ, когда каюры сообщили, что нашли всех оленей.

Еще один случай произошёл с нами на маршруте, но всё обошлось благополучно.

В верховье небольшой речушки Тындэлем мы встретились буквально нос к носу с крупной медведицей (она была с двумя медвежатами). Зверь задрал оленя для своих детенышей и лежал около жертвы на берегу речки, приучая своих малышей к мясной пище, а они безучастно относились к кускам мяса, даже не притрагивались. Играя прыгали через разодранного оленя. Вдоль русла рос густой ерник-кустарник, поэтому медведя мы не заметили, пересекая речку, вышли непосредственно на зверя. Медведица встала на задние лапы в двух метрах от нас, раскрыла ужасную пасть с большими желтыми клыками и начала реветь. Медвежата засуетились и побежали на противоположный берег речушки. Потом они вернулись, очевидно маленьких шалунов одолевало любопытство рассмотреть двуногих чудовищ. Промчались около людей, сделали круг. В это время медведица заревела ещё громче, возможно, на малышей сильно подействовала материнская угроза, и они скрылись за ручей. После этого медведица рывкнула, оцетинившись, опустила на четыре конечности, перепрыгнула через речку и пошла за медвежатами. Мы как стояли перед зверем, так и продолжали стоять, пока она не скрылась из вида. Когда пришли в себя, то не могли дальше идти. Собрав все силы, вернулись назад на несколько сотен метров, разожгли костер, передохнули. Впредь стали предусмотрительнее. И только теперь опомнились, что медведица могла нас

уничтожить, а мы забыли даже про оружие. У меня была немецкая винтовка «Маузер» (боевая винтовка периода Великой Отечественной войны) и мелкокалиберная — ТОЗ-9 (облегчённая), у каюра — охотничий карабин и ТОЗ-8 (с длинным стволом). Много раз в дальнейшем мне приходилось встречаться с медведями, но так близко, когда ощущал её горячее, разгневанное дыхание, только в этот раз.

Нельзя не отметить, что рельеф территории Эвенкийского национального округа равнинно-всхолмленный, большая часть заболочена, покрыта сплошным лесом (кроме открытых болот), преобладающая порода — лиственница.

Тайга богата фауной! Мы ежедневно (2—3 раза) встречали лосей. На открытых болотах и столовообразных вершинах гор можно встретить небольшие табуны (20—30 голов) диких оленей. Чаще олени встречаются парами (самка и самец).

В тайге очень много соболя, белки, медведя. Встречается рысь, росомаха — последнюю убивал. А случилось это так. Переправлялись через широкую реку. Олени перебрались вплавь, а груз перевозили на плоту, который изготовили из сухих стволов лиственниц. Во время переправы один олень сломал ногу. Пришлось его заколоть на мясо. На берегу реки установили палатки и два дня находились в них. Решили одну палатку оставить и в ней груз, а налегке в течение недели проделать измерения в верхней части реки. Через неделю возвращались. А я оставлял свой спальник в палатке, а сам в маршрут брал оленьи шкуры. Захожу в палатку, а в спальном мешке кто-то шевелится. Я прикладом винтовки ударил. Оттуда выскочил зверь тёмно-бурого цвета, массивные, укороченные мощные лапы. Думал, что это медвежонок, но смутил длинный хвост — сантиметров двадцать. Застрелил. Прибежал на выстрел каюр и, взглянув на зверя, объяснил, что это росомаха, вес её около двадцати килограммов. Она натаскала в мой спальный мешок мясо от заколотого оленя. Сделала себя запас. Оказывается, росомаха питается падалью.

Во всех реках множество рыбы — хариус, ленок (по эвенкийски майга), таймень. В озёрах изобилие пеляди, шуки, окуня. На реках и озёрах достаточно перелетной водоплавающей птицы — утки, гуси. При выполнении работ проблемы самообеспечения рыбой, мясом — не было.

Завершив работу на 24 трапециях м-ба 1:100 000 в первых числах сентября мы вышли в факторию Ессей. С почты дал телеграмму в отряд № 52 о завершении полевых работ. Через сутки получил ответ от начальника отряда тов. Рябова В.С.: «Ждите наших указаний!» Я надеялся, что в середине сентября мы будем возвращаться на своих оленях, по зимнику, в Туру. Жена нашего каюра начала усиленно готовиться к зиме. Из ранее

выделанных оленьих шкур камуса (шкура с ног оленя) сшила всем мужчинам зимнюю обувь (бакари с чулками) и рукавицы (какольды). Летом и весной мы с рабочим были обуты в солдатские ботинки с обмотками, одеты в телогрейки. Каюры носили только свою национальную обувь и одежду (сшитую руками жены каюра).

В половине сентября из Туры прилетел гидросамолёт «Каталина». На озере Ессей уже были большие ледяные забереги, в тундре лежал снег. Мне доставили спецпочту. Вскрыв посылку с материалами, я обнаружил письмо от начальника отряда, адресованное мне. Вместе с патриотическим призывом и благодарностью за выполненную работу, мне поручалось сделать дополнительно 12 трапещей м-ба 1:100 000 северо-западнее фактории Ессей, на территории Таймырского национального округа. В Ессее уже была зима, лежал снег, морозы минус 8—10 градусов. Я стал усиленно готовиться к выходу на новый участок работ — в горную безлесную каменистую тундру. Получив перевод из Туры, закупили в магазине продукты: муку, спички, сахар, масло, соль, чай. На пекарне договорились об изготовлении сухарей. Из одежды ничего купить не смогли, кроме солдатских шапок, маек и трусов. Олени наши хорошо отдохнули, окрепли, и 18 сентября я вышел на выполнение дополнительного задания. Уже было 13—15 градусов ниже нуля, снег выпал более 10—12 сантиметров. В то время я не знал, что сам себе подписываю приговор! Даже эвенки, проживающие в фактории Ессей, не ездили зимой охотиться на север — в открытую тундру, так же, как жители Таймырского национального округа — Долгане (соха) и Нганасане (самоеды) не ездили на юг Таймырского округа, не общались с эвенками. Разделяло эти национальности огромное безлюдное пространство голой каменистой тундры по столовообразным вершинам гор.

Несколько суток мы шли до участка работ, использовали весь световой день. Лесная растительность была только по долинам речек, а в верховьях речушек редкий и очень мелкий угнетённый лиственный лес. В конце сентября приступили к работе. Работали с полной отдачей сил весь световой день. Продвигались быстро, подгоняла минусовая температура. К половине октября стали крепчать морозы, частые снегопады затрудняли продвижение в работе. На каждой ночёвке олени с трудом находили корм, заметно стали слабеть.

Чем дальше мы продвигались на север, тем труднее стало бороться за выживание. Лес кончился, дров нет! Последний раз изготовили горячую пищу остатками дров (везли с собой). Пришлось сжечь стойки от палатки и ящик из-под масла. Работу решил доделать при любых обстоятельствах.

Голая тундра, как бесконечное море — снег, снег, снег. Морозы уже за минус 30. Во время ночевок олени никуда не уходят, ищут корм (копытами раскапывая снег) вблизи нашей ночевки.

Эвенкийские олени не приспособлены к тундре — боятся ветра, кроме того, в горной тундре очень мало ягеля.

В течение нескольких дней питались сухим пайком — сухари, сахар, мерзлое сырое мясо. Ночевали не раздеваясь, спали в оленьих спальнях мешках на оленьих шкурах, накрывались палаткой и шкурами. Очень ослабли олени, во время маршрута стали падать от бессилия. До конца работы оставалось несколько дней. Каждый день по маршруту бросали по 1—2 оленя. Мороз под 40 градусов, а мы с рабочим в телогрейках — Днем не согреешься и ночью не уснёшь! Эвенки очень волновались, боялись, что погибнут! Спрашивали: «Куда нас завел, всем нам будет бучо (смерть)?» Не теряя надежды завершить работу, думал, куда выходить по завершении работ.

Седьмые сутки шли без горячей пищи, холодно, все в движении. Оленей осталось 19 голов, но я тверд в решении — завершить работу! Ночами мороз крепчает, всё небо горит спектральными лучами северного сияния, ночь кажется чрезмерно длинной. Последняя запись в журнале, конец работы 3 ноября! Принимаю решение: выходить на север — обратного пути нет — погибнем! Взял курс на северо-восток, карты нет, иду в неизвестность. Девятые сутки ничего горячего не ели. Начиналась пурга, наступила ночь. Развьючили оленей, сложили груз, при сильном ветре приготовились к ночёвке. Оленей не отпустили, они сбились в кучу, сразу легли. Началась пурга! Это самое страшное, что я пережил за период всей нелегкой работы!

Воюющий ветер раздирает душу. Мы спасаемся за оленьим снаряжением (седла, патакуи, турсуки) — накрывшись шкурами и сверху палаткой. Каждый из четверых держит край палатки, чтобы её не сорвало.

Через несколько часов нас замело снегом. Стало теплее, давящий сверху снег согревает. Спать предлагаю по очереди, через 2—3 часа будить, чтобы не замерзнуть. Эта страшная казнь длилась почти двое суток. Внезапно все стихло, был день. Тишина до звона в ушах. Мы вылезли из своего укрытия и сразу к оленям. Олени лежали полукругом в одной кучке, головой к ветру. Те, которые лежали в первом ряду, были мертвы. Из 17 голов, живых осталось только восемь.

Подняли живых оленей, немного поводили для разминки и стали выючить. В дальнейший путь взяли только материалы нашей работы (приборы оставили), необходимое количество продуктов — соль, сахар, спички, чай, остатки сухарей, немного муки. Навьючили 6 голов, два оленя

оставили без груза — в резерв. Решили идти круглосуточно, по ходу подкрепляться. После пурги тундра стала как асфальт, снег плотный, почти не проваливается. Олень идет очень легко, ходко. Ночь в северном сиянии, очень холодно, от белизны снега светло. Надежды на спасение не теряю. Стараюсь внушить своим подчиненным о положительном исходе нашей работы. Вспоминалось постоянно, как год назад замёрз мой друг по учёбе в техникуме Яша Иванников. Его и похоронили в этих местах — в Туре. Он замёрз на нартах, его везли олени. А здесь день и ночь пешком, рядом с оленями. Отмеряем ногами, прошли много сотен километров без карты. Идём в сторону Ледовитого океана.

Утром погода морозная, ясная. Впереди просматривается дальний горизонт, с явным, значительным понижением рельефа. Люди, чувствуется, воспрянули духом. Во второй половине дня заметно стали опускаться вниз. К концу 12-х суток, к вечеру, спустились в долину крупной реки, как выяснилось позднее, это была река Маймеча.

За последние сутки оставили ещё двух оленей. На берегу остановились у небольшой группы лиственничных деревьев и расположились на ночлег. После развьючивания оленей последние сразу зарылись в глубокий снег в отыскании корма. Судя по оленям, мы остановились удачно — есть ягель. У всех заметно поднялось настроение, каюры стали искать сухие ветки для разжигания костра, я начал рубить лиственницу на дрова, рабочий Баранов разгребал снег, готовил место для костра и ночёвки. Поужинав и хорошо напившись чаю после двухнедельного сухого пайка, я расслабился и уснул на приготовленном месте у костра. Дежурил Борис, подкидывал дрова в костёр и смотрел за оленями. Часа три я спал как мёртвый, потом вскочил от страшной боли в спине. После сна я не мог понять, что случилось?! Оказывается, во время добавления дров в костёр отлетела горящая искра и попала мне на телогрейку, последняя начала тлеть. Каюр этого не заметил. Когда всё прогорело до живого тела, я проснулся. На телогрейке, куртке и рубашке выгорела большая круглая дыра, а на теле спины приличный ожог с водянистым волдырем. Я стал почти не работоспособен. Руками работать не могу, мешает ожог. Жена каюра зашила дыру на телогрейке куском шкуры (с внешней стороны). По причине моего ожога остались ещё на сутки. Края ожога мне смазали вазелином, волдырь я попросил проколоть иглой. Вытекла жидкость, стало легче. На третьи сутки решили идти вниз по реке. Шли непосредственно по руслу, к вечеру остановились на ночлег. Олени опять зарылись в снег. Переночевали, я кое-как прокоротал ночь и вдруг увидел много оленей, бегущих мелкой трусцой вверх по руслу р. Маймеча. Олени двигались на расстоянии 15—20 метров один от другого — цепочкой. Живая «цепочка» нескончаемо появлялась из-за поворота двигалась вверх

по реке. Я вначале не понял, а потом сообразил, что это дикие олени уходят с тундры в лесотундру — на зимовку. Идут по реке, где всегда есть ягель. Позавтракали. Завьючили своих оленей и пошли навстречу движущейся «цепочке». Идти было легко, шли по натопанному следу. Встречные олени обходили нас стороной на расстоянии 30—40 метров, не обращая никакого внимания. Но когда услышат запах дыма от нас, сразу фыркают и отбегают на 100—150 метров. Наши олени на диких не реагировали, были очень измучены и истощены. Выбрали место, остановились на ночлег. Развьючив оленей, Мария пошла искать сухих веток для разжигания костра, а мы трое за мясом — свежаниной. Подошли к оленьей «цепочке», каюр облюбовал молодого рогатого авалаканчика (самца), и я выстрелил из винтовки по передним лопаткам. Резкий прыжок, и олень падает замертво. Эвенк быстрым движением ножа разрезает горло и пригоршнями пьёт тёплую пульсирующую кровь. Не теряя времени, мы вспарываем живот, из утробы достаём печень и здесь же едим тёпленькую на морозе. Топором вырубает грудинку оленя и кусок мякоти от задней ноги и идём в распоряжение лагеря.

Мороз крепчает, наверное, много за 40°, спасенье только в движении и у большого костра. Ужинаем — шашлык на рожнях из свежанины и пьём много чаю. Ночь проходит благополучно — дежурил Иван Баранов, хорошо следил за костром, щадил меня. Утром опять в путь, дикие олени идут сплошной лавиной. Лес стал пореже и мельче. Мы, как заведённые механизмы, — ночь, день — одно и то же.

Трое суток мигрировали олени с севера на юг, прошло, видимо, несколько тысяч голов. На пятые сутки нашего пути по реке Маймеча, на правом, крутом берегу мы увидели рубленую избушку. Из трубы шёл дым, вся избушка (с наружной стороны) была обставлена разделанными замороженными тушами убитых оленей. Нашей радости не было предела. Мы случайно вышли на метеопост гидрометслужбы. Нас встретили как родных. Два зимовщика: Борис Колманов — наблюдатель и Иван Фролов — радист остались на зимовку на метеопосту.

Неделю «зализывали» свои раны, отдохнули, отоспались и стали думать, как нам выбраться до населенного пункта. По радиции метеопоста связаться ни с кем не удалось, сплошной «глухор» (на прохождение), это наблюдается в ноябре, декабре.

Я мучительно переживал, что не смог сообщить на базу отряда о своём местонахождении. В конце ноября мы должны были вернуться в факторию Ессей и сообщить о себе. Случилось непредвиденное. Теперь будут считать, что мы погибли!

Мы потеряли счет дням, как неожиданно на метеопост заехали два охотника-долганина (саха). У них были сытые олени — две упряжки, по 4 оленя в нартах. Охотники проверяли ловушки на белого песца и собирали убитых ими оленей на мясо. Договорились, что через три дня они приедут и за определенную плату доvezут нас до ближайшей фактории Катырык.

Три дня показались вечностью. Долгане сдержали свое слово, мы ждали их в полной готовности. Они приехали на шести упряжках, по 4 оленя в каждой. До фактории Катырык ехали несколько суток, ночевали у охотников в чумах. 4 декабря мы прибыли в факторию Катырык, там базировалась партия Гулинской экспедиции (из Ленинграда). Я обратился к начальнику партии с просьбой о помощи, рассказал всё, что с ними случилось. На нашу беду откликнулись очень отзывчиво. Моему рабочему подарили поношенный полушубок и валенки, а мне пилотские унты б/у и меховую куртку. Мороз был -50° ; но нас это не страшило. Гулинская экспедиция приняла от нас шесть оставшихся голов оленей с вьючным снаряжением — дали расписку с круглой печатью. Дальнейший наш путь был ясен. На оленьих упряжках мы добирались от станка до станка, от фактории до фактории. 20 декабря, мы прибыли в посёлок Хатанга, там был аэропорт.

Я обратился в советские и партийные органы, рассказал, что с нами случилось и как мы попали в Хатангу. Мне в начале не поверили. Мои материалы и документы были тому доказательством. Запросили Туру, отряд № 52. Почта сообщила, что отряд № 52 из Туры перебазировался в Кемеровскую область. Запросили Новосибирское АГП.

Немедленно пришел ответ: отряд № 52 базируется в г. Топки, Кемеровской области, по адресу, переулок Горный № 3. Я дал телеграмму в отряд и попросил деньги на выезд. Перевод на деньги пришел быстро, но вылететь из Хатанги нам удалось только в первой половине января.

Прилетев в г. Дудинку, удачно самолетом отправил эвенков и рабочего в пос. Байкит Эвенкийского национального округа (их местожительство). Себе взял билет до г. Красноярска, но вылететь долго не мог из-за нелётной погоды (сильные туманы). До базы отряда, в г. Топки, Кемеровской области, добрался только 19 февраля 1953 г.

Коллеги по работе мне сказали, что я вернулся с «того света»!

Безберложная медведица

Заканчивался октябрь. Наступила снежная сибирская зима. Обычно в это время в лесных массивах проходит смена природных изменений, тайга в такой период перевоплощается. Перелетные птицы улетают в тёплые края, оповещая окружающих своим тоскливым криком о том, что они оставляют насиженные гнёзда только до весны. Земляные зверьки забиваются в самые глубокие норы поближе к своим зимним запасам. Остальные звери меняют облегчённую летнюю одежду на более тёплую и обязательно светлых тонов, маскируясь под снежный покров и успевают сделать последние зимние заготовки. Медведи, дождавшись первого снега, залазят в приготовленные в самых густых зарослях берлоги, которые они за лето утеплили толстым слоем мха, всё это они сделали вдали от людских глаз.

В тот год в девственной тайге от г. Братска до г. Зима был нарушен покой для лесных обитателей в связи с началом грандиозного строительства Братской гидроэлектростанции. Огромные лесные массивы вырубали под зону затопления водохранилища и для переселения сёл, деревень. Выпиливали широченные просеки для прокладки магистральных линий электропередач. Возводились новые заводы, фабрики, комбинаты, прокладывались железнодорожные и автомобильные дороги.

Звери, птицы и насекомые вынуждены срочно переселяться, бросая свои зимние заготовки. Миролюбивые лесные обитатели оказались на грани голодной смерти в трескучие морозы, а тем временем бульдозеры, экскаваторы, тракторы, грейдеры с оглушающим грохотом уничтожали тайгу, выкорчёвывая многовековые кедры, лиственницы, сосны, раздавливая муравейники, гнёзда, норы и берлоги. Редким лесным представителям удалось выжить в таких жестоких условиях, которые создали им люди. В такую категорию зверей попали медведи, эти огромные гиганты, которым сама природа предусмотрела активную жизнь только летом, а зимой они засыпают и целыми семьями в берлогах отсыпаются вплоть до первых весенних оттепелей.

Хозяева тайги — медведи оказались выгнанными из своих потомственных зимних квартир. Они превратились в ожесточённых бродячих шатунов. Обездоленные, голодные, они скитались по опустевшему морозному лесу, ночуя в глубоких снежных сугробах. Изгнанники подстерегали в лесных зарослях людей, разоривших их берлоги, намереваясь отомстить коварному человечеству за их злодеяния. Учитывая, что весовые категории у человека и у медведя разнятся в десять раз, т.е. вес

среднего человека в десять раз меньше веса среднего медведя, поэтому в единоборство вступать человеку с таким гигантом бесполезно. После первых нападений на человека медведь превращается в людоеда.

Такой ожесточённый, бездомный медведь-людоед оказался в лесном урочище, где геодезическая бригада под руководством начальника партии А.С. Кокойченко выполняла измерительные работы. Людоед более месяца расправлялся с членами бригады первопроходцев, поджидая появления каждого на таёжной тропе, засыпанной глубоким снежным покровом. Эта расправа продолжалась до первых чисел декабря.

Для строительства Братской ГЭС срочно требовались крупномасштабные топографические карты и уточненная геодезическая основа. Бригады занимались топографо-геодезическими работами на всем протяжении от Братска до Зимы.

Полевой сезон продлили, и порою приходилось работать в зимний период. Транспорта никакого не было. В некоторых бригадах имелись вьючные лошади.

Надолго затянулись базисные измерения на одном из пунктов триангуляции на залесённой горе в плоско равнинном урочище Братского региона. В двух палатках проживало пять человек. Утро начиналось с заготовки дров. С каждым днём становилось всё холоднее и холоднее. Морозы крепчали. Снег порою валил хлопьями, целыми днями, заваливая землю и деревья. Геодезисты при первой возможности занимались измерительными работами, хотя ясных дней становилось очень мало. Двух геодезистов, Васильева и Орехова, пришлось отправить в г. Зиму, по предписанию им предстояло прибыть в военкомат для прохождения службы в армии. Оба геодезиста имели офицерское звание, полученное в учебном заведении, но должны отслужить в звании лейтенантов в течение двух лет. Некоторые после двухлетней службы оставались пожизненно в кадровых офицерах, но Васильев и Орехов обещали, что через два года вернуться, хотя оба учились в Москве, но очень понравилась им Сибирь. В канун их отправки геодезист Юра Чекулаев застрелил глухаря и вместе с рабочим Николаем приготовили праздничный ужин. Прощальный вечер затянулся допоздна. Вспоминали летний сезон, уехавших студентов и сожалели, что не успели завершить измерения до ухода в армию. Оба геодезиста подружились со студентками, которые поклялись приехать через год после окончания учёбы и продолжить здесь работу. Начальник партии пообещал обеспечить девушкам опеку до возвращения геодезистов из армии.

Рано утром Васильев и Орехов, забрав свои личные вещи, отправились в село, чтобы затем на транспорте уехать в г. Зиму, где находился военкомат. Шли по глубокому снегу, проваливаясь до верхней части голенищ изрядно

потрепанных за лето своих кирзовых сапог. Летом тропа была хорошо натоптана, по ней можно было очень быстро идти, но ноябрьские снега и метели капитально завалили толстым зимним покрывалом, поэтому передвигаться становилось трудно. Снег с деревьев обрушивался на землепроходцев, и одежда становилась мокрой. Геодезисты за лето исходили большое количество троп, поэтому их натренированный и выносливый организм переносил этот маршрут вполне спокойно. Они знали, что на предстоящей армейской службе им будет не легче, ведь там тоже придётся служить в каком-то топографическом отряде, а большинство из них работают в аналогичных условиях, такова специальность.

В посёлке в это время находилась заместитель начальника отряда Татьяна Николаевна Рубинштейн, она и увезла на автомашине в г. Зима обоих геодезистов, которых доставила в распоряжение военкомата. Т.Н. Рубинштейн по образованию тоже геодезист, многие годы работала в поле, появилась семья, пришлось переключиться на камеральные работы. Ей приходилось в отряде выполнять отдельные хозяйственные поручения, затем её назначили заместителем начальника отряда и в этой должности ей пришлось проработать 27 лет — это редчайший случай в картографо-геодезической отрасли. В тот день она не дождалась, куда геодезистов определил военкомат, потому что торопилась в г. Братск, там ей предстояло в ближайшем колхозе арендовать лошадей для нивелирной бригады, работающей в зимний период по льду реки Ангары.

После ухода геодезистов в армию бригада в усечённом составе втроем продолжала выполнять геодезические измерения, хотя темп резко снизился. Морозы с каждым днём усиливались, как только они ослабевали, начинался снегопад и метель.

Заканчивались продукты. Работы оставалось на три недели. Начальник партии понимал, что без продуктов оставшийся объём измерительных работ не осилить, поэтому отправил своего помощника Юру Чекулаева за продуктами, тем более до деревни имелась хорошая тропа, а сам с рабочим остался выполнять измерения. Сварили последние остатки рисовой крупы, а оставшуюся банку сгущённого молока сохранили на последующие два дня с расчётом, что через два дня возвратится Юрий и тогда восстановится нормальное питание. Помощник в намеченный день не появился. Не пришёл он и через день, два и три. Кокойченко находился в глубоких догадках, делая скидки на различные непредвиденные обстоятельства. У начальника партии вкрадывалось сомнение, что Юрий мог поехать в г. Зиму, там в отряде в камеральном цеху работала его знакомая девушка и, возможно, что-нибудь случилось, произошло, поэтому он задержался, хотя геодезист знал, что в бригаде совсем нет продуктов.

Прошла неделя, и руководитель вместе с рабочим отправились в деревню. На тропе в снегу отчётливо были видны следы от сапог Юры и чуть-чуть просматривались вмятины от обуви ушедших три с лишним недели назад будущих военных геодезистов. Вначале шли ускоренным шагом, стараясь попадать в утопанные следы помощника, но быстро обессилели, практически всю неделю не ели, пили целыми днями горячий чай, заваренный берёзовой чагой. Стали часто останавливаться, прислонившись к стволу дерева. Рабочий стёр ногу, начал отставать. В тот день наступила оттепель, снег сделался мягким, рыхлым и влажным, поэтому присесть на мокрый снег не удавалось. Наконец увидели валёжину. Очистили её от снега и уселись. Отдыхали долго.

Обоим сподвижникам послышалось поскрипывание снега со стороны ручья, к которому держали путь первопроходцы. Начали кричать, свистеть с надеждой, что это возвращается Юра и сейчас они смогут поесть вдоволь, вернуться на вершину горы и завершить работу, которой осталось совсем немного. На громкогласные выкрики никто не отозвался. Обезнадёженные, поникшие путники вновь побрели в сторону деревни. Шли молча.

Неожиданно навстречу из зарослей выскочил огромный медведь, мгновенно подмял под себя начальника партии и отбросил его в сторону от тропы в снежный сугроб, в это время рабочий, увидев темно-коричневого гиганта, бросившего руководителя в сугроб как пушинку, закричал пронзительным нечеловеческим голосом и с оглушающим визгом, стремглав помчался по тропе назад. Медведь бросился за громкокричащим человеком, через несколько минут в тайге наступила абсолютная тишина. Медведь увлёкся своей добычей.

Прошло много времени, начальник партии очнулся и понял, что находится в глубоком снежном сугробе. В лесу темнело. Последние дни ноября очень короткие. Начальник партии почувствовал острую боль в боку и в бедре. Долго приходил в себя, вспоминая о случившемся. Замерзли руки и ноги, геодезист решил привстать, взглянуть в сторону рабочего, вскрикнул от адской боли и упал в снег, но никаких силуэтов рабочего и медведя в обозрении не увидел.

Начальник партии, преодолевая боль, приподнялся и начал делать пробные шаги в сторону деревни. Мокрая одежда, пропитанная за день потом и растаявшим снегом, замёрзла. Начальник партии, придя в полное умственное состояние, понял, что нужно срочно пробираться в деревню. Нестерпимая боль не давала возможности двигаться. Из ободранного бедра сочилась кровь, геодезист периодически прикладывал снег к разодранному углублению. Шевелить ногой в бедренном суставе из-за острых болей было невозможно, но бедолага, придерживая обеими руками бедро, делал и делал

шаги. Волочилась длинная полоса разорванного прорезиненного плаща, очевидно, попала под коготь людоеда.

Иногда геодезист передвигался на трёх точках опоры, на руках и на одной коленке, и боль в боку при таком передвижении становилась терпимой. Руки глубоко проваливались в снег и мёрзли. Пришлось изорвать плащ, намотать на руки и двигаться.

При воспоминании о нападении медведя начальник партии мгновенно оглядывался и появлялись силы для ускорения движения, но вскоре всё угасало. Даже многодневный голод уходил на второй план.

Мороз усиливался, ночное небо, усыпанное звёздами, стало ясным, появилась луна. Только теперь начальник партии обнаружил, что на тропе исчезли свежие следы Юры Чекулаева, по которым они шли вместе с рабочим, но давние углубления следов Васильева и Орехова легко улавливались, особенно при передвижении ползком, когда глаза находились совсем близко, утыкаясь в снег. Преодолевая замёрзший ручей, первопроходец вдруг заметил, что на тропе появились более свежие следы кирзовых сапог, значит кто-то проходил после ухода геодезистов, ушедших на армейскую службу. Начальник партии оживился, приняв эти следы за охотничьи, с надеждой встретить на пути охотников. Тем более, наступил в таёжных угодьях самый наилучший период охоты на соболя и на белку. Долго всматривался в крутые берега небольшого ручья, пытаясь увидеть охотничью избушку, но никаких признаков присутствия охотников увидеть не удалось. Ночная тайга погрузилась в тишину.

В какой-то момент послышались в стороне от тропы шорохи, геодезист вздрогнул, от испуга поднялись на голове волосы. Начальнику партии показалось, что появился медведь, он вспомнил, что у него имеются спички в непромокаемой упаковке. Вытащил клочок ваты из дырявого ватника и зажёл, затем расковырял ещё клочок. Тлеющий запах волокнистой ваты распространился по всему урочищу. Из полевой сумки начальник партии достал журнал геодезических измерений, вырвал несколько страниц и стал их поджигать. На тропе горел маленький костёрчик, в лесу вновь наступила тишина, иногда потрескивали деревья от усиливающегося мороза. Захотелось спать. Ноющая боль в бедре не давала покоя. При освещении бумажного костра начальник партии рассмотрел разодранное бедро и бок с рваными краями от медвежьих когтистых лап и завязал длинной лентой, оторванной от нижней части своей рубашки. Боль, голод и сон склонили первопроходца уснуть. Усевшись на кусок плаща у ствола лиственницы, он стал засыпать, но какое-то внутреннее чувство его отдёргнуло от смерти.

Пересилив боль, голод и сон, искалеченный геодезист упёрся на руки и пополз к тоненькой сосёнке, сломил её, очистил ножом сучья и сделал себе

длинную трость. Вцепившись обеими руками в палку, он вновь начал отсчитывать шаги, палка протыкала снег до самой земли, но продвижение ускорилося, хотя разодранная рана не давала покоя. Ночь оказалась очень длинной и морозной. Много раз за ночь бедолага отчаивался, хотел уснуть у очередного ствола, даже однажды обнаружил в стороне от тропы раскидистую ель, под которой не было снега, кое-как устоял от такого заманчивого соблазна. Часто терял всякую надежду добраться до деревни, но через некоторое время вновь мобилизовывал себя, заставлял скорее добраться до деревни и отправить охотников, чтобы они с собаками пошли ко второму ручью, ведь рабочий, наверняка, сидит на вершине дерева, а около ствола бродит медведь. Дело в том, что рабочий владел виртуозным мастерством по лазанию на деревьях, он молниеносно залезал на любое дерево. Медведь не сможет так проворно залезть на дерево, тем более на самую вершину топыгину никогда не подняться. После таких раздумий начальник партии вновь продолжал двигаться, поочередно, при усилении боли, передвигался ползком. Метр за метром приближался к деревне.

На рассвете начальник партии был на окраине деревни. Его обнаружила местная жительница, которая пришла на реку за водой. Она зачерпнула вёдра в проруби, зацепила их на коромысло и в это время увидела ползущую по снегу тёмную фигуру. Женщина бросила вёдра, схватила коромысло и с раздирающим криком: «Водяной дьявол, водяной дьявол» — побежала по деревне. Залаяли собаки, деревня вся пришла в движение, соседи бежали на крик. На улицах встрепнулись собаки. Мужики с ружьями и собаками направились к реке, чтобы увидеть появившееся чудовище. Женщина всем объясняла, что на её глазах из реки вылез огромный дьявол. Действительно, у страха глаза велики. Мужики осторожно шли к тёмному силуэту. В деревне очень остро воспринимались религиозно-мистические явления, потому что большинство жителей принадлежало к старообрядческой вере. Собачья свора бросилась к человеку и чуть-чуть не разорвала его. Подоспевшие жители подняли и притащили в дом замерзающего человека. Продавщица деревенского магазина узнала начальника партии, который осенью покупал большое количество продуктов для экспедиционных нужд, и тогда начали обо всём у него расспрашивать.

Начальник партии умоляюще попросил срочно организовать охотников с собаками и отправить их ко второму ручью искать на дереве рабочего, около которого наверняка топчется медведь. Геодезист подробно рассказал охотникам о нападении медведя.

Группа охотников с собаками сразу же отправились по тропе в тайгу. Собаки бежали по следам А.С. Кокойченко, останавливались, обнюхивали его стоянки, а их за ночь он проделал очень много. Наконец обнаружили

кровавой сугроб, в котором долго пролежал с кровоточивой раной начальник партии. Собак охотники взяли на поводки и осторожно пошли по медвежьим следам. Прошли совсем немного и наткнулись на труп, который был завален ветками и сучьями недалеко от высокой лиственницы. Очевидно, рабочий хотел залезть на дерево, но вероятно, не успел. Преследовать людоеда охотники не стали, потому что время приближалось к сумеркам, в темноте встречаться с таким жестоким людоедом очень опасно. К концу дня охотники доставили в деревню останки изгрызанного рабочего. К тому времени начальника партии накормили и на запряженной лошади увезли к фельдшеру.

В связи с трагическим происшествием в деревню начали прибывать экспедиционные начальники. Первыми приехали начальник отряда В.К. Резчиков и главный инженер отряда А.С. Земцев, и здесь выяснилось, что геодезист Юрий Чекулаев в отряде не появлялся, тогда навели справки в магазине и в пекарне, где он должен покупать продукты и хлеб. О том, что Юрий из тайги не приходил, подтвердила хозяйка, у которой арендовали половину дома для ночёвок. Начальник отряда нанял охотников из числа местных жителей и они с собаками отправились вновь по той же «людоедской тропе» — так стали называть тропу местные жители. Охотники уже предположительно знали, где могла произойти расправа, на этой же тропе, но немного дальше, при переходе через следующий ручей. Берега ручьев всегда бывают очень заросшими густой порослью, в них людоед и устраивал свою засаду. К вечеру следующего дня в деревню был доставлен изгрызанный труп Юрия Чекулаева.

В этот день на расследование приехал главный инженер Иркутского предприятия В.В. Крюк и стал интересоваться судьбой геодезистов Васильева и Орехова. Начальник партии и руководство отряда объяснили, что геодезисты уже месяц находятся на службе в армии. В.В. Крюк рассказал, что согласно его письма, отправленного руководству военкомата, геодезистам отсрочили призыв до мая, в связи с государственным заданием по строительству Братской ГЭС.

Только теперь удалось восстановить, что Васильев и Орехов, получив отсрочку, приехали в деревню, переночевали, закупили продуктов и ушли по тропе в распоряжение к своему начальнику партии А.С. Кокойченко завершать полевые работы, но к начальнику партии они не дошли. Руководству отряда и предприятия не верилось, что могло случиться такое страшное злодеяние. Стали наводить справки: дело в том, что этот отряд № 3 подчинялся до этого года Московскому предприятию, теперь передан Иркутскому, оба геодезиста родом из Подмосковья, поэтому начали запрашивать их семьи. Деревенские жители и продавец магазина

подтвердили, что два человека закупили продукты и ушли в тайгу. Комиссия стала убеждаться, что на геодезистов тоже напал тот же людоед.

На этот раз снарядили специальную поисковую бригаду, в которую пригласили опытных охотников и из других деревень. Они верхом на лошадях с собаками отправились в страшный поход. Им предстояло найти ответ об исчезновении двух геодезистов и если подтвердится злобная медвежья проделка, то необходимо выследить и уничтожить его за его жестокость.

Несколько дней ушло на поиски пропавших парней. Прошло много времени, почти месяц с момента их исчезновения, следы занесло снегом, и собаки след не брали. Притом всё лесное пространство было исхожено медведем. Коварный злодей, весивший несколько сот килограммов, оставлял на снегу огромные вмятины своими толстыми, массивными, сравнительно короткими лапами. Собаки в растерянности от таких многочисленных медвежьих следов в зимний период бегали единой неразлучной сворой. Лошади очень часто останавливались, храпели, порою их становилось трудно удерживать, готовы были сорваться с места и убежать домой.

В какой-то момент собаки умчались в сторону ручья, и через некоторое время зазвучал тревожный завывающий собачий рёв. Голосили они жалобно, пронзительно, взывая людей разделить с ними скорбь о погибших. У всех пошёл мороз по коже. Даже лошади поникли головами. Долго стояли седоки, словно заколдованные, монотонный, тоскливый вой продолжался. Наконец слезли с лошадей и отправились к скорбящим четвероногим. Все пять собак стояли вокруг кучи валёжника, задрав вверх головы, голосили заунывно, извещая по всей тайге о случившейся трагедии.

Одна группа людей стала вывозить изгрызанные, замёрзшие трупы в деревню, а охотники направились на очень опасные поиски обозлённого шатуна, который целый месяц занимался разбойным убийством. Охотники остерегались внезапного медвежьего нападения, поэтому собак держали на поводке, но такое выслеживание затягивалось, тем более декабрьские дни в тайге очень короткие. В конце концов решили рискнуть и отпустили собак. Медведь далеко и не уходил от замёрзших геодезистов, забившись в густую еловую поросль.

Остервенелый зверюга оказал жестокое сопротивление, он разодрал двух собак, подмял одного охотника, к счастью, охотник остался живым. Раненый медведь убежал. Он становился ещё опаснее. Стрелки, следуя за собаками, бежали по глубокому снегу, выбиваясь из последних сил. Наконец собаки настигли злодея и начали с ним сражаться. Подоспевшие охотники на этот раз сумели застрелить неугомонного ожесточённого зверя. При

осмотре убитого обнаружили, что это не медведь, а медведица, и тогда обнаружили на снегу следы медвежат.

Оставшиеся три собаки взяли след малышей и вскоре обнаружили дрожащими от мороза двух медвежат и годовалого пестуна в зарослях под густой пихтой.

Эту трагедию совершили сами люди. Обидно, что одни это сделали, а невинные погибли. У медведей — хозяев тайги люди отобрали берложьи квартиры. Люди выгнали медвежью семью из берлоги с маленькими совсем неокрепшими малышами. Мирные животные остались без зимнего жилья. По своей природе они совсем не приспособлены скитаться по тайге на трескучем морозе, тем более с маленькими детьми. Обездоленная, безберложная медведица превратилась в людоедку, её безысходность заставила мстить человеку.

Грозной мстительнице на тропе попали пять человек из геодезической партии, четверых она растерзала, одного искалечила.

В геодезическом отряде похоронили останки четырёх молодых парней, попавших на пути безберложной медведицы-людоедки.

На берегу Ледовитого океана

10 августа в Норильском объединенном авиаотряде проходило совещание с заказчиками по аренде и эксплуатации вертолётов и гидросамолётов. На этом совещании я повстречался с начальником экспедиции № 144 Валерием Александровичем Виноградовым, я в то время возглавлял экспедицию № 150. Экспедиция № 144 работала на самых северных объектах. Они выполняли топографо-геодезические работы по всему побережью Ледовитого океана, в пределах Карского моря. Объекты нашей экспедиции располагались южнее.

После совещания командир отряда пригласил всех заказчиков поприсутствовать на испытаниях нового типа вертолёта Ми-8 в условиях крайнего севера. Испытание намечено на 13 августа на Диксоне. Вертолёты Ми-4 отработали свой ресурс и в ближайшие годы планировали с эксплуатации их снять. Мы с Виноградовым полетели на Диксон, тем более, у него там базировалась геодезическая партия. На Диксон прилетели 12 августа. Погода стояла прекрасная. Бушевал океан, с его бескрайних просторов тянуло леденящей прохладой. Несметное количество крикливых белых чаек, их можно увидеть на берегу, на воде, на скалах, в воздухе. Они приспособлены к длительным манёвренным полётам, прекрасно плавают. Они заполнили всё побережье ледовитого океана. Нам приносили показать местные жители их яйца, они оливкового цвета с бурыми пятнами и точками, сгущёнными к тупому концу.

13 августа утром мы собрались на испытания, и вдруг Виноградову вручают радиogramму с трагическим сообщением. Утонули специалисты его экспедиции, которые работали на побережье Карского моря совсем близко от Диксона, всего в тридцати километрах. Мы бросили мероприятие по испытанию и на вертолёте Ми-4 отправились к месту происшествия. Произошла страшная трагедия.

Гусеничный вездеход Газ-47 обслуживал две бригады. Одну бригаду возглавлял опытный инженер, имеющий восемнадцатилетний стаж полевых работ Николай Феоктистович Шишаев, помощником работала его жена Любовь Евменовна, вторую бригаду возглавляла инженер Галина Нежевлёва, помощником у неё был техник-геодезист Александр Борисович Борисов. На вездеходе ехали шесть человек. Организацией по перевозке бригад занимался Пётр Руденко, он сидел рядом с водителем. Ехали на работу, как обычно, по прибрежной части океана. Эта приморская полоса самая удобная для передвижения на вездеходе. Далее в сторону

материкового удаления начиналась крутизна, обрывы, скалы и другие неудобства для поездок на этом виде транспорта, поэтому постоянно использовали прибрежную часть рядом с кромкой морской воды океана.

При пересечении устья одной из рек, впадающей в океан, неожиданно вездеход захлестнуло многометровой волной сильного прилива с океана. Вездеход затонул, погрузившись полностью в холодную морскую воду.

Водитель вёл вездеход с открытой дверцей, с ним рядом сидел Руденко — они сразу выскочили. В первую очередь они начали спасать женщин. Трудно было удерживаться на верху вездехода, волны двигались то в сторону берега, то в обратную сторону с большой скоростью, создавая неустойчивость спасателям и сбивая их с ног. С большими трудностями удалось вытащить Галину Нежевлёву. Нахлебавшись воды, она не могла даже стоять. Вновь начали нырять и залезать в вездеход, заполненный водой. Теснота не позволяла проникнуть в быстром режиме. Не хватало воздуха на долгое ныряние в вездеход. В проёме мешала плавающая бочка с соляжкой и различное оборудование, притом некоторое всплыло, а другое лишь приподнялось, всё это перегораживало входную часть в вездеход. Наконец ухватились за Любу Шишаеву и сумели её выдернуть из кузова ещё живой.

В это время Шишаев с Борисовым старались спасти документы, радиостанцию, инструменты, имущество выталкивали из внутренней части машины к выходу. Вдруг выход заклинило бочкой с соляжкой, а у них уже не оставалось сил. Сверху пытались разрезать брезент, долго не получалось это проделать маленьким складным ножом, наконец сумели проделать отверстие сверху, занырнули туда, но они уже были мертвы. Всех охватил страх, отчаяние.

На этот момент по берегу проходили два местных охотника, они помогли натянуть трос, который находился на верхней части вездехода и с помощью этого троса сумели переправить женщин на берег, затем перебрались по тросу водитель с Руденко. После этого разожгли костёр, подсушили радиостанцию и сообщили на базу партии. Мы с Виноградовым через несколько минут прилетели к месту трагедии. Стали считать с вертолётки количество людей — было шесть человек. Обрадовались, что все живые, но когда совершили посадку выяснилось, что среди наших людей находились два охотника.

Наступил отлив, вода ушла в море, тогда вытащили погибших из вездехода. Жена Шишаева находилась в невменяемом состоянии, а потом потеряла сознание. Погиб муж на глазах, а дома, в Новосибирске, остались два сына.

Началось расследование несчастного случая со смертельным исходом — так трактуются на производстве подобные трагические исходы. Виноградов сетовал мне, что очень скверно начался для него первый год в должности начальника экспедиции, до этого он проработал главным инженером Бийской экспедиции десять лет, притом трагическая гибель произошла в день чёртовой дюжины — тринадцатого числа. Начальник экспедиции уверял, что подобное событие у него уже было и тоже в день чёртовой дюжины.

Тогда Валерий начинал работать топографом в тайге. Тринадцатого мая вдруг один рабочий решил уволиться и уйти домой, объясняя, что увидел плохой сон и уверен, что дома произошла трагедия. Бригадир долго уговаривал вплоть до категорического отказа, но рабочий, ему исполнилось девятнадцать лет, написал заявление и дописал, что за свою судьбу отвечает сам. Топограф отдал ему компас и пояснил, что идти нужно строго на север и к концу дня выйдешь к реке, а по берегу реки имеется тропа до самой деревни. Рабочему дали продуктов на два дня, и он ушёл.

Через месяц Виноградов с бригадой вышел в деревню и выяснилось, что рабочий не приходил. Начались поиски, которые оказались безрезультатными. Тогда сообщили родителям, через несколько дней приехал его старший брат. Поиски возобновили. Брат обвинил Виноградова и решил найти сам лично своего младшего брата. Взяв компас, бинокль, продукты пошёл по тому же маршруту, запретив кому-либо за ним следовать. Бригадир и начальник партии ушли на берег реки в ожидании результатов. Рассредоточились по всему берегу, до самой темноты ждали, он так и не вышел. На второй день он тоже не появился. Организовали поиски, но так и не нашли исчезнувших братьев. Впоследствии геологи обнаружили в этом таёжном массиве крупное скопление залежей железа, которое притягивающее действовало на стрелку компаса. Человек ходил по огромному кругу до тех пор, пока не погибал от истощения.

Через два года после гибели Н.Ф. Шишаева и А.Б. Борисова, недалеко от этого места погиб при подобных обстоятельствах геодезист Б.И. Бобровников и водитель вездехода Г.Н. Иванников. Странные жизненные обстоятельства происходят в жизни. Когда погибли Шишаев и Борисов, геодезист Бобровников проявил инициативу по отправке из Диксона погибших в Новосибирск. Прямого рейса не было, поэтому пришлось Цинковые гробы доставлять с пересадками несколько раз. Эту тяжёлую Миссию Бобровников выполнил. Похоронили геодезистов рядом на центральном кладбище в г. Новосибирске.

Через два года после этого трагического события Б.И. Бобровников ехал на ГАЗ-47 с водителем по берегу океана между устьями двух рек

Лемберово и Малое-Лемберово. Случилось это 19 сентября, ехали также по прибрежной береговой полосе, неожиданно нахлынула волна морского прилива, вездеход оказался под слоем воды, затонул. Похоронили Б.И. Бобровникова в Новосибирске рядом с Н.Ф. Шишаевым и А.Б. Борисовым. Все они имели многократные поощрения и награждения. Жена А.Б. Бобровникова, Т.В. Бобровникова, долгие годы работала в том же предприятии, воспитывая двоих дочерей, которые пошли по стопам родителей и работают геодезистами в том же предприятии.

В посёлке Диксон всем трагически погибшим установлен памятник.

Загадочный пришелец

Инженер Валентина Фёдоровна Бутакова передвигалась пешком по таёжной тропе, обследуя залесённую местность по берегам реки Уда. Река широкая, в неё впадает много ручьёв и рек, все их дешифровщику предстоит обследовать. Обычно в маршрут она отправляется со студенткой, а иногда в далёкие пути следования бригадир забирала и рабочего. На этот раз Валентина отправила практикантку с рабочим в деревню за продуктами, а сама с рюкзаком и с полевой сумкой направилась в трёхдневный маршрут одна. Нравилось ей ходить по лесным тропинкам. Таёжных троп она исходила и изъездила много.

После учёбы в школе сразу устроилась на работу в экспедицию, которая на короткий период остановилась в их деревне. Попала в топографическую партию речником. Деревенской девчонке эта работа была по душе. Зимой пошла на курсы младших техников-топографов. Лето проработала в дешифровочной бригаде у опытной специалистки В.Г. Любивой. Быстро освоила этот процесс и поступила на заочное обучение в Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии и успешно закончила. С каждым годом Валентине давали объекты для обследования всё сложнее и сложнее. Сложность заключалась прежде всего в их отдалённости от населенных пунктов. Работать приходилось пешком. Дикая необжитая тайга с большим количеством рек, которые постоянно приходилось переходить и переплывать. Иногда с большими трудностями поддавались обследованию заоблачные скальные кручи и труднопроходимые болота, но инженеру эти трудности были не в тягость.

В этот раз бригадир в одиночестве медленно продвигалась по левому берегу реки Уда. По всем признакам чувствовалось, что тропа очень древняя, хорошо натоптана, когда-то её хорошо расчищали, очевидно, по ней проходили на лошадях с вьюками. В последние годы тропой мало пользовались, потому что выросли кустарники, кое-где появилась высокая трава прямо на тропе. Валентина сосредоточенно следила за каждым поворотом тропы, затем подходила к обрывистому берегу, держа перед собой аэрофотоснимки, делая постоянно пометки на их обратной стороне. Много измерений приходилось проделывать на береговой части, в обследование реки входит большой набор измерений (глубина реки, скорость течения, характеристика дна реки, высота обрывистых берегов, ширина и характеристика пляжной части реки и т.д.).

Перед устьем реки Огнит, впадающей в Уду, инженер обнаружила под кронами деревьев, в густой заросли, избушку. По предварительным опросам охотников и рыбаков инженер знала, что здесь имеется изба охотника Оленёва, но ей рассказали, что он болеет и уже давно там не появляется. Валентина осторожно открыла дверь, оттуда пахло сыростью и затхлостью. Дверной проём находился в опутанной паутине — это признак, что в избушке давно никого не было. Изба оказалась не очень дряхлой, построена по таёжному, предусмотрено всё для длительного зимнего проживания. По обеим сторонам нары, на которых уложен толстым слоем ягельный мох и закрыт стареньким выцветшим брезентом. Посреди нары сооружён стол. У входа установлена печурка и даже наполнена дровами, и рядом лежали спички. Валентина подумала: всё сделано по охотничьему закону.

Валентина решила заночевать в избушке, открыла дверь для проветривания и пошла собирать дрова, а их оказалось за избушкой целая поленица. Приготовлены давным-давно. Через несколько минут в избушке стало тепло. Инженер отдраила охотничий закопчённый чайник на берегу реки, набрала воды и поставила на печку. В печке потрескивали дрова, становилось уютно. Хозяином было придумано оригинальное устройство для освещения избушки. Круглый фитилёк, вмонтированный в консервную банку, прекрасно освещал избушку, каким жиром банка заполнена, неизвестно. Топограф за вечер сумела при этом свете обработать дневные свои давние отставания. Вскоре сон сморил дешифровщицу и она улеглась спать.

С наступлением брезжущего рассвета Валентина проснулась от шорохов, появившихся у дверей избушки. Она приподняла голову, стала прислушиваться. Слышно было, как моросил дождь. Настроение упало, вспомнив, что придётся шагать весь день по мокрой траве. Вдруг дверь заскрипела и начала открываться. Валентина, сжавшись, вскочила, села на нары, хотела закричать, голос перехватило. Дверь полностью открылась, в проёме показался силуэт человека, он пригнулся, потому что дверь очень низкая.

Незнакомец, одетый в дождевик, на голову натянут капюшон, шагнул одной ногой через порог. Затем влез головой во внутрь. На какое-то время он словно замер в позе, когда в избушке находилась голова и одна нога. Валентина замерла, даже дыхание остановилось. Она вот-вот готова закричать на всю тайгу, но что-то останавливало.

Пришелец так же медленно и таинственно утянул голову обратно, шагнул ногой назад и неторопливо стал закрывать скрипучую маленькую дверь. Валентина, не шелохнувшись, продолжала сидеть, её трясло от

испуга. За многие годы работы ей пришлось обследовать не один десяток охотничьих и рыбацких избушек, иногда удавалось встречаться с их жителями, но такого испуга она никогда не испытывала. В Саянах повстречалась с одним отшельником, который даже предложил остаться с ним навсегда.

Но этот случай её потряс. Она до самого рассвета не могла прийти в себя. Когда стало совсем светло, она оделась и начала осторожно приоткрывать дверь. Никого не было. Валентина обошла избушку. У дверей обнаружила два окурка. Вышла на берег и увидела огневище костра, от углей струился дымок. По всем признакам кто-то здесь ночевал и на рассвете исчез.

Река Огнит пересекала тропу, но Валентине нужно идти теперь без тропы вверх по течению реки Огнит, впадающей в этом месте в реку Уду. Инженер обследовала левое побережья устья, затем перебрела реку Огнит, она оказалась неглубокой с каменистым дном, глубина в средней части семьдесят сантиметров. Сделав все эти записи, топограф стала продвигаться по берегу. На крутых поворотах реки она выходила на самую кромку берега и долго всматривалась в аэроснимки и на местность, чтобы не потерять своё местонахождение. Речной распадок выглядел в виде узкого ущелья с тёмным мрачным лесом, в котором преобладают ель и пихта, а между стволами деревьев густая поросль молодых деревьев и непроходимый кустарник. В такой тайге обычно редко можно встретить какого-либо зверя, и птиц совсем мало. Местные жители называют такие места «чёрной тайгой», сюда даже охотники не приходят, но а топограф обязан обследовать.

За световой день Валентина прошла около тридцати километров, перебрела семь крупных ручьёв, впадающих в Огнит, добралась до реки Чёрный Огнит и здесь на берегу реки заночевала. Разожгла костёр, вскипятила чай, затем расстелила спальный мешок, который сшила себе сама в зимний период. Он очень лёгкий и тёплый. Сверху набросила брезент и уснула. К таким ночёвкам топограф привыкла, вначале долго вглядывалась в звёздное небо, затем засыпала.

На следующий день бригадир перешла реку и вышла на тропу. Она знала, что существует такая тропа, которая проложена была ещё в древние времена из Нижнеудинска в Тофаларию. По этому пути купцы вывозили пушнину из горной Тофаларии, а туда везли муку, чай, соль, боеприпасы и всё, что требовалось для кочевого населения. Домов у них не было. Все четыреста человек жили в разбросанных юртах, сделанных из бересты и оленьих шкур.

В последние десятилетия этой тропой мало стали пользоваться, теперь в Тофаларию завозили всё самолётами и вертолётами. Идя по тофаларской тропе, Валентина вспомнила, как в одной юрте ей показали старинное платье, изготовленное из птичьих перьев. Тофы очень добрый, застенчивый и доверчивый народ.

Двадцать километров прошла инженер по прекрасной тропе, нанося её на аэрофотоснимки. Удивительная тропа, при пересечении через каждый ручей сооружён небольшой отстойник в виде деревянного сруба, а из отверстия, журча, льётся родниковая водичка. Здесь же стоят старенькие берестяные кружечки. Кое-где сохранились скамеечки с причудливой орнаментной отделкой. Топограф сожалела, что нет такого условного знака, чтобы отразить на карте место отдыха для туристов и других появляющихся в этих местах одиночек.

Валентина решила зайти в избушку, в которой ночевала в устье реки Огнит и забрать там забытые цветные стеклографические карандаши. Карандаши специфические, ими наносятся географические предметы местности на фотоснимках. Она открыла скрипящую таинственную дверь, осмотрелась, забрала на столе свои карандаши и стала уходить, но заметила, что дверца в печке приоткрыта. Она открыла и ужаснулась, что кто-то в эту ночь сжег дрова, которые она положила в печь при уходе, как это положено, но больше её удивило, что в печке виднелись какие-то маленькие металлические баночки. Топограф закрыла печь и быстро постаралась уйти от этой избушки.

В деревне под названием Мария топограф рассказала знакомому охотнику Каранотову про эту избушку. Он долго выслушивал, а потом, ничего не объясняя, сказал:

— Валя, хорошо, что ты его не рассмотрела и что он тебя не увидел, произошло бы непоправимое.

Медвежьи встречи

Каждому топографу и геодезисту, работавшему в таёжных экспедиционных условиях, приходилось встречаться с хозяином тайги — медведем. В большей степени эти встречи проходили мирно. Медведь — очень любопытное и миролюбивое животное. Я замечал, что в первые дни, работая с бригадой в тайге, медведь каждый день ходит буквально по пятам, но через неделю он убеждается, что люди занимаются своим делом, и он прекращает преследование.

Однажды у меня произошёл такой случай. Я весной начинал работать на новом объекте. Три дня мы двигались с караваном навьюченных лошадей, углубляясь по тропе к своему участку работы. Вдруг я спохватился, что у меня исчезла секретная топографическая карта, я остановил лошадей и стал вспоминать, где и когда я ей пользовался в последний раз. В памяти всплыло, что я оставил карту у репера на берегу реки, вблизи предыдущей стоянки.

Пришлось объявить длительный отдых. Я развьючил свою лошадь, вскочил на неё и помчался по тропе в поисках карты. Находясь в седле, я ещё раз начал припоминать все свои движения с картой. На берегу песчаной реки я увидел грунтовой репер, заложенный геодезистом соседней партии, поэтому решил нанести его на свою карту. Пришлось потратить некоторое время для определения точного местонахождения этого знака. Затем я положил карту у опознавательного столба, придавив её камнем, рассчитывая ещё раз проверить правильность нанесения репера. В это время я увидел, как рабочие начали купать лошадей в реке. Я быстро бросился к ним, объяснив, что нельзя вспотевших лошадей купать в холодной воде. А карта так и осталась лежать на песке и пролежала пол тора дня.

Я подъехал к реперу и увидел в песке измятую, немного изодранную карту. Соскочил с лошади, схватил лист карты, разгладил ладонями и уложил в свою полевую сумку. И только теперь я увидел огромные медвежьи следы вокруг репера. Оказывается, хозяин тайги следовал за нами, в этом я убедился, возвращаясь к своему каравану. На всех песчаных переходах чётко были видны глубокие вмятины когтистых лап косолапого.

Из многих случаев медвежьего любопытства вспоминается такой: однажды мне пришлось верхом на лошади в таёжных просторах Тувы ехать по тропе. Маршрут мой пролегал к охотничьим избушкам, их нужно было нанести на карту. В первые два дня я медленно ехал, держа в руках аэроснимки, опознавая местность, а на третий день, выполнив

дешифрирование, я быстро стал возвращаться по той же тропе. Немного проехав, я обнаружил на тропе огромную испражнённую медвежью кучу, с которой теплился пар, вначале я подумал, что это освободила свой кишечник корова, но вспомнил, что здесь за сотни километров нет деревень и коров. Меня охватила настороженность, я ускорил свое возвращение, поняв, что медведь неотступно следовал за мной. Дальше я стал присматриваться к тропе и видел постоянно ясно выделяющиеся медвежьи следы, особенно их хорошо было видно при пересечении ручьёв на илистых и песчаных берегах.

Каждый медведь имеет свои владения, и их он обозначает своеобразными метками. Медведь становится на задние лапы перед деревом и когтями передних лап обдирает кору со стволов деревьев. Такие метки в виде ободранной коры на высоте около двух метров мне приходилось видеть в тайге очень часто, даже на тропах.

Из наблюдений я убедился, что у медведя очень развито обоняние, даже лучше, чем у собак, но зрение гораздо хуже собачьего. Агрессивность у медведя появляется при причинении ему травмы или если похитили у него медвежат или уничтожили их. Не выдерживает медведь насильственного изгнания его из берлоги, такие случаи бывают при строительстве новых дорог, возведении буровых скважин в тайге, лесовырубках. Медведь после выселения его остается без зимнего пристанища, превращаясь в шатуна и, если ему удастся загрызть человека, он становится людоедом, такой медведь очень опасен. Раздраженность и неуровновешанная вспыльчивость в медвежьей роде появляется во время их свадеб. Один год был у медведей Сибири очень холодным — это 1964 год, когда два года подряд повсеместно в Саянах и на Алтае были неурожайными на кедровые орехи и ягоды. Голодные, истощённые, обозлённые медведи выходили даже в деревни, нападали на домашний скот и порою на людей.

Малочисленные топографо-геодезические бригады обычно очень спокойно и тихо пробираются по тайге, поэтому встречи с медведями неизбежны для каждой бригады. И.И. Серова вспоминает, как начинала работать в дальневосточной тайге. Передвигались пешком с одного пункта триангуляции на другой, при подъёме на высокую гору часто останавливались, рюкзаки очень тяжёлые, все заливались потом. До вершины оставалось совсем немного, подул ветерок, решили передохнуть подольше. Сидели молча, расслабившись на склоне среди густых деревьев. Неожиданно подошёл медведь и долго всматривался своими маленькими глазками в сидящих людей. Все словно окаменели. Затем топтыгин развернулся и исчез восвояси.

Подобный случай был у С.М. Рыбакова, который 25 лет проработал на Дальнем Востоке. Много за четверть века случалось встречаться с медведями, но запомнился первый самый мирный. Долго пришлось подниматься пешком на высоченную гору. На спинах спальные мешки, палатки, инструменты, продукты. Наконец достигли вершины, обливаясь потом, уселись отдыхать, практически лежали, упёршись спинами в огромные рюкзаки. Вдруг послышался какой-то треск. К бригаде подошла медведица с двумя пестунами. Все замерли. Медведица какое-то время вглядывалась в лежащих, очевидно, её обуюло любопытство, что они безучастно лежат среди деревьев. Потом медведица повернулась и увела своих младших питомцев в заросли. Только после её ухода все опомнились, что у них имелся карабин и ружьё, все оказались словно заколдованными.

Ю.Л. Мокроусов более двух десятков лет проработал в магаданском регионе. Однажды отправил бригаду за продуктами, а сам, усевшись на скатанные спальные мешки у палатки, занимался оформлением материалов. Вдруг Юрий услышал треск, вскочил и увидел за палаткой медведя. Бросился бежать к пункту триангуляции, который находился в двадцати метрах от палатки. Мигом взобрался по лестнице на знак. Испуг оказался таким сильным, что инженер залез на самый верх, уцепившись за визирный цилиндр. Медведь весь день пробыл на горе, а Мокроусов на вершине знака. По расчётам бригадира, его сподвижники давно должны возвратиться. Он уже стал сомневаться, что они, возможно, тоже где-нибудь попали в подобную засаду, но у них был карабин, и один рабочий слыл хорошим охотником. К вечеру появилась бригада, услышав приближение людей, медведь удалился. Бригада обнаружила своего начальника в обнимку с визирным цилиндром на двадцатиметровой высоте. Вначале подумали, что у бригадира в период двухдневного, одиночества произошло какое-то помешательство, но когда Юрий спустился и рассказал о случившемся, все увидели вокруг знака медвежьи следы и тогда начали стрелять из карабина в сторону исчезновения медведя. А задержалась бригада на полдня из-за того, что проходя мимо огромного озера под названием Джека Лондона, расположенного в горах, решили искупаться и заодно порыбачить. За два часа наловили целое ведро рыбы.

Редко, но всё-таки были случаи, когда медведь недружелюбно относился к экспедиционным пришельцам. Это произошло в том же Магаданском диком крае. Медведю по каким-то соображениям не понравилась установленная палатка, в которой находилось всё имущество бригады начинающегося инженера А.В. Батурина. Андрей с бригадой улетел на вертолёт на соседний пункт триангуляции, в палатке никого не осталось. Поздно вечером бригаду вертолёт доставил в свой лагерь, но

экипаж увидел, что палатка разодрана, на поляне валялись разорванные спальные мешки, все вещи оказались среди кустов, продукты и посуда были рассыпаны по траве.

На небольшой поляне возвышался разъяренный медведь, стоявший на задних лапах с раскрытой зубастой пастью. Экипаж понял, что бригаду здесь на ночлег оставлять нельзя. Медведь настроен был очень агрессивно, а оружие осталось в палатке, и где оно и в каком состоянии — не известно. Медведь не уходил, тогда экипаж принял решение расчитаться с топтыгиным за его бандитское нападение. Это хорошо, что в палатке не было людей, неизвестно, каковы могли быть последствия. Всем был в памяти происшедший случай, когда медведь задрал в палатке всю бригаду инженера Г. Жданова, его жену, которая работала помощником, и рабочего, хотя у них было оружие и собака.

Вертолёт резко стал спускаться, зависая над грозным зверюгой, а он не уходил, тогда вертолёт начал колёсами придавливать топтыгина к земле и в конце концов раздавил таёжного богатыря. Всю ночь Андрею с рабочими пришлось заниматься разделкой медведя. Постоянно жгли костёр. Требовалось хорошее освещение. Да и опыта в бригаде ни у кого не было. Вначале ободрали шкуру, а затем взялись за мясо.

Вот так закончилась экспедиционная эпопея у Андрея в Магаданском предприятии.

Небесные пришельцы

Мы с Тюлюшем, моим постоянным таёжным спутником, завьючили лошадей и отправились в бригаду, которая занималась топографическими работами в густозалесённых предгорьях Саянских хребтов. Продвигались очень медленно, троп в этих местах не было, поэтому выискивали проходы между стволами деревьев, обходя густые заросли и завалы упавших деревьев. Взмыленные лошади судорожно взмахивали головами, отбиваясь хвостами и ногами от назойливых слепней, комаров, жалящих шершней и укусов разъедающих мокриц. От жгучих солнечных лучей в лесных зарослях становилось душно и жарко. С большими трудностями переносили все эти тяготы наши вспотевшие тяжело нагруженные лошади.

Тюлюшу приходилось бывать в этих распадках несколько лет назад, он пытался здесь охотиться, но пушного зверя оказалось мало, поэтому больше ему приходиться сюда не доводилось. Он пытался мне рассказать про какой-то загадочный скелет, который ему удалось обнаружить у ручья в этих местах, но вразумительно он ничего так и не пояснил. Тюлюш с лошадей шёл впереди, а я следовал за ним, ведя свою лошадь, стараясь не терять его из вида, и вспоминал его рассказ про таинственный скелет.

В тот раз Тюлюш шёл по таёжным зарослям один, его сопровождали Два верных пса. Неожиданно собаки начали скулить, разрывая лапами землю. Охотник приблизился к ним и увидел скопление костей и вскоре в траве обнаружил череп человеческой головы. Долго осматривал Тюлюш местность, пытаясь разгадать, как этого человека сюда занесло.

Вблизи удалось обнаружить плоскую фляжку с остатками спирта, какие-то металлические пряжки с кончиками изгнивших ремней, резиновую подошву с крупным протекторным рисунком, мелкие обрывки капроновой тесьмы и другие мелкие предметы.

Троп и избушек в ближайшей округе нет. Охотников абориген всех знал, сюда никто из них не наведовался.

В тот раз Тюлюш собрал все останки костей, упаковал в берёзовую кору, вырыл на обрыве ручья могилу и захоронил по-человечески. Над могилой установил крест из лиственницы, и теперь хотелось бывалому проводнику показать мне могилу захоронения загадочного горемычного человека. Я чувствовал, что Тюлюш прибавляет шаги, значит, мы приближаемся к захороненному праху.

Наконец проводник остановился. На всхолмленном крутом берегу ручья, среди тёмно-зелёных зарослей возвышался крест грубо

изготовленный топором бывалого таёжного аборигена. Мы остановились у одинокой таёжной могилы, поклонились, молча постояли и решили заночевать поблизости на просторной поляне на берегу большого ручья, от которого веяло прохладой горной холодной воды.

Расседлав лошадей, я занялся костром, а Тюлюш стал ходить вокруг могилы, затем удалился в заросли, хотел восстановить гибель одинокого странника. Он пытался разгадать тайну появления здесь человека. Таинственное проникновение в эти таёжные дебри странника не могло произойти случайно без целей и тем более поблизости не сохранилось признаков жилья и даже нет пней для сооружения избушки. Всё это побудило таёжника заняться обследованием местности ещё раз, хотя прошло уже много лет с тех пор, как он обнаружил человеческие останки. В тот вечер так и не удалось выявить каких-либо улик. С наступлением темноты Тюлюш возвратился к костру.

Наступила вечерняя прохлада, исчезла насекомая мразь, лошади с большим рвением щипали траву. Тюлюш к гнусу относился вполне спокойно, а лошадей они сильно раздражали. В дневной жаркий период у лошадей брюшная их часть постоянно бывала покрыта махровым покрывалом впившихся комаров и большой разновидностью кровососущих насекомых.

В знойные дни обычно насекомые у лошадей искусывают в кровь уши, губы, вокруг глаз и очень болезненно лошади переносят нападение шершней.

Тюлюш оказался большим знатоком в вопросах кровососущих и жалящих тварей. Он поведал, что кровожадных самцов не бывает, самцы питаются зеленью, а самки у комаров, мокриц, moskitов питаются кровью. Они свободно прокалывают толстую кожу и высасывают кровь, измываясь над беззащитными лошадьми, поэтому Тюлюш время от времени своей увесистой ладонью проводит по брюшной части лошадей, в ответ лошади своими огромными глазами с благодарностью смотрят в сторону защитника.

В период прохладных сумерков лошади успевают с интенсивной жадностью поедать травку, позванивая колокольчиками, привязанными на шеях, сигнализируя о своём местонахождении.

Утром, когда чуть-чуть стало светать, мы отправились в маршрут, решив воспользоваться свежей утренней прохладой. Через два километра я заметил в траве разноцветные истрепанные матерчатые клочки. Мы сразу остановили лошадей и занялись обследованием местности. Истлевшие лоскутки оказались разбросанными на огромной площади. Это нас заинтриговало, мы с любопытством собирали и рассматривали многочисленные цветные полоски.

Вдруг Тюлюш увидел на кроне огромного тёмно-зелёного кедра светлые запутанные верёвки. Это были парашютные стропы, а цветные тряпочки — это остатки от купола парашюта. У нас появилась версия, что на парашюте приземлился какой-то пришелец, очевидно, упал на кроны деревьев, а затем, по всей вероятности, оборвался и неудачно оказался на земле. Смог доползти до ручья, и там его жизнь закончилась. Кто был этот человек, никто никогда не сможет узнать и на каком воздухоплавателе он прилетел и откуда?

Удручённые догадками о загадочном парашютисте, мы молча отправились продолжать свой маршрут.

Пройдя с километр, мой напарник вдруг резко остановился, показывая мне на конусообразный столб высотой около двух метров, который возвышался на небольшой полянке среди густых невысоких кустарников голубики. Мы направились к рукотворному сооружению. Подойдя ближе, мы поняли, что это могила, но надписей на столбе никаких не обнаружили. Расчистили от травы и кустарников надгробный холмик и нашли искорёженную, покрытую ржавчиной радиостанцию неизвестного производства, по габаритам она была очень компактной. Других каких-либо предметов не было. Надгробный столб был обработан очень грубо, очевидно, небольшим топориком.

Тюлюш намеревался раскопать могилу и выяснить, кто в ней захоронен, но я запретил это делать ему категорически. Мы обшарили всю поляну, но никаких признаков человеческого пребывания не нашли, кроме двух маленьких ржавых баночек из-под каких-то, очевидно, консервов. Мы взяли своих лошадей за поводья и отправились в свой далёкий маршрут, думая о судьбе этих двух странников. Версия о загадочном парашютисте у нас с Тюлюшем была почти отработана, и мы пришли к единому мнению, но теперь всё усугубилось встречей с могилой. Значит, их первоначально было двое.

Маршрут наш длился более недели, и каждый вечер у костра мы вновь пытались восстановить картину о погибших. Очевидно, первый погиб, а второй, похоронив его, решил пробраться к шоссе к тракту, который проложен через Саяны, по нему постоянно едут большегрузные автомашины в Туву и в Монголию, но и второму по каким-то причинам не удалось добраться до дороги, до которой нужно было преодолеть через горные хребты расстояние в тридцать километров.

Так и осталась неразгаданной тайна о небесных пришельцах.

Надина избушка

Каждый раз прилетая в Тофаларию, я познавал всё новые и новые уклады жизни людей, проживающих в этом далёком, горном регионе Восточных Саян. Некоторые учёные доказывают, что черты лица тофов похожи на североамериканских индейцев. В давние времена тофы носили платья, изготовленные из птичьих перьев, проживали в юртах, сооруженных из бересты. Поклонялись шаману. Уклад жизни тофов очень своеобразен. В те времена приезжающему гостю хозяин юрты передавал на ночь свою жену. Численность тофов колеблется в пределах пятисот человек. Они занимаются охотой, некоторые тофаларки стреляют из оружия более метко, чем мужчины. Тофы разводят оленей, которые считаются самыми крупными в мире. Здешние леса богаты различными зверями и птицами, а в горных реках много рыбы.

Очередной мой прилёт был связан с ускорением отправки бригад в тайгу из посёлка Верхние Гутары. Самолётом Ан-2 мы отправили из Абакана все бригады, теперь предстояло арендовать оленей и отправить бригады с завьюченными оленями на место работы. Нескольким бригадам предстояло работать пешком, они ожидали вертолёт, который должен увезти топографов в горы. Вечерами экспедиционные работники уходили на танцы, которые проходили в небольшом местном клубе. В летний период в посёлок съезжались на каникулы студенты, которые учились в разных городах, хотя по окончании учёбы редко кто возвращался в Тофаларию, даже на востребованные специальности, такие, как зоотехник, фельдшер, учитель. Все наши экспедиционные работники жили в палатках, установленных на краю взлётной полосы аэродрома. Партия располагалась в доме, в центре посёлка.

Как-то раз в дневное время забегают в помещение топограф Алексей с перепуганным побелевшим рабочим Михаилом и показывают нам с начальником партии простреленный накомарник, который находился на голове Михаила. Кое-как мы их успокоили и попросили подробно рассказать, что произошло. Они наперебой стали говорить, что сидели на лежащих у забора брёвнах, которые навалены недалеко от базы партии. Очевидно, когда-то хотели срубить дом, но потом стройка не состоялась, и огромная куча возвышалась уже много лет. Бригадир Алексей со своим рабочим сидели в ожидании оленей, которых в тот день должны им пригнать со стойбища. День был прекрасный, палящее весеннее солнце входило в свои права, становилось жарко, юноши сняли с себя куртки и

сидели, вглядываясь в сторону леса, где с часу на час должен показаться караван оленей. Неожиданно просвистела пуля над головой рабочего, прострелив его накомарник. Выстрел был осуществлён из мелкокалиберной винтовки. Михаил находился на волоске от смерти. Он даже стал заикаться после этого. Выслушав, мы отправились к председателю колхоза А.И. Щёкицу. Он прожил в Тофаларии много лет, вначале работал продавцом в магазине, потом его избрали председателем колхоза. Он прекрасно знал всех жителей и за много лет изучил местные законы.

Александр Иванович стал расспрашивать, с кем рабочий успел познакомиться за четыре дня, чтобы установить причину снайперской стрельбы. Абориген доказывал, что тофы могут такое сделать только за обиду или в отместку за какие-то недостойные дела. Рабочий отнекивался, поясняя, что не вступал ни в какие переговоры с местными парнями. Председатель высказал свои соображения и объяснил, что это могла быть девушка, они стреляют здесь не хуже мужчин. Михаил, встрепенувшись, начал рассказывать, заикаясь, о том, что в первый день приезда познакомился на танцах с девушкой Надей, она студентка ветеринарного техникума, приехала в родные края на каникулы из г. Иркутска. С этой девушкой гулял два вечера, а вчера с танцев ушёл провожать другую. Щёкин спросил: «Ты с Надей имел близкие отношения?» Рабочий покраснел, понурил голову и ничего не ответил.

Председателю всё стало ясно, он рассказал, что тофаларки, сравнительно доступные в половом отношении, но очень ревностно переносят измену. Надежда, когда училась в школе, прославилась своими снайперскими способностями. Во время охоты она стреляла белке в глаз, чтобы не испортить шкурку. Этот выстрел она сделала предупредительный, может последовать и худшее. Щёкин заявил, что Надя по своей натуре непредсказуема, за обиду может пойти на крайние меры.

Михаил заплакал и попросил его отпустить с этой Тофаларии. В тот же день самолетом рабочий был выдворен домой. Услышав всё это, топограф одобрительно отнёсся к действиям девушки. Вечером Алексей встретился с Надей и уговорил её поработать в его бригаде. Она оказалась очень смышленной, быстро освоила процессы вычислительных работ и стала работать у Алексея помощником. Девушка выросла в тайге, поэтому экспедиционная жизнь ей была не в тягость, она легко переносила длительные маршруты, умело разводила костёр даже в дождливую погоду, часто баловала свежим мясом бригаду, застрелив рябчиков, куропатку, глухаря, зайца или кабаргу. Однажды бригада с караваном навьюченных оленей продвигалась по залесённой тропе, проложенной по берегу реки Ужур. Предстояло осуществить большой маршрут, подняться в горы, где нет

совсем деревьев, а только скалы и огромное количество высокогорных озёр, в которых изобилие рыбы, и из этих озёр вытекает река Ужур, а на запад из озёр берёт своё начало легендарная река Казыр. В маршруте Надя часто останавливалась, вглядывалась в кроны деревьев, становилась задумчивой, порою очень грустной. Что-то её тревожило, она впала в какие-то печальные воспоминания. Вскоре тропу преградила охотничья избушка. Надя первой бросилась в неё, хотя обычно в таёжные избушки заходят с большой осторожностью. Остановка затягивалась, олени отбивались от назойливых комаров и слепней. Алексей направился в избушку, которая выглядела очень дряхлой. Надя сидела на нарах, облокотившись руками на самодельный столик. Её слегка раскосые огромные глаза были мокрыми.

Надя уговорила бригадира заночевать у избушки, объяснив, что это её изба, в этих местах прошло детство, местные охотники называют «Надина избушка». Поздно вечером, когда все в палатках улеглись спать, Надя погружённая в размышления, сидела у костра. На ближней лужайке позвякивали колокольчики, привязанные на шеях оленей, в костре потрескивали дрова, из палатки доносилось похрапывание оленевода. Алексей молча подсел к Надежде, стараясь не беречь её тяжёлые воспоминания. Наде захотелось рассказать о своей детской жизни и она рассказала Алексею.

В их семье было трое детей, в тот трагический год, когда им сообщили, что на охоте погиб отец, Наде исполнилось двенадцать лет, она осталась старшей, мать сильно болела. Отец всё надеялся, что в семье появится сын, ему помощник, а рождались девочки, поэтому после окончания первого класса отец забрал Надюшку на лето в свою охотничью избушку. Девочка помогала очищать капканы, ловушки, варила обеды, затем отец стал учить дочь охотничьему ремеслу. Прикрепит к стволу кедра кусочек бересты и учит целиться и стрелять из мелкокалиберки, называемой здесь «мелкашкой». Обычно отмерит двадцать метров от дерева, вручит девочке коробку патронов и уходит в лес осматривать места для установления ловушек и капканов в осенний период. Надежде нравилось снайперское ремесло, и у неё это хорошо получалось. Затем отец научил стрелять дочь в бурундуков, но самое главное попадать зверьку в глаз, чтобы не портить меховые качества шкурки. Каждое лето Надя удалялась с отцом в распадок реки Ужур.

В двенадцать лет, оставшись без отца, Надежде все эти навыки оченьгодились, особенно снайперское мастерство. Вскоре умерла мать, в какой-то степени помогали родственники, хотя у них тоже было много детей. Надежде пришлось в тайге добывать мясо, пушнину сдавала, а на деньги жила. Удавалось застрелить дикого оленя, иногда изюбра, в таких

случаях мяса хватало надолго. В истоках реки Надя знала солончаки, на которых обязательно удавалось застрелить кабаргу или оленя, поэтому мясо в семье не переводилось.

В очередной раз Надя направилась в свою избушку. Шла по тропе, которую за многие годы досконально изучила. Подходя к броду через ручей, вдруг она увидела на противоположном берегу человека. Обычно в этот распадок никто никогда не заходил. Надя затаилась и начала рассматривать пришельца сквозь ветки, человек оказался совсем незнакомым, в своём посёлке она знала всех. Сухощавый незнакомец средних лет сидел на валёжине, вытирая пот с лица рукавом изношенной куртки. Рядом возвышалась куча связанных капканов и ловушек. На валёжине лежала старенькая холщовая котомка, в которой Надежда обычно носила за спиной мясо, но в последний раз мяса не было, поэтому сумку она оставила в избушке. Надя поняла, что незнакомец ограбил её избушку, поэтому она легкой походкой удалилась с тропы в заросли и постаралась незаметно приблизиться к мародёру со стороны зарослей, шорохи её передвижения заглушались шумом горной бурлящей реки.

Незнакомец поднялся с валёжины, подошёл к каменистому берегу реки, наклонившись, пригоршнями напился холодненькой воды, в это время просвистела пуля и вдребезги разбила стоящее у валёжины его ружьё. Пришелец понял, что стреляет очень матёрый стрелок из беззвучной мелкашки, мелкокалиберной винтовки. Он поспешно бросился уходить, прихватив наполненную котомку, пуля вновь просвистела у самых его рук, он отбросил сумку и бегом направился вброд через реку, стараясь скорее уйти из этой лощины. Надя знала, что нужно действовать незамеченной: если грабитель увидит, что с ним в единоборстве находится такая пигалица, хотя к тому времени девушке было уже пятнадцать лет, он осмелеет и может произойти самое страшное. Надежда решила преследовать его до следующей реки, впадающей в Ужур. Незнакомец шёл по тропе очень быстрыми шагами, иногда оглядываясь, бежал, сжимая в руке охотничий нож. Перейдя очередной брод, охотник убедился, что преследование закончилось, воткнул нож в лежащий замшелый ствол дерева и начал пить воду. Раздался щелчок мелкашки, и нож улетел в траву. Обезоруженный, обезумевший мародёр стремительно скрылся в зарослях, уходя по тропе в сторону посёлка Катышный.

Девушка убедилась, что грабитель исчез окончательно, возвратилась к своим вещам. В вещевой мешок пришелец загрузил все алюминиевые кружки, чашки из её избушки и стеклянные банки с мясом, которые хранились у Надежды в маленьком погребке, который делал ещё отец, вырыв под корневищем дерева яму в вечной мерзлоте для хранения

продуктов. Грабитель отобрал все хорошие капканы, а неисправные оставил. Снайперское мастерство помогло Надежде избавиться от грабителя, и больше в Надиной избушке он не появлялся. После окончания школы Надя уехала учиться в техникум, а в летние каникулы приезжала и навещалась в избушку. Почти до утра просидели Алексей с Надеждой у костра. Топограф с большим вниманием и удовольствием слушал ночную собеседницу и удивлялся, как она смогла выжить. За двадцать с небольшим лет эта хрупкая, очаровательная смуглянка испытала слишком много трудностей, хорошего в своей жизни она ничего не видела.

Утром караван оленей направился в горы, в Надиной избушке топографы пополнили запас продуктов, оставив банки с тушеным мясом, сгущенное молоко. Так делается всегда. В любой охотничьей таежной избушке странник может обогреться, выпить чая, перекусить и, если имеется возможность пополнить запасы — таков неписанный таёжный закон.

Через месяц бригада закончила полевые работы, обследовав высокогорную часть Восточных Саян, где зарождаются реки Казыр и Ужур. Возвращались в посёлок Верхние Гутары по реке Ужур. Заночевали вновь в Надиной избушке и оставили все оставшиеся продукты.

В посёлке Верхние Гутары экспедиционных работников уже никого не было, все закончили свои объёмы и уехали домой. Алексей с Надеждой пришли к председателю колхоза А.И. Щёкину, сдали оленей, оформили все документы и заявили, что они решили пожениться. У председателя на глаза навернулись слёзы от радости, он вытащил из сейфа бутылку шампанского, и они втроём выпили за молодых.

Гибель в день рождения

Геодезист Виктор Борисович в экспедиции занимался нивелирными измерениями. Прокладывал высокоточные нивелирные трассы по автомобильным дорогам, железнодорожным путям, по берегам крупных рек, иногда по таёжным тропам. Он был признан лучшим нивелировщиком в экспедиции, в соревнованиях завоёвывал первые призы. На производстве у него складывалось всё удачно, а в личной жизни не очень-то. Все друзья обзавелись семьями, а он всё ходил в холостяках. У Виктора не было и времени для личной жизни. Рано весной уезжал на полевые работы, возвращался глубокой осенью, а в зимний период приходилось выезжать в поле производить измерения через реки по льду, если они по трассе были в летний период шире ста метров, а таких перебросок за лето набиралось значительное количество.

Однажды Виктор в зимний период выполнял нивелирные измерения на реке Обь и в бригаде у него произошло трагическое происшествие, из-за которого он чуть не попал за решётку. В вечернее время стая волков набросилась и загрызла речника. Это событие потрясло всё население в округе деревни Каргасок.

Геодезист работал в спокойном режиме, как обычно прокладывал нивелирную трассу на реке Обь по льду. Измерения в зимний период требуют больших подготовительных работ, тем более ширина реки в этих местах более одного километра, а зимние дни очень короткие, поэтому пришлось затратить несколько дней. Нивелировщик оставил переброску через Обь на последние дни. Вначале пришлось проделать измерения по льду на реке Кеть, она приближается к Оби у г. Колпашево, а затем параллельно протекает с Обью по долине более ста километров и впадает в Обь у посёлка Нарым. Кеть имеет ширину четыреста метров, а перед этим проделали измерения на реке Чулым, её ширина триста метров.

Бригада передвигалась на лошадях, запряженных в сани. Трое рабочих приехали с Виктором из экспедиции, а четверых он принял в местных сёлах. Погодные условия сдерживали продвижение. В периоды снегопада, сильных морозов и порывистых ветров измерения прекращали. Как-то раз проделали измерения у деревни Илвино и переехали ближе к Каргаску, начались вечерние сумерки, поэтому решили заночевать в одинокой избе, находящейся на берегу Оби, а утром предстояло заняться нивелирными измерениями. Речник Владимир, держа лыжи в руках, а лыжи имелись для каждого, стал говорить бригадиру, что ему нужно срочно побывать сегодня в

Каргаске, объяснив, что у невесты день рождения, его ждут и он обещал. До Каргаска чуть более десяти километров, тем более на этой же стороне Оби, переходить реку не нужно.

Бригадир стал возражать, доказывая, что начались сумерки, да и утром нужно заниматься работой очень ответственной. Володя скороговоркой выдал, что утром будет здесь, как штык, а на лыжах ему идти всего один час да и места он эти знает прекрасно, здесь вырос. Вступились и местные его дружки, объясняя, что никакой опасности нет. Виктор, не выдержав натиска, согласился. Речник надел лыжи и помчался с большой скоростью. Все помахали ему в след и отправились топить печь, готовясь к ночлегу. Кадровые рабочие занимались с лошадьми, на одних санях возили прессованное в тюках сено и овёс для лошадей.

Утром начали заниматься подготовительными работами по переброске трассы через Обь, а речника не было, у бригадира закрадывалась тревога, местные парни успокаивали. В обед нужно было начинать измерительные работы, но геодезист решил отправить в Каргасок парней для выяснения причины отсутствия Владимира, потому что он всегда был очень обязательным, его родители в Каргаске были уважаемые работники, отец занимал высокий пост. Володя прослужил два года в армии, готовился поступать учиться в институт.

Через два часа бригадир увидел, что рабочие возвращаются, подумал, что встретили Володю. Лошадь, запряжённая в сани, мчалась галопом с большой скоростью, геодезист приготовился отругать парней за то, что они издевательски обращаются с лошадыю. По глубокому снегу гнать животное с такой скоростью нельзя.

Подъезжая, рабочие спрыгнули с саней и, перебивая друг друга, начали рассказывать. У младшего по возрасту текли по лицу слёзы, он плакал навзрыд. Геодезист понял, случилась большая беда. Оказалось, что стая волков напала на Владимира и растерзала его. Мигом запрягли лошадей, и все отправились к месту происшествия. Случилось это на половине пути. По следам было понятно, что Володю окружила огромная стая волков, по всем признакам, он отстреливался до упора, один волк валялся убитый, а другой, очевидно, оказался раненым и уполз в лес, оставив на снегу кровавую полосу.

Вместо дня рождения Владимир угодил на волчью свадьбу. По всему полю валялись руки, ноги. Кровожадные зверюги истерзали всё его тело, даже невозможно его опознать, только по косвенным признакам его одежды.

Бригадиру пришлось ехать в Каргасок сообщать о страшной трагедии родителям и невесте. Началось расследование, которое затянулось до весны, начали обвинять геодезиста, ему запретили выезжать из Каргаска.

Бригадиру готовили срок заключения, спасли убедительные высказывания местных рабочих и притом у младшего рабочего по возрасту отец работал в следственных органах, поэтому справедливость в какой-то степени находила свое место. Невеста Володи переносила эту трагедию очень тяжело, она даже пыталась покончить жизнь самоубийством, но на всех судебных процессах она понимала, что бригадир не виноват в гибели её жениха, хотя были такие люди, которые пытались всю ответственность за гибель речника отнести на геодезиста. Судьба свела Виктора с родителями невесты, которую звали Людмилой, они тоже находились в траурном состоянии, но были уверены, что бригадира под суд отдавать несправедливо, и они постоянно вступали в полемику, доказывая невиновность геодезиста.

Летом бригадиру пришлось продолжать нивелирную трассу по Оби до Нижневартовска, его продолжали вызывать на допросы в Каргасок, каждый раз писал новые объяснения. В экспедиции юрисконсультom работал выдающийся знаток юридических законов И.М. Рыбасов. Он приехал в Каргасок, разобрался со всеми делами, заведенными на бригадира, обвинил местные следственные органы в незнании законов и пригрозил их наказать за нанесённый моральный и материальный ущерб, что они срывают выполнение государственного задания, вызывая бригадира с полевых работ. Дело в том, что в те годы служба геодезии и картографии находилась в ведении Министерства внутренних дел. Дело было закрыто, и бригадира больше на допросы не вызывали.

Впоследствии Виктор и Людмила поженились.

Таёжные перегоны

Мой постоянный таёжный спутник Егорыч за свою долгую экспедиционную жизнь много раз занимался перегонем лошадей по дорогам и лесным тропам. Обычно весной ему приходилось перегонять лошадей из колхоза, в котором арендовали лошадей, до участка, где начинали полевые работы, а осенью, по окончании летнего сезона, угонял лошадей из тайги для сдачи в колхоз. При количестве лошадей до дюжины конюх справлялся один, а когда их было больше, то ему выделяли в помощь рабочего. В процессе таких перегонов происходило много различных приключений и непредвиденных случаев.

Как-то раз Егорыч перегонял лошадей вдвоём с опытным экспедиционным рабочим Петровичем Простакишиным. Гнали лошадей по грунтовым дорогам через деревни. Ночёвки организовывали поодаль от населенных пунктов, потому что у деревень обычно нет кормов для лошадей. На этот раз на ночлег расположились на берегу реки на большой поляне. Переночевали спокойно. Рано утром развели костёр, позавтракали, затем начали собирать лошадей, которые спокойно пощипывали травку. Монотонно позвякивал колокольчик, подавая знак о своём местонахождении, висевший на шее лошади, которая значилась, как одна из самых убегающих.

Егорыч вышел на поляну и ахнул. Его белой лошади по кличке Белянка не оказалось. Вечером Егорыч привязывал её на длинную верёвку. Конюх понял, что лошадь сбежала, но надеялся её быстро догнать. Лошадь ушла, выдрав кол, к которому была привязана. Егорыч рассчитывал, что кол зацепится где-нибудь за дерево и Белянка остановится. Белянка — любимая лошадь Егорыча, на которой он постоянно ездил, главный недостаток этой лошади в её лидерстве. Если она убежит, то за ней все лошади последуют, поэтому он её привязал, а остальных лошадей спутывал. Еще имелась карья лошадь, она тоже могла увести своих сверстников, для этой цели Егорыч привязывал ей на шею колокольчик, по звону которого легко отслеживать её нахождение.

Раздосадованный конюх направился в сторону бренчащего звона и вдруг обнаружил, что колокольчик надет на шею совсем другой лошади, у которой была сбита до крови спина. Егорыч обратился к Петровичу, но тот заявил, что вечером занимался установкой палатки, костром, а к лошадям даже не подходил.

У Егорыча в голове восстановился вечерний их проезд через деревню, у которой обосновался цыганский табор. Он схватил свою старенькую берданку, оседлал лошадь и галопом помчался в деревню. К великому сожалению, табор исчез. Конюх поехал к конеферме, которая находилась на противоположной стороне деревни, там обычно бывали люди. В загоне Егорыч увидел своих двух лошадей. В это время цыгане выезжали из конюшни на гнедых лошадях. Егорыч окрикнул их, но они решили быстро умчаться, тогда Егорыч из своей берданки выстрелил им над головами. Цыгане спрыгнули с лошадей и убежали в лес. Оказалось, что цыгане приехали в конюшню и договорились с колхозным конюхом обменять лошадей. Наши лошади очень высокие, хорошо откормленные, поэтому конюх соблазнился. Егорыч забрал своих лошадей и уехал.

Возвращаясь, Егорыч вспомнил, что подобный случай у него в жизни уже был, но тогда его даже судили за утерю лошадей. Цыгане испокон веков занимались воровством лошадей — это их главное ремесло в жизни. В изошрённости выдумок при воровстве Егорыч убедился на личном примере. В тот раз Егорыч также перегонял лошадей по грунтовым, тележным дорогам, проезжая деревни. Лошадей было всего три. Остановился на ночлег на берегу реки, вдоль которого тянулись травянистые луга вперемешку с кустарником. Егорыч спутал двух лошадей, а самую ретивую привязал на верёвку. К такому методу его приучили с детства. Ночью он часто просыпался, но услышав бряканье колокольчика, привязанного на шею одной лошади, вновь засыпал. Утром отправился ловить лошадей, а их не оказалось. Привязанной лошади тоже не было. Колокольчик продолжал позвякивать.

Колокольчик оказался привязанным к кустику тальника, приютившемуся на самой кромке берега реки, к нему привязан был конец верёвки, а второй конец верёвки с палкой бултыхался в бурном течении реки, постоянно дёргая колокольчик, который продолжал издавать звуки. Егорыч понял, что ухищряться в таком воровстве могут только цыгане, прибегая к хитростям и приёмам. Расстроенный конюх отправился пешком по деревням в поисках лошадей, но найти их так и не удалось. Егорыча привлекли к судебной ответственности, начали судить, несколько раз суд откладывался. Цыган в это время поймали, они воровали в колхозе лошадей, и у них обнаружили лошадей, которых гнал Егорыч. На всех трёх лошадях на холках имелось клеймо, поэтому лошадей возвратили в колхоз, а судить Егорыча прекратили.

Однажды в разгар полевого сезона мне с бригадой пришлось переехать на новый объект. Требовалось срочно выполнить в тайге маркировочные работы перед аэрофотосъёмкой. Я с бригадой приехал в таёжную деревню и

стал ожидать Егорыча, который перегонял лошадей со старого объекта. Ему требовалось пять дней для перегона по таёжным тропам, мы очень торопились, поэтому за это время закупили продукты, насушили сухарей. Конюх задерживался. Наконец он появился. На первой лошади сидел он, а на второй — заплаканный мальчик лет двенадцати четырнадцати. Увидев нас, мальчуган громко, судорожно зарыдал.

Егорыч рассказал, что первые три дня он ехал очень быстро, тем более, тропа ему знакомая, когда-то по ней проезжал. В конце третьего дня решил добраться до охотничьей избушки. В ней однажды приходилось ночевать, около неё имеются прекрасные луговые поляны для лошадей. Смеркалось, поэтому Егорыч торопился засветло добраться до заветной избушки. Подъезжая к избушке, конюх понял, что в ней кто-то живёт. В избушке, на нарах сидел исхудавший рыдающий мальчик, который сказал, что его зовут Юрой. На других нарах лежал труп его друга Коли, который скончался неделю назад. Изба пропиталась вонючим смрадом от разлагающегося трупа. Юру трясло, он заикался, не мог говорить, заливался слезами. Егорыч вывел его на свежий воздух, разжег костёр, вскипятил чай, сварил уху (днём удалось надёргать хариуса), накормил Юру, и он поведал Егорычу свою историю.

Три месяца назад они с другом Колей повздорили с родителями и сбежали из дома. Прихватили продуктов, спички, Коля сумел забрать ружьё с патронами отчима, ружьё-переломку, и упаковали в рюкзак. Мальчики ушли на железнодорожный вокзал, пробрались в товарный вагон и уехали, не зная куда. Ехали долго. Оказались в Сибири. На маленькой станции состав долго стоял, беженцы вылезли из вагона и отправились в тайгу. На окраине посёлка, в обветшалом домишке, увидели магазин. На имевшиеся деньги купили печенье, сухарей, соли и пошли по тропе в лес. В лесу местами ещё сохранился снег. Шли долго. Набредли на охотничью избушку, которая оказалась очень удобной. В ней имелась печь и алюминиевая посуда, необходимая для проживания. Чувствовалось, что зимой здесь проживал охотник, а возможно, они были вдвоём. Под нарами хранилось значительное количество капканов, ловушек, петель. Бездомным сорванцам избушка очень понравилась, и они остались в ней жить.

Снег в лесных массивах начал постепенно стаивать, под ним сохранились листья изумрудного цвета с гроздьями брусничной ягоды, которые стали главным лакомством беженцев. Прозимовали под снежным покровом кедровые шишки. Юра с Колей собирали их в рюкзаки и стаскивали к избушке, здесь они обнаружили устройство для обработки шишек, которое быстро освоили и начали заготавливать орехи впрок. Удалось застрелить несколько зайцев и каких-то птиц. Приспособились

ловить рыбу в реке. Научились готовить её и даже стали коптить рыбу, обнаружив в береговом обрыве коптилку. Больших проблем в питании не испытывали, надоедало однообразие. Хотя однажды наткнулись во влажном логу на черемшу, которая очень юнцам понравилась. Изучая вокруг местность, нашли озеро, в зарослях которого увидели гнёзда с утиными лицами. С каждого гнезда брали только половину.

Неожиданно заболел Коля, он жаловался на боли в правой области Живота. На второй день его стало тошнить, а затем появилась рвота. Юрий постоянно кипятил воду, настаивал брусничный сок и пытался этим вылечить друга. Боль с каждым днём усиливалась. Юра предлагал пойти по тропе в деревню, по которой требовалось идти три дня. Коля отказался наотрез, объясняя, что такое у него бывало и раньше, но потом всё проходило. Когда Коля стал бредить, то Юра решил его тащить на себе в посёлок, но схватив его на руки, понял, что ему не утащить друга, который был гораздо тяжелее его. В какой-то момент Коля замолчал и отключился. Юра его поднимал, усаживал, кричал, умолял не оставлять его одного, но друг уже был мёртв. После этого Юра несколько раз пытался броситься с обрыва реки — закончить жизнь самоубийством, но возвращался в избушку убедиться, думал, что друг оживёт.

Труп разлагался, кое-как Егорыч уговорил захоронить Колю на возвышенном берегу реки, недалеко от избушки. Прodelать это оказалось очень сложно, не имея лопат. Егорыч соорудил гроб из бересты, содрав кору с огромной берёзы. После похорон Егорыч стал собираться к отъезду, но Юрий отказался от поездки. Вновь плакал приговаривая: «Что я скажу родителям Коли?» Егорыч не мог его оставить в таком невменяемом состоянии, зная, что через несколько дней он превратится тоже в труп, тем более, он не принимал никакой пищи, только пил чай, который конюх готовил из чаги.

Кое-как Егорычу удалось уговорить поехать с ним. Юра согласился с условием, что будет работать всё лето в экспедиции. Егорыч понимал, что Юра работать не сможет, он совсем физически ослаб, тощий, бледный и чувствовалось, что нервы у него находятся на пределе срыва после того, как он неделю прорыдал в одиночестве в избушке около трупа. В период поездки Егорыч выведал, откуда приехал Юра, и в деревне отправил телеграмму родителям.

Через два дня приехали отец и мать Юры. Егорыч их встретил и коротко рассказал обстановку и предупредил их, чтобы они отнеслись к сыну очень ласково. Первой в объятия с сыном бросилась мать. Они оба молча плакали, заливаясь слезами. В дверях стоял отец, из его глаз лились слёзы, он всхлиповал, вытирая мокрое лицо от слёз. Оказывается, Юрий у

них был единственный ребёнок и они его очень любили и, конечно, баловали. У мальчика выработалось непростительное мальчишество, легкомыслие, особенно после прочтения некоторых книг появилось стремление к приключениям.

Родители ещё ничего не знали о Колиной судьбе. Маститый старец Егорыч взял на себя эту сложную миссию и рассказал. По его предположению, у Коли был приступ аппендицита, поэтому Юра не смог ничего сделать, требовалось хирургическое вмешательство.

Родители тоже поведали о своих бывших соседях, что отчим находится в тюрьме за какие-то проделки, а мать умерла. Она сильно заболела от переживания после бегства сына, а после ареста мужа она скончалась.

На следующий день верхом на лошадях отправились к избушке, где был захоронен Коля и соорудили ему памятник.

Через день Юра с родителями уехали домой, а мы направились в таёжный маршрут продолжать свою работу по обследованию очередного таёжного региона.

Одинокая могила

Однажды в нашу Минусинскую экспедицию поступило письмо от школьников г. Нижнеудинска, они писали, что в дни летних каникул ходили в туристический поход с целью изучения своего края. На одной залесённой вершине горы в верховьях реки Уда они обнаружили загадочную одинокую могилу. На памятнике сохранилась надпись: «Титков А.И. 1908—1946 гг.». Туристы просили сообщить им подробности гибели первопроходца для их музея. Они также написали, что недавно кто-то посетил могилу, расчистил все кустарники и прибил к стволу дерева свежую табличку с надписью: «Титков А.И. работал ст. топографом в отряде № 50, № 49».

Я в то время работал в должности начальника отряда № 50, поэтому очень заинтересовался этим письмом. Наши ветераны М.Г. Петренко, Е.А. Денисов и другие хорошо знали Титкова, вместе с ним работали девять лет в отряде, потом Титкова перевели в отряд № 49, где он и погиб. Школьникам в Нижнеудинск мы ответили и описали события, которые произошли на той горе, об этой страшной трагедии приходится писать даже с содроганием. Новую табличку повесили вблизи могилы, возможно, сыновья погибшего или коллеги, которые работали с ним в последнее время.

Александр Иванович Титков в 1946 году работал старшим топографом в отряде № 49, который базировался на станции Зима в Иркутской области. Бригада состояла из четырёх человек, два шестнадцатилетних парня, один из них сын бригадира Аркадий, и ещё один рабочий, который по возрасту много старше бригадира, его принимали на работу в должности конюха, он говорил, что много приходилось работать на лошадях и забот в бригаде в отношении лошадей не будет. Топографические работы бригада выполняла в верховьях реки Уда — это таёжная местность в предгорьях Восточных Саянских хребтов. Обычно бригадир с парнями уходил в горы на два-три дня, а конюх оставался с лошадьми у палаток.

Как-то раз бригада, спустившись с гор, увидела, что конюх спит, у потухшего костра валялась закопчённая консервная банка с остатками гущи из-под чая, бригадир догадался, что рабочий напился чифира, но самое главное — это отсутствие трёх лошадей. Осталась одна лошадь, которая была привязана на длинную верёвку, а три были спутанные, они убежали. Догнать их не смогли. Бригадир принял решение, что конюх будет работать со всеми на равных, а с лошадью рабочие будут оставаться по очереди.

Раз в неделю бригада переезжала, углубляясь вверх по реке на пятьдесят километров. Основной груз навьючивали на лошадь, а оставшийся

взваливали на свои плечи.

В тот роковой день поднялись с лошадьё на вершину горы, где топографу предстояло проделать измерения с помощью теодолита. Оказалось, что в одну сторону нужно было прорубить просеку, чтобы увидеть триангуляционный знак на соседней вершине горы, такое встречалось почти каждый день. В тот день закончились продукты, поэтому Титков отправил сына на лошади в деревню за продуктами, там оставались его жена с младшим сыном и запас продуктов на весь полевой сезон. Рабочим поручил прорубать просеку. А сам начал заниматься у костра вычислениями и попутно готовил завтрак из оставшихся продуктов. Расчищая вершину горы от поросли и мешавших веток, старший по возрасту рабочий возмущался, что их голодных заставляют работать.

Закончив расчистку просеки, рабочие вернулись к костру, и старший рабочий подойдя к вареву, проверил, что же приготовлено. Зайдя сзади бригадира, ударом топора отрубил ему голову. Удар был так силен, что карандаш в руке Титкова глубоко пронзил листы журнала измерений.

Второй рабочий испугался и хотел бежать, но убийца пригрозил расправиться и с ним, если он только скажет кому-нибудь о совершенном или если попытается уйти. Душегуб заставил парня собрать рюкзаки и они двинулись в деревню, другого пути из тайги и не было.

Пришли поздно на квартиру, где останавливались раньше и легли спать. Лежали долго, молча стерегли друг друга. Юноша после страшного убийства не мог даже сомкнуть глаза. Убийца уснул, этим воспользовался рабочий и убежал к жене Титкова и с ней отправились в сельсовет. Собрали мужиков, но бандит, проснувшись, увидел, что нет напарника — сбежал. Положение становилось очень опасным. Связались по радиостанции с базой партии, приехал начальник партии П.П. Кузнецов. Организовали специальную бригаду из охотников с собаками.

Кто-то из местных жителей видел убийцу в лесных зарослях с ружьём, он за это время раздобыл где-то оружие. Охотники рассчитывали только на собак. С таким жестоким убийцей встречаться было очень опасно, он страшнее даже самого разъярённого медведя. На окраине деревни он залез в избу, собрал все продукты и забрал ружьё, теперь он был вооружен двумя ружьями. От этой избы собаки взяли след и началось преследование. Собаки и охотники местность свою знали прекрасно. Настигнуть вооруженного зверюгу удалось на берегу реки. Свора разъярённых собак набросилась на убийцу, он даже не успел воспользоваться ружьями.

С пойманным убийцей поехали на гору, на место преступления.

Накануне, когда бандит с парнем шли в деревню, они увидели возвращавшегося Аркадия, старший хотел расправиться и с ним, но парень,

плача, уговорил не делать этого. Тогда рабочие спрятались в зарослях и переждали его продвижение.

На вершине горы у потухшего костра приехавшие увидели залитого кровью убитого А.И. Титкова, его даже ничем не прикрыли, но сына там не оказалось. Возникла новая проблема, куда мог исчезнуть Аркадий. Появились разные догадки и версии. Начались новые поиски. Большинство придерживалось версии, что сын увидел обезглавленного отца, потерял рассудок и пошёл куда глаза глядят. Следственная комиссия занялась расследованием убийства А.И. Титкова, а поисковая группа приступила к обследованию близлежащей местности.

Жена, увидев обезглавленного, лежащего в крови мужа, потеряла сознание, она очнулась через сутки, узнав об исчезновении старшего сына, она вновь отключилась. Шли дни, похоронили на залесённой горе старшего топографа Александра Ивановича Титкова, а Аркадия найти не могли, в такой залесённой местности трудно обнаружить человека.

В деревне появилась лошадь с завьюченными продуктами, которую Аркадий вёл в бригаду, после этого поиски стали вести более интенсивно. Наконец сына нашли в долине совсем другой реки. Он был уставшим и обессиленным. Оказывается, всё началось в тот день, когда он возвращался в бригаду, ведя за повод завьюченную лошадь. Проходя вброд через небольшой ручей, лошадь вдруг резко захрапела, бросилась в сторону, вырвавшись, она устремилась по берегу ручья и вскоре исчезла в зарослях. Юноша бросился вдогонку за лошастью, вначале между стволов деревьев, а затем её не стало. Первый день Аркадий бежал и шел по её следам, но потом следы потерялись.

Лошадь вырвалась и сделала такой резкий трюк: или она почувствовала поблизости медведя или её ужалил шмель. Долго гнавшись за лошастью, Аркадий заблудился, несколько раз поднимался на вершины гор, залезал на деревья, пытаясь найти свою бригаду. Потом он решил пойти в деревню и понял, что заблудился окончательно. Продуктов никаких не было. Обнаружили его охотники с помощью собак.

Сын не знал о гибели отца, очевидно, судьба так распорядилась и не допустила встречи сына с убитым отцом.

Убийцу вскоре осудили, приговорили к высшей мере наказания, он уже ранее был судим и оказался матерым преступником.

Юным туристам из Нижнеудинска мы ответили и подробно описали о трагической гибели первопроходца, который занимался мирным трудом, создавая топографические карты на неизведанный регион предгорий Восточных Саян, и одинокой могиле, в которой захоронен старший топограф Александр Иванович Титков.

Работа в Казахстане

В период всеобщего картографирования территории нашей страны в масштабе 1:25 000 на полевых процессах занято было значительное количество женщин. Недавно поделилась своими воспоминаниями топограф Тамара Георгиевна Фёдорова. Молодым специалистом она приехала в отряд № 50 Новосибирского предприятия. Начальник отряда О.А. Дроздов предложил ей работу в камеральной бригаде, но Тамара настояла, чтобы отправили её на полевые процессы. Широкоплечий, огромного роста начальник отряда, глядя на шупленькую небольшого роста девушку, долго думал, в каком регионе можно дать поработать топографу, но не в тайгу же её посылать, там ведь нужны не только профессиональные знания, но и физическая подготовленность. Дроздов предложил поехать Тамаре в Казахстан.

База партии находилась в г. Джамбуле, а работы пришлось выполнять в 150 км от базы партии по реке Талас и в пустыне Муюнкум.

Тамара выросла в Сибири, поэтому здесь ей всё казалось необычным. Из Джамбула выехали на автомашине с начальником партии. Проехали большую часть пути, наступало вечернее время, в Сибири сумерки длятся очень долго, а здесь темнота наступила мгновенно. Пришлось остановиться на ночлег на поляне на берегу реки. Перекусили, что у кого имелось, затем вытащили спальные мешки, легли на землю поверх спальников из-за сильной жары, укрывшись вкладышами.

Проснулись среди ночи оттого, что кто-то бежит по телу, колется и кусается. Включили фары у машины, оказалось, это ёжики. Их было огромное количество. Они съели все продукты, которые остались от ужина, а потом продолжили поиски на людях.

С рассветом стали укладывать вещи. Начальник партии, заталкивая свои вещи в рюкзак, засунул туда руку и тут же отдернул её с визгом. Оказывается, его укусил скорпион, он оказался очень крупным. Все долго рассматривали это паукообразное страшилище, его ногощупальцы вооружены клещами, а на конце брюшка удалось рассмотреть ядовитое крючкообразное жало. Укус оказался очень болезненным. Руку смазали спиртом и обработали йодом, боль прошла. После этого перетрясли все рюкзаки, но больше ночных пришельцев не обнаружили. Конечно, скорпион очень сильно всех напугал, особенно Тамару, ведь страшилище было величиною почти с её ладонь и она слышала, что их яд сильно опасен.

Начальник партии довез бригаду до места работы, дал все указания, а сам уехал с другой бригадой дальше. Тамара со своей бригадой начала обживать. На следующий день приступили к работе, втроём пошли отыскивать пирамиду, по документации знак должен быть высотой семь метров, выстроен из деревянных деталей. Но в этой пустыне, где нет деревень и ни одного кустика, конечно, знак не сохранился, удалось отыскать центр. На месте пирамиды установили вежу, сделанную из камыша, увязанного в длинный пучок. Через пару дней пригнали лошадей для передвижения. Начались жаркие дни. Стали страдать от жары и очень хотелось пить. Впоследствии местные жители научили Тамару как воздержаться от жажды. Нужно утром покушать плотно и желательно солененького, а потом выпить очень много горячего чая. Холодную воду пить не нужно. Вскоре привыкли к такой диете и проблемы с жаждой закончились.

Однажды увидели вдали озеро и срочно направились к нему, но когда стали приближаться, то быстренько разочаровались — это оказались такыры. Белая солончаковая поверхность, испещрённая трещинами, была похожа на красивый паркет, без единого стебелька и кустика. Эта глинистая плоская поверхность весной заливается водой, а затем вода испаряется и безжизненная поверхность сохраняется с глянцевым отражением весь год. На обратном пути к стоянке на небе появились облака, радовались дождю. Вдруг подул шквалистый ветер, небо потемнело, упало несколько капель дождя, а затем посыпал крупный град величиной с голубиное яйцо, но он быстро закончился, наставив девушкам огромное количество синяков. Солнце выглянуло, и все быстро обсохли и стали считать, у кого синяков больше.

Через несколько дней пришлось перебазироваться на территорию барханных песков Муюнкума. В первую очередь начали обследовать центры пунктов триангуляции, зная, что наружные знаки не сохранились. Поднялись на самую высокую горку из сыпучего песка, кругом осмотрели и обнаружили, что монолит пункта триангуляции выдуло ветром и он лежит в низине, присыпанный песком, хотя был закопан на глубину два метра. Здесь удалось увидеть пески разнообразностью от ровных, бугристых, грядовых, ячеистых до барханных, при постоянных ветрах конфигурация их меняется и они перемещаются на большие расстояния. Был такой случай, когда геодезическую пирамиду переместило ветром на десятки метров. Различных ползучих пауков, а здесь их разнообразность огромная, в песчаных местах меньше. Скапливаются они в основном ближе к обжитым местам.

Однажды днём решили отдохнуть в период самой жаркой поры, натянули брезентовый тент, сделав небольшую тень и улеглись. Когда

проснулись, увидели на тенте чёрную каракуртиху с многочисленным потомством, она, очевидно, тоже отдыхала, постарались аккуратно избавиться от такого опаснейшего соседства. Местные жители рассказывали, что каракурт очень ядовитый паук, особенно он опасен в весенний период. Усы самки смертельны не только для человека, но и для лошади. Эти пауки на людей не нападают, но если их потревожить, можно получить дозу смертельного яда, такие случаи у местных жителей происходят с детьми. Среди пауков самыми распространёнными являются фаланги, их здесь можно увидеть каждый день. Величиной они иногда достигают со спичечный коробок. Это ночные хищники, укус их очень болезненный, но не опасен, они питаются в основном падалью. Их укусы в бригаде испытали все, после укуса на теле остаётся обожженная полоса. Она заражает трупным ядом. Но а змей в этих местах видимо-невидимо. Они здесь постоянные коренные жители. Их можно обнаружить в рюкзаке, о спальном мешке, в коробках среди продуктов, утром у потухшего костра в оставленном ведре, сковороде или кастрюле. Вначале шарахались с визгом от их постоянного присутствия, но со временем привыкли.

Как-то раз в процессе полевых измерений к бригаде подъехал казах верхом на лошади, очевидно, пастух. Топографы угостили его сахаром — это у них считалось самым лучшим угощением. Затем дали ему посмотреть в объектив теодолита, его радостные эмоции действовали на всех членов бригады. Пастух пригласил вечером топографов в гости на махан — казахское кушанье из мяса. Так установилась тёплая дружба с этой казахской семьёй, а затем и со всеми жителями маленькой деревушки. Они оказались очень добрыми, душевными людьми. В случае каких-либо проблем все сразу приходили в бригаду и предлагали свои услуги. В один из вечеров повариха бригады Надя нечаянно наступила на змею, та, конечно, ее ужалила. Тамара обратилась к местным жителям, они подняли всю деревню, привезли из соседнего аула дряхленькую лекариху, пояснив, что она вылечивает любые змеиные укусы и, действительно, она сумела остановить проникновение яда в организм девушки. Лекариха три дня жила в деревне и каждый день поила какими-то лекарственными снадобьями, а к укусанной ранке прикладывала тампоны с ядовыводящими травами.

Тамара, взглядываясь в испещрённое глубокими морщинами загорелое дочерна лицо целительницы, поинтересовалась её возрастом. «Голубушка, я на семьдесят лет старше тебя» — ответила казашка. «Неужели Вам девяносто два года?» — усомнилась Тамара. Лекариха положительно кивнула головой. После этого топограф задумалась, каким образом она узнала про мой возраст. Стала спрашивать у пастуха, а он ответил, что лекариха владеет проницательностью и знает всё наперед. Тамара хотела

задать ещё какой-то вопрос, но увидела, что целительница закрыла глаза и сосредоточенно шепчет, нагнувшись над змеиным укусом.

Чем дольше работала неискушенная в жизни Тамара в Казахстане, тем больше восхищалась добротой местных жителей, их отзывчивостью, душевным расположением, стремлением сделать топографам приятное, оказать помощь в любую минуту.

Чёрный камень

Мы с начальником партии Василием Фёдоровичем Колесняком летели на вертолёте, обследуя новый участок работ для следующего года. День был солнечный, во все стороны просматривались бескрайние массивы горной тундры. Вершины плоских гор усыпаны гигантскими россыпями обомшелых камней. Чётко выделялись массивные плешины светло-зелёного цвета с голубым оттенком ягеля. Берега многочисленных озёр и рек покрыты густыми зарослями лиственниц и кустарников. Для диких оленей здесь раздолье, много кормов и рядом прекрасные лесные укрытия и соответственно уютно в этих условиях живётся волкам и другим лесным обитателям. На озёрах скопилось огромное количество перелётных птиц, они вереницами перелетали с одного озера на другое, готовясь лететь в далёкие южные края. И, конечно, в многочисленных водоёмах изобилие разной рыбы.

Наша цель облёта состояла в том, чтобы в первом приближении осмотреть регион, подобрать удобные места для строительства новых баз партий. Главным условием было: возможные посадки для гидросамолетов в летний период; в зимний — самолётов малой авиации в лыжном варианте и, конечно, должна быть вертолётная площадка, кроме того требовалось наличие строевого леса и ряд других условий.

Вдруг на берегу озера мы увидели каркас чума. Нас это заинтересовало. Крутой склон не позволил вертолёту приземлиться рядом, пришлось посадить вертолёт за полтора километра, на берегу реки. Мы с начальником партии отправились к заброшенному чуму, а лётчики быстренько стали забрасывать блёсны в реку, начиная крючки различными обманками, даже похожих на мышей. Густой мелкий кустарник создавал неудобства в движении, но мы продолжали идти, приближаясь к одиночному острову. Нас интересовало, что могли здесь люди делать? На сотни километров нет ни единого населённого пункта, даже нет на объекте ни одной избушки, и вдруг каркас.

Страшное зрелище предстало перед нами. Конический остров, сделанный из жердей лиственниц, оказался очень древним. Оленьи шкуры, которыми когда-то был покрыт чум, содрало и разнесло ветром по всей тундре. Среди истлевших шкур валялись человеческие скелеты больших и малых размеров, здесь же мы увидели совсем маленький череп человеческой головы. Разбросана скудная изржавевшая посуда. По сохранившемся остаткам различных предметов трудно было установить,

когда эта трагедия произошла. Больше всего нас волновало, с чем это связано? Что могло подействовать, чтобы в один момент погибли сразу несколько человек в одном чуме, даже дети. Загадочный чум не давал нам покоя, обошли кругом, спустились к берегу озера, обнаружили старые пни, очевидно, люди рубили жерди на каркас чума. Недалеко от чума, в зарослях кустарника, удалось найти остатки изгнивших нарт, поэтому появилась версия, что трагическое событие произошло в зимний период. Мы молча всматривались в оставшийся каркас, выполнявший роль надгробного памятника, в останки человеческих скелетов, которые вызывали чувство скорби, сострадания, тяжёлой беды, на душе становилось жутко. В это время над нами пролетал караван курлыкающих журавлей, они с тревогой, грустью и унынием извещали о прощальном отлёте со своей родины, наводя на нас тоску, которой мы были уже переполнены.

В этот момент у вертолётá послышались ружейные выстрелы. Мы озабоченно переглянулись. Загадочные выстрелы продолжались. Насторожившись, мы отправились в сторону вертолётá. Шли молча, строя различные догадки, уверяя себя, что с медведем не могло быть встречи, они сейчас уже забиваются в густые заросли перед зимней спячкой, накопили достаточно жировых запасов, в этот период они становятся спокойными и всякая агрессивность у них исчезает. Наступило оружейное затишье. Вскоре стрельба возобновилась. Мы ускорили шаг, хотя становилось страшновато. Мы спустились к лесу и решили к вертолёту подойти со стороны леса и вначале из-за деревьев рассмотреть, что делается у вертолётá.

Вертолёт на стоянке находился в одиночестве. Стрельба продолжалась на берегу реки. Мы по лесным зарослям стали пробираться вниз по склону. Подойдя к берегу, сквозь деревья, увидели двух членов экипажа, а прилетело трое. Совсем непонятно было, чем они занимаются. Мы постарались приблизиться к ним. Командир вертолётá сидел верхом на подпрыгивающем человеке, а второй пилот бегал вокруг него с ружьём, пытаясь сделать очередной выстрел в лежащего. Мы приподнялись и с криком отправились к экипажу, чтобы не попасть под случайный их выстрел.

Подойдя вплотную, мы сразу разобрались в ситуации. Оказывается, командир сидел верхом на вытащенном на берег таймене, который, как впоследствии при взвешивании выяснилось, весил пятьдесят пять килограммов. Для того чтобы вытащить его на берег, им пришлось много раз стрелять в него, боялись, что оборвёт леску и уплывёт. Кроме этого тайменя, они поймали ещё несколько штук, но те были по пятнадцать-двадцать килограммов каждая.

Бортмеханик ушёл вниз по течению, никак не мог подтянуть к берегу тайменя, старался его измучить, но не получилось. Рыбина порвала леску и уплыла в свои глубокие просторы. Мне никогда не приходилось видеть столько много рыбы гигантских размеров, пойманной на леску.

Вечером мы пригласили нашего экспедиционного любимца эвенкийского старца Топтогыра. Нам хотелось рассказать и узнать его мнение о скелетах в бывшем чуме в далёкой горной тундре. Мы рассказывали, а эвенк спокойно, молча слушал нас, посасывая свою замусоленную трубку, не перебивая и не задавая нам вопросов. Он сидел, словно мумия. Его узкие глаза совсем сощурились. Мы закончили говорить. Наступила длительная пауза. Потом Топтогыр вымолвил: «Однако тунгусы помер от чёрного камня, много тунгус помер от чёрного камня». Старец начал нас пытаться, находили мы в чуме или около него чёрные камни. Я вспомнил, что мне под сапог попал плоский чёрный камень величиною с утюг, я его пнул в сторону, удивившись, что камень очень уж чёрный.

Топтогыр прояснил нам причину, от чего погибли люди в том далёком чуме. Я сразу же вспомнил, как в Игарке мне с Л.А. Кашиным на мерзлотной станции рассказывали эпопею массовой гибели эвенкийского народа от угара каменного угля. Старшее поколение местных аборигенов называют себя тунгусами, так их называли во все давние времена. Они приспособлены выживать в чумах даже в самые лютые морозы. Обычно посреди чума горит костёр, обложенный камнями. Дым поднимается и улетучивается в отверстие. Когда нагреваются камни и прогорают дрова в костре, остаются раскалённые угли в кострище, дающие тепло, в этот период верхнее отверстие затыкают специальной затычкой, сделанной на длинном шесте. Всё тепло сосредотачивается в чуме, в котором обычно жили большими семьями. Тепло сохранялось до самого утра даже в самые трескучие морозы.

Однажды тунгусы наткнулись на каменный уголь, называя его чёрным камнем, и удивились, что чёрный камень горит и даёт много жару, а не знали, что он выделяет ядовитый угарный газ. Нельзя было затыкать верхнее отверстие в чуме, пока угли окончательно не сгорят. Стали гибнуть семьи, иногда в суровые зимние морозы погибали целые стойбища. Наступило время, когда тунгусы отказались от чёрного камня и вновь стали использовать дрова, которые в основном готовятся из местной лиственницы.

Чёрные камни унесли много жизней у северных народов, поэтому аборигены даже не хотят вести разговор о чёрном камне.

Утопленное золото

Мне удалось в очередной раз прилететь в заполярный посёлок Таймыр, приютившийся на крутом юго-западном берегу огромного Хантайского озера. Природа здесь на крайнем севере очень суровая, из огромного разнообразия лесных пород в этих краях выживает кое-как лиственница и только по береговой части вокруг озера, а выше в горах они не растут. Там начинается горная тундра с серой замшелой каменистой поверхностью. Такая унылая однообразная серость распространяется на сотни километров до самого побережья Ледовитого океана.

Вечером ко мне пожаловал мой давний знакомый эвенк Топтогыр. В летний период он работал в наших бригадах каюром на оленях. Его преклонный возраст виден был в его седых длинных волосах, глубоких морщинах на обветренном лице, редкой бородёнке и, конечно, в его изношенной одежде. При работе в тундре с оленями равных ему не было: он не только превосходный знаток в обращении с оленями, но он обладает большими знаниями о всей окружающей местности, владеет каким то непонятным чутьём, интуицией. За многие годы спасал не один раз наших начинающих геодезистов и топографов, которые попадали в сложную ситуацию сурового заполярного режима жизни.

По натуре Топтогыр очень молчаливый, он мог часами сидеть рядом, не вымолвив ни единого слова. Бывали моменты, когда разговор касался каких-то случаев из его жизни в молодые годы, он увлекался и изливал любопытные истории. В этот раз он спросил меня: «Ваш курчавый Володя почему долго к нам не приезжай?». Я понял, о ком он спрашивает. Рассказал эвенку, что Володя уволился и живёт теперь на побережье Чёрного моря. Старик вдруг вымолвил: «Однако золото он забрал». От этих слов я опешил и стал расспрашивать эвенка. Абориген рассказал любопытную историю.

Эта эпопея началась давно, тогда тридцатилетний Топтогыр уже слыл опытным каюром — проводником. Эти качества ему перешли по наследству от деда и отца. Тогда приехали в посёлок два инженера, отец с сыном из Ленинграда. Они занимались поисками золота в горах Путорана. Топтогыр проработал с оленями у них всё лето в должности проводника. Они прекрасно ему платили. На следующий год они вновь появились и опять с Топтогыром уехали на оленях на всё лето в горы Путорана. В тот год они нашли золото у подножья гор, на берегу безымянного ручья, и начали его добывать. Задержались до глубокой осени. Решили возвращаться по снегу

на оленьих нартовых упряжках. Готовясь к морозам, проводник соорудил чум. Утеплял его, в нём коротали длинные ночи.

Дождавшись устойчивого снежного покрова, когда озёра и реки сковало надёжным льдом, олени упряжки отправились в далёкий маршрут, в сторону Хантайского озера. На первой упряжке ехал проводник, за ним следовал отец с добытым богатством, на нартах последней упряжки находился сын. Упряжки были надёжные. В нартах запряжены по четыре оленя. Имелось ещё два запасных оленя. Ехали по снегу быстро. Легко давались оленям отрезки маршрута, когда путь пролегал по рекам и озёрам. Проезжали по льду одного озера, вдруг нарты Топтогыра начали проваливаться, но олени успели выскочить и эвенк даже не успел промокнуть. Следовавшая упряжка со старшим изыскателем попала в полынью. Проводник успел соскочить со своих саней и начал вытаскивать из воды своего начальника. Олени скользили, падали на колени. Инженер крепко уцепился за нарты и его удалось быстро вытащить из воды. Упряжка сына благополучно свернула в сторону и оказалась вне опасности.

Сын помогал отцу раздеваться. Мороз сковывал мокрую одежду. Каюр разжигал костёр. Сын тоже разделся и часть своей тёплой одежды отдал отцу. Топтогыр кипятил чай и горячим отваром отпаивал перепуганного, дрожащего от холода изыскателя. Проводник собрал олени шкуры со своих нарт и завернул в них руководителя, заставляя пить горячий чай, затем предложил быстро бегать вокруг костра. Топтогыр понимал, что инженер не прогревается, багровый цвет лица указывал на опасное состояние здоровья. Тогда Топтогыр заколол оленя, нацедил из него кружку горячей крови и заставил инженера выпить, долго он сопротивлялся, подкатывало рвотное состояние, но эвенк настоял опустошить кружку. После этой дозы лицо инженера стало приобретать нормальный цвет.

Согревшись и восстановив свои силы, отец приказал проводнику соорудить на берегу чум и сообщил, что пока багаж со дна озера не будет поднят, они будут жить здесь. В первые минуты этой трагедии у сына появлялась страсть раздеться и нырнуть, но отец категорически запретил. Весь груз вместе с золотом оказались подо льдом, на дне озера. Началась монотонная работа по выуживанию золота. Каюр вырубал и сооружал различные рогатулины, крючки из лиственниц. Изыскатели привязывали их к верёвкам и забрасывали в воду. На второй день удалось зацепить оленью шкуру, которая находилась в процессе езды на нартах. Инженеры воспряли духом и начали поиски более энергично. Использовали хорей — это длинная тонкая гибкая палка, которой управляют оленями в упряжке. Хорей немного толще, чем рыболовное удилище. Глубина озера в этом месте достигала от трех до пяти метров. Иногда крючки цеплялись, но срывались,

и вновь начинали забрасывать верёвки с крючками. Шли дни безрезультатных поисков. Погода начинала портиться, подул северный ветер, позёмка срывала снег и уносила, спрессовывая глубокие забои. У отца появился кашель, стала подниматься температура. Требовалось лечение. Изыскатели решили поиски отложить на лето.

Каюр запряг оленей в упряжки и вновь отправились в путь. Предстояло проехать на нартах более двухсот километров. Дни северные в этот период очень короткие, передвигались только в светлое время. Иногда приходилось преодолевать глубокие сугробы, олени быстро уставали, поэтому езда затягивалась. Наконец добрались до посёлка. Погода установилась морозная, поэтому ленинградцам удалось улететь сравнительно быстро.

С наступлением лета в посёлок приехал сын с другом. Они с Топтогыром на оленях отправились к заветному озеру. Из Ленинграда парни привезли резиновую лодку, алюминиевые раздвижные трубки, специальные крюки, капроновые верёвки, крючки-самоловы и снаряжение для подводного ныряния и плавания под водой. Передвигались до озера пешком, а всё оборудование, снаряжение, продукты было завьючено на оленях. Северные олени слабые, они могут перевозить вьюки весом до тридцати килограммов. Добрались до заброшенного в осеннее-зимний период чума нормально.

Каюр занимался выпасом оленей, ремонтом чума, а юноши сразу же приступили к поискам золота. Накачали резиновую лодку и начали использовать все свои привезённые приспособления. Самым эффективным устройством оказался металлический стержень, изготовленный в виде морского якоря с тремя острыми крюками. С помощью этого устройства вытаскивали несколько раз клочки от оленьей шкуры. Обрывки одежды, которая находилась на нартах, клочья верёвок, снаряжение для подводного плавания не нашло применения из-за илистого дна. Притом нужно было бы начинать с подводного ныряния, т.к. бороздя крючьями, жердями, подняли со дна ил, который ещё не улегся окончательно от весенних водостоков.

Поиски затягивались. Через неделю зацепили и вытащили страшную находку. Череп человеческой головы. Каюр объяснил, что в этом месте значит постоянно сохраняется полынья, возможно бьют горячие ключи и когда-то давным-давно в полынью влетел на оленях какой-то проезжий, потому что перед этим вытащили олени рога, которые пролежали на дне не один десяток лет. Парни были крайне изумлены этой страшной находкой. Однажды вытащили остаток от древних национальных унтов, затем вытянули полозья от нарта.

Две недели юноши провели на озере и никаких результатов не добились, у них заканчивался отпуск. Поэтому пришлось завершать поиски

и возвращаться обратно. Добытое золото в горах Путорана было захоронено на безымянном озере.

Три года назад Топтогыр работал с оленями каюром в бригаде нашего геодезиста Володи и совпало, что топографо-геодезические работы осуществлялись в тех местах, где четверть века назад каюр был свидетелем тех событий и даже сохранились останки от чума. Эвенк рассказал об этом бригадиру Володе. Геодезист загорелся идеей поиска золота. Тем более, он увлекался подводным плаванием. Володя с очередным месячным отчётом полетел в Игарку и приобрёл ласты, маску и прочее оборудование. Возвратившись, бригадир отправил своего помощника на неделю в горы с рабочими и каюром выполнять несложные измерения, а сам остался на берегу озера под предлогом, что скопилось много камеральных работ. Через неделю бригада возвратилась, Володя рассказал эвенку, что ничего не удалось увидеть на дне озера из-за мутных илистых осадков, но старый Топтогыр заметил на берегу обрывки ремешков с пряжками от сумки, в которой когда-то находилось золото. Вскоре с этого места перебрались на другое озеро и про это все забыли.

После сообщения Топтогыра я стал анализировать, как развивались события. Володя, сдав осенью полевые материалы, взял очередной пуск, как и большинство полеви́ков, и уехал отдыхать на побережье Чёрного моря. Затем прислал заявление на увольнение и в экспедиции больше не появлялся. С некоторыми работниками он переписывался. Кто-то из друзей заезжал к нему в гости. В прибрежной полосе Чёрного моря Володя купил прекрасный особняк с садом. Женился на одной из наших девушек, которая работала картографом в экспедиции. Устроился на работу землемером в местной организации, купил прекрасную машину и яхту. Очевидно, геодезист всё таки воспользовался тем утопленным золотом и устроил себе спокойную жизнь на побережье Чёрного моря.

Разбойники на приисках

Мы с Егорычем вдвоём верхом на лошадях из Нижнеудинска выехали в юго-западном направлении по тропе, проложенной по берегу реки Каменка. Нам за месяц предстояло проделать маршрут в пятьсот километров, обследовать реки Большая Бирюса, Малая Бирюса от их слияния до истоков, отдешифрировать на аэрофотоснимках населённые пункты, отдельные строения, тропы, броды через реки с указанием характеристик и изучить лесотаксационные данные всего этого таёжного массива. Наше доскональное обследование началось в посёлке Усть-Яга, который расположен по правому берегу реки Бирюса. Усть-Яга сравнительно большое таёжное село. Никаких дорог к селу нет, даже нет вертолётной площадки. Густой лес подступает к самым домам и баням. Имеется выючная тропа до Нижнеудинска, проложенная по таёжным массивам на расстояние 80 километров.

В таёжную глушь через десять километров по тропе, через перевал мы выехали в маленькую деревню Баландино, которая разместилась на берегу реки Большая Бирюса. В этой деревне у Егорыча нашёлся знакомый рыбак, который когда-то очень умело ковал лошадей, он нам предоставил комнату, и мы три дня здесь жили. Я успел обследовать за это время окружающую местность, закрепил всё на фотоснимках и теперь нам предстоял очень сложный, далёкий маршрут вверх по течению реки Большая Бирюса. Там, далеко в истоках, в залесённых массивах появился целый каскад деревень золотодобытчиков, некоторые из них уже отнесены в разряд нежилых, но их ещё не нанесли на карты.

Б Баландино нам рассказали местные жители про огромное количество страшных разбоев, происходящих на таёжной тропе, куда нам предстояло идти и обследовать массив до самых ледниковых перевалов. Егорыч десять лет назад ходил по этой тропе, в то время никаких проблем не было. Он тогда всю зиму прожил в посёлке Покровском. С тех пор всё изменилось. Дело в том, что в истоках реки Большая Бирюса обосновалось семь посёлков, в которых люди занимались только добычей золота. Дорог к этим сёлам нет, кругом тайга. Вскоре запасы драгоценного металла стали иссякать, добыча становилась нерентабельной. Большинство людей начали переезжать на другие прииски. Оставались одинокие, престарелые и больные. Егорыч рассказал, что в посёлке Покровском оставалось тогда четыре семьи, два престарелых человека — это Коля-китаец, Паша-кореец, радист Сергей и вдова Анисья, у которой трагически погибли муж с сыном.

Так получилось, что Егорыч вначале помог Анисье заготовить дрова на зиму, а зима здесь очень длинная и морозная, затем занялся утеплением дома, так и не успев выбраться из посёлка до снегопада, и пришлось зимовать у Анисьи. Во всех остальных соседних сёлах складывалась подобная ситуация. Оставшиеся люди потихоньку мыли золото на пропитание. Обычно золотодобытчики накапливали определённый запас этого металла и уходили из тайги в родные места, прощаясь с приисками, с учётом, что на первый период их жизни намытого золота вполне было достаточно.

До Нижнеудинска путь очень длинный, требовалось много дней пройти по таёжным тропам, поэтому уходить старались хотя бы по два человека, но были и одиночки.

В этот период и начали действовать таёжные грабители. Разбойники орудовали нахально и дерзко. Они изощрялись в выдумках. Так, в двадцати километрах от Баландино долго действовали разбойники на берегу Большой Бирюсы на тропе, где на противоположном берегу с давних времён сохранилась охотничья избушка. В этой избушке на летний сезон поселился жить мальчуган. У него имелась на берегу лодка-долблёнка, на которой он подрабатывал, переправляя путников через реку. Бирюса в этом месте широкая и сравнительно быстрая. Обычно золотоискателей мальчуган за определённую плату усаживал в лодку и плыл на противоположный берег. На середине реки лодочник имитировал, что волна захлёстывает в лодку, специально разворачивая боковой частью на бегущую волну, и лодка перевёртывалась. Он хватал лодку и помогал тонувшим выйти из воды. На противоположном берегу у него имелся просторный шалаш. Он быстро разводил костёр, все раздевались и сушили свою одежду. В это время внезапно появлялись вооруженные бандиты. Лодочник хватал свои вещи, бежал на берег, садился в лодку и уплывал в свою избушку, выполнив свою гадкую миссию. У раздетых старателей разбойники забирали всё золото и уходили в лес.

Плачущие золотоискатели появлялись в Баландино. Жители сочувствовали им, обычно кормили их, давали продуктов на дорогу, и они уходили нищенствовать в Нижнеудинск.

Одно время разбойники промышляли вблизи другой избушки, которая расположена в 20 километрах ниже по течению Большой Бирюсы от посёлка Миричун. Там тропа упирается в высокий скальный утёс, приходится переходить реку и через три километра тропа вновь возвращается на прежний берег. И здесь, у выхода из воды, из-за скалы набрасывались грабители. Притом у них существовала какая-то тайная сигнализация. Засады они часто меняли. Некоторые обнищавшие старатели

возвращались обратно на прииски. Многие годы бандюги держали в страхе всех золотодобытчиков.

Был случай, когда разбойники отобрали золото и избили пожилого осетина. Он решил выследить их обиталище. Ему удалось незаметно проследовать за ними. Жили они недалеко от главной тропы в прекрасном доме. Он приблизился совсем близко, и вдруг его обнаружили собаки. Он попытался бежать, разбойники начали целиться, но жалко было им собак. В это время из дома выскочила тёмноволосая женщина. На вид она была цыганской или кавказской национальности. Взглянув на престарелого осетина, она приказала отпустить его. В Баландино осетинец клялся, что он вернётся с друзьями и уничтожит эту банду, но остался ли он в живых, так как от собачьих укусов началась гангрена.

Местные жители нас отговаривали от этого страшного маршрута, уповая, что некоторые вообще не добрались до деревни, остались растерзанными в тайге. В живых оставались только те, кто безропотно расставался с золотом, но таких было мало. У нас не было выбора, мы должны обследовать именно этот регион, такая наша работа. Я утешил себя, что разбойники нападают на людей, которые несут золото, а мы едем в ту сторону, вот при возвращении можем попасть под их разбой. Знакомый рыбак Егорыча выделил нам в маршрут двух прекрасных собак, в тайге это самая главная гарантия от всех бед.

По рассказам местных жителей, большинство локальных участков, где бесчинствовали разбойники, нам были известны, поэтому, подъезжая к ним, мы вели себя очень осмотрительно и осторожно. Первым на нашем пути был шалаш на берегу реки, где происходила обираловка. Мы полагались на чутьё собак. Они вели себя спокойно. Егорыч разломал шалаш и все его атрибуты уложил в кострище, затем в кустах обнаружил лодку-долблёнку, и мы переправились на противоположный берег, а лошади преодолели реку вплавь. В избушке Егорыч собрал вещи юного лодочника, связал их и повесил на дерево. Егорыч объяснил, что разбойники должны понять, что находятся под пристальным надзором и тогда они исчезнут с этих мест. Моё мнение было другим, я полагал, что этим Должна заняться милиция, но Егорыч пояснил, что искатели добывают золото нелегально, поэтому заявлять в милицию не будут, да и милиция не сможет в лесных дебрях справиться с разбойниками.

Следующая избушка оказалась тоже пустой, но, пройдя несколько метров, Егорыч вдруг остановился. Он обнаружил леску, изготовленную из волос конского хвоста, натянутую через тропу. Обычно так устраивают самострелы. Противоположный конец привёл к крутому берегу вблизи избушки. К нему было привязано небольшое старенькое ведёрко,

наполненное пустыми гильзами от охотничьего ружья. Рассчитано было на то, что человек задевал ногами леску, ведро громыхало, давая знать разбойникам о приближении очередной жертвы. В данный период бандитов на дежурстве не было, поэтому леска была отведена в сторону. Егор снял ведро и прикрепил его на дверь избушки.

Наш маршрут продолжался. Я обследовал тропу, броды, избушки, реки, впадающие в них ручьи, лесные массивы и всё это отражал на аэроснимках. Егорыч долго присматривался к скалам, про которые ему подробно разъясняли в последней деревне, затем поднялся на скалистую вершину и разгадал замысел разбойников. Они использовали нашу геодезическую пирамиду в качестве своего наблюдательного пункта. С неё прекрасно виден первичный брод через реку. Бандиты, увидев людей, пересекающих вброд реку, спускались и у скального утёса встречали старателей. По всем признакам они здесь обитали длительное время. Пристанище оказалось удачным. Рядом с пирамидой сооружен капитальный шалаш. В нём имелись даже раскладные кровати и спальные мешки. Егорыч уничтожил шалаш, разорвал спальные мешки, а раскладушки сбросил с обрыва.

Наши собаки подозрительно начали лаять, но не очень напористо. Мы отправились к ним, осторожно пробираясь между стволами деревьев. Совсем недалеко от тропы собаки обнаружили избушку, а лаяли они на чёрную кошку, которая сидела на подоконнике небольшого окна и через стекло поглядывала на лающих собак. Егорыч сжал свою старенькую берданку, я взвёл пистолет ТТ, и мы стали открывать дверь. В избе, кроме кошки, никого не было. Кошка выскочила и мигом оказалась на дереве. В избе было жарко, в печке тлели угли. На нарах разбросанные вещи, на столе валялись патроны. Самодельные пули, войлочные пыжи, а в банке светлячки — это светящиеся в темноте жучки. Егорыч сразу же сделал вывод, что разбойники ушли на ночную охоту на солончаки. Мы оставили дверь открытой настежь, подперев её палкой, а на стол положили чистый лист бумаги без всякой записи. Егорыч объяснил, что пусть для них это будет таинственной загадкой. Мы торопливо начали уходить. В тот день мы уехали от этой избушки на очень большое расстояние. Передвигались до самой темноты. Собаки наши были спокойны, поэтому мы расположились на ночлег.

Наконец мы добрались до посёлка Покровского. Егорыч зашагал в дому Анисьи, а он оказался пустым. Обошли всю деревню, в ней никто не жил, хотя по всем признакам чувствовалось, что люди здесь бывают часто. Мы остановились в доме, в котором сохранились окна, двери и печь. Утром я пошёл по посёлку, стал вычерчивать схему расположения домов, а Егорыч с собаками отправился в распадок, где когда-то происходила промышленная

добыча золота, надеясь, что там кто-то из старых жильцов появится на промывку золота, хотелось узнать о судьбе Анисьи. Среди груды песков, больших куч камней копошился сторбленный старатель. Собаки набросились на него. Он поднял руки вверх, и Егорыч узнал — это был Коля-китаец. Вскоре и китаец вспомнил Егорыча и схватил его в объятия. Коля подумал, что нагрянули бандиты. Китаец рассказал страшные истории, которые творили разбойники.

После консервации прииска, оставшиеся жители проживали в посёлке. Через некоторое время стали наведываться разбойники, отбирать золото. Радист сообщил руководству по связи, что в посёлке появляются бандиты, избивают жителей. Просил прислать милицию. Никакой реакции не последовало. Люди поняли, что руководство и бандиты повязаны одним узлом, защиты и пощады искать бесполезно. Жители посёлка начали уходить и прятаться в лес. Строили там избушки и переселялись туда жить. Зимой некоторые возвращались, но не все. В зимний период снег глубокий и разбойникам в посёлок не добраться.

Анисья тоже соорудила себе избушку, ей все помогали, но она построила близко от посёлка. В очередной раз бандиты нагрянули в посёлок, а жителей в нём не оказалось. Они начали рыскать вокруг деревни. С помощью собак наткнулись на избушку Анисьи. Стали требовать золото. Она объяснила, что похоронила мужа и сына, которые погибли трагически, а мыть золото у неё не хватает сил и здоровья, думала, что разжалобит пришельцев. Они начали требовать, чтобы она показала, где проживают остальные жители. Затем стали перетряхивать её скудные вещи. Анисья пояснила, что теперь она занимается охотой, рассчитывая, что они отстанут от неё. Они набросились на соболя и беличьи шкурки, стали делить между собой. Она умоляла вернуть пушнину, иначе умрёт с голоду. Разбойники надавали ей подзатыльников и стали избивать, требуя сказать, в каких распадках проживают остальные. Схватив стоявшую в углу избушки мелкокалиберку, они удалились.

Обозленная, униженная Анисья поднялась с пола, схватила спрятанную под нарами охотничью винтовку, выползла из избушки и застрелила бандитов.

Услышав стрельбу, сбежались старатели и увидели трупы извергов. Анисья рассказала своим сельчанам о её действиях. Жители утащили трупы на кладбище и закопали их. Это событие на Анисью сильно подействовало. Она стала замкнутой, а вскоре сошла с ума. Её увезли в посёлок Миричун к фельдшеру. Впоследствии её на лошадях отправили в Нижнеудинск и поселили в дом умалишённых.

Через год появились другие, более дерзкие разбойники, не давая спокойно жить старым таёжным людям. Нам предстояло обследовать все избышки и нанести их на новую карту. Китаец предупредил нас, что это проделать будет очень опасно. Люди напуганы бандитизмом, могут подумать, что эти карты делаются для разбойников. У всех имеется оружие и все прекрасно им владеют. За любым деревом, а иногда и на его вершине может скрываться человек, подстерегая зверя и, конечно, он не промахнётся, увидев подозрительных людей, шастающих по тайге, высматривающих и выискивающих тропы, избышки. Для жителей это непонятно, у них появляется сомнение и недоверие, учитывая постоянные разбойничьи нападения. Китаец всё-таки рассказал, в каких распадках имеются избышки и кто в них проживает.

Кроме этого посёлка в истоках реки Большой Бирюсы построились ещё шесть подобных деревень, удалены они друг от друга всего на три-пять километров. Последний посёлок Хорой построился в дремучем ущелье у самых вершин Саянских хребтов, здесь тоже некоторые старатели скрывались в избышках, уединённых в густых зарослях дикой девственной тайги, многие из них обзавелись собаками.

В посёлке Хорой мы подъехали к крайнему дому и услышали очень громкий детский рёв. Следующие два дома оказались нежилыми, даже не было рам и дверей. Егорыч развернул свою лошадь, и я последовал за ним к первому дому. Рёв не унимался. Мы решили зайти в дом. Привязали лошадей к столбику, на котором висел умывальник. Дверь оказалась незапертой. Через кухню прошли в комнату. В доме никого не было. У стены стояла широкая кровать, с неё свешивался ревуший младенец, привязанный на длинное полотенце. Очевидно, родители куда-то отлучились, оставив малыша спящим, для подстраховки привязали его, чтобы он не упал на пол. Зависший ребёнок ревел неустанно и чрезвычайно громко. Егорыч схватил малютку, и плач прекратился, но через некоторое время младенец вновь начал плакать.

На столе стоял маленький пузырёк с соской, наполненный на половину молоком. Я подал Егорычу бутылочку, он сунул соску в ревуший рот, и ревун замолчал, громко чмокая своими пухленькими губками. Вскоре молоко закончилось, и дитя вновь начало плакать. В это время в комнату влетела высокая стройная женщина. Она подскочила к малышу, оголила грудь, он ухватился губами за сосок и умолк.

Мы объяснили, кто мы, зачем сюда приехали и что зашли на раздирающий младенческий плач. Женщина поблагодарила нас, напоила чаем и предложила переночевать в этом доме, имеется отдельный вход, что там хорошо сохранилась квартира. В ней жил её сожитель, но разочаровался

в поисках золота, всё бросил и ушёл из тайги навсегда, поэтому они расстались. Женщина вынуждена целыми днями на приисках мыть золото, оставляя малышку на весь день одну, а сегодня на работе пришлось задержаться.

К концу подходил полевой сезон. В тайге повеяло осенью. Участились дожди. Обследование наше затягивалось, я понял, что в сроки нам не уложиться. Непредвиденным оказалось то обстоятельство, что появилось большое количество новых отдельных строений во многих распадках. Некоторые затаившиеся избушки очень трудно было разыскать в таёжных зарослях в отличие от охотничьих, которые всегда располагаются у тропы и на берегу реки или ручья. Тратилось много времени для обнаружения появившихся избушек. Мне никогда не приходилось сталкиваться с таким количеством разных неожиданностей, которые пришлось увидеть здесь, в Присянье.

Как-то раз мы продвигались по берегу безымянного ручья. Никаких признаков тропы не просматривалось, Егорыч, вглядываясь в траву, стал утверждать, что здесь постоянно ходят люди, но таким образом, чтобы не образовать тропу. Егорыч много лет работал проводником, поэтому считался прекрасным следопытом. Неожиданно наши собаки своим беззлобным тьяканьем дали знать, что столкнулись с чем-то необычным. Мы устремились к ним. Среди деревьев показалась избушка, но подхода к ней не было. Огорожена кругом капроновой рыбацкой сеткой на расстоянии метров пять. Егорыч осторожно обошёл вокруг и разгадал тайну, показав мне на верхнюю натянутую веревку. Рыбаки называют её тетивой, которая увешана опустошёнными спаренными консервными банками. Стоит дотронуться до сетки, банки начинали брэнчать. Эти звуки сигнализировали, что кто-то появился посторонний. Егорыч обнаружил лаз под сеткой с противоположной стороны. Избушка оказалась на замке. Нам и не хотелось, чтобы нас видели. Мы нанесли избушку на аэроснимок и уехали.

В следующей лощине мы тоже наткнулись на избушку и хозяин тоже отсутствовал, очевидно, мыл золото. Люди успевали мыть золото, пока не наступила зима. Обычно занимались этим ремеслом с тёмной и до тёмной. Избушка не закрывалась, как и большинство. Егорыч обнаружил в избушке интересное устройство. Под столом, который располагался у противоположной стены от двери, имелся лаз, по которому была возможность вылезти из избы. Хозяин изнутри закрывал дверь на крючок, если кто-то начинал стучать в дверь, то хозяин мог удалиться через лаз и уйти в лес или вступить в бой, в зависимости от обстоятельств.

Я высказал своё удивление, что искатели добывают золото, а избушки не замыкают, ведь бандиты могут спокойно без хозяев разыскать ценный металл и забрать его. Егорыч когда-то занимался этим промыслом и пояснил, что золото старатели хранят в лесу под корнями деревьев, в дуплах, в пнях, в норах, даже в птичьих гнёздах. В избушки золото люди никогда не заносят.

Я этом же логу мы обнаружили ещё одну избушку. Станным оказалось, что к ней сооружен тротуарчик из колотых дощечек. Егорыч встал на колени и начал тщательно рассматривать драньё, прибитое к поперечным прокладинам. Затем вытащил пучок берестяной коры из-под дранки и показал мне, разгадав секрет тротуара. Используя берестяную кору, житель сумел сделать пешеходную дорожку чрезвычайно скрипучей. Если кто-то вступал на тротуар, происходил громкий скрип, сразу же начинала лаять собака, сигнализируя о появлении пришельца. Мы и не стали беспокоить хозяина, отдешифровали избушку и уехали дальше.

Мы заканчивали обследование этого таёжного региона и возвращались по реке Малой Бирюсе. Как-то раз решили заночевать на берегу реки. На моей старой схематической карте была нанесена река, тропа и избушка. Мне требовалось проделать уточнения. Я предложил Егорычу заночевать вблизи охотничьей избы, которая значилась на карте. На аэроснимках просматривалась небольшая полянка, которую можно использовать для пастбища лошадей. Мы подъехали к избушке, а она исчезла — сгорела. По косвенным признакам можно было предположить, что в ней сгорел её житель. По заключению Егорыча, стены сгорели, затем задернованный потолок рухнул и загасил пожарище, не дав распространиться огню в лес. Самое страшное увидели мы у входа в избушку. Лежала обгоревшая цепь, один её конец закреплён за обуглевшую собачью конуру, а другой находился у входа в избушку на шее собачьего скелета. Неизвестно, отчего наступила её смерть, или от огненного удушья или от голода, если она осталась живой после пожара. Егорыч собрал скелет на брезент и мы захоронили останки недалеко от сгоревшей избушки. А избушку с карты пришлось убрать, как несуществующую.

Свой маршрут мы закончили в деревне Баландино. Жители из списка живых нас уже вычеркнули. Оказалось неделю назад в деревню пришли из Нижнеудинска обездоленные золотодобытчики. Всех их летом ограбили разбойники. Их собралось четверо. У одного имелся брат, который возвратился со своей дрессированной собакой со службы в погранвойсках. Пять вооруженных человек с собакой, переночевали в Баландино и отправились к бандитам. Ориентировочно они знали их затаившийся в лесу дом.

К вечеру группа возвратилась. Обездоленные люди поведали, что у дома их встретили воюющие собаки: разбойники, их было четверо, двое мужчин, женщина и мальчик, лежали угоревшими на топчанах. Очевидно, после очередного обильного застолья — это видно было по остаткам на столе, улеглись спать, закрыв печную трубу, и все угорели. Трупы уже разлагались, поэтому находиться в доме было невозможно. Золото за весь день найти не удалось, но своё оружие обнаружили и забрали. Ещё нашли пистолеты в свертке с экспедиционной одеждой. Деревенские посчитали, что это наше и оружие, и одежда, поэтому занесли нас в число погибших. И когда мы появились в деревне, жители нас назвали воскресшими.

Казырская партия

Как-то раз ко мне в кабинет забегают три незнакомца и начинают наперебой спрашивать про дом на берегу реки. Я в то время работал начальником экспедиции. Мне совсем было непонятно, чем они интересуются и кто эти люди? Высокая тёмноволосая девушка перебивала своим звонким голосом седовласого мужчину, который, жестикулируя руками, объяснял подробности отъезда его дочери из Ленинграда. Третий, небольшого роста, коренастый, пытался вступить в разговор и пояснить их появление в экспедиции.

— Как вас зовут? — обратился я к красноречивой смуглянке. — Лора, — ответила она, — а в институте меня звали — Лорка-тараторка. Про себя я подумал: вполне «уместно». Они все постоянно смотрят на часы, я понял, что люди очень спешат. И всё-таки я их усадил и обратился к седовласому, коротко изложить цель их визита в экспедицию.

Он объяснил, что его дочь Катя со своим другом Колей — а Коля — это мой сын, — вклинился коренастый, — сейчас находятся на Казырской базе партии. Я усомнился, пожав плечами, в таком однозначном утверждении, зная, что на Казыре есть и геологические базы партий. Моё недоумение рассказчик развеял сразу, объяснив, что об этом ему сказал начальник Абаканского авиаотряда В.Ф. Брындигов. Три недели нелётная погода, поэтому они не могут туда попасть. Я сразу связался по телефону с Брындиговым. С ним мы были знакомы давно. Он объяснил мне, что девушка рассказала ему, что оставили больную с парнем на базе партии. Когда она перечислила все приметы в доме, то начальник отряда сразу догадался, кто хозяйева этой базы. Брындигов сказал, что завтра будет хорошая погода, он решил лететь сам и пригласил меня. Договорились вылететь в десять часов утра.

После телефонного разговора я рассказал гостям, что завтра летим все вместе. Они обрадовались. Я пригласил рабочего Виктора и объяснил, что он тоже летит на Казыр, чтобы взял со склада шесть пар широких лыж, шесть полушубков, валенки и лопаты. Парень обрадовался и помчался организовывать сборы. Лора после ухода рабочего сказала, что она где-то этого молодого человека видела. Я объяснил, что вполне возможно, так как он приехал тоже из Ленинграда, бросил учёбу в институте, поссорился с родителями и сбежал. Вот уже год прекрасно работает, хорошо зарабатывает, летом занимался работами в Казырской базе партии и всё там знает.

Затем я позвал водителя и отправил его поужинать, объяснив, что через час увезёт гостей в Абакан, в гостиницу. После этого я пригласил главного инженера С.Д. Любивога, и нам принесли чай. Я попросил рассказать, как же люди в морозный декабрьский период попали на нашу Казырскую базу партии.

Оказывается, Катя с Колей и Лора с Артёмом, который улетел в Ленинград, в последние дни у них с Лорой произошли некоторые разногласия, во время учёбы в институте увлеклись туризмом. В летний период сплавились по многим рекам Сибири. Мечтали пройти на плоту по Казырскому маршруту, где погибли А. Кошурников, К. Стофато, А. Журавлёв в октябре 1942 года. А. Кошурников замёрз третьего ноября. Упомянув фамилии этих изыскателей, Лора процитировала первую фразу из книги В.А. Чивилихина «Серебряные рельсы»:

«Эх, Казыр, Казыр, злая непутёвая река! Мало людей прошло по твоим берегам от истока до устья, и ни один человек ещё не пробился через все твои шиверы и пороги. О чём бормочет твоя говорливая вода? Что ты рассказываешь, Казыр, — единственный свидетель и недобрый участник трагедии, о которой вот уже много лет помнят тысячи сибиряков...»

После этих слов в кабинете наступила гробовая тишина. Затем продолжила Лора. Мечту побывать именно в октябре туристам удалось осуществить после окончания института.

На самолёте прилетели в посёлок Верхние Гутары. Здесь наняли оленей и, навьючив их, отправились на вершины Саянских хребтов. Весь маршрут отрабатывался годами.

Перевал был засыпан приличным слоем снега. Многочисленные озёра оказались замёрзшими. Бескрайние просторы Саянских хребтов утопали в снежной белизне. Шли по тропе от Верхних Гутар до перевала сорок километров. Высотная отметка перевала более двух тысяч метров. Морозец с пронизывающим ветерком подгонял туристов. Затем появился хиленький кустарник, за ним последовал лес цепочкой вдоль берегов реки. Тропа устремилась на спуск в крутое заросшее ущелье по правому берегу реки Казыр. На противоположном берегу показалось огромное ущелье. Из этого ущелья вытекала шумная, бурлящая река Левый Казыр. Здесь тропа поворачивала на восток к посёлку Алыгджер. Теперь предстояло идти без тропы до охотничьей избушки. В каньон никогда не заглядывало солнце из-за рядом находящихся вершин: справа возвышалась гора Плохая с отметкой 2380 м, затем Пик Грандиозный — 2922 м, а слева Пик Триангуляторов — 2875 м. Через семь километров от устья Левого Казыра на высоком берегу увидели охотничью избушку. Здесь каюра с оленями отправили обратно, а сами начали заниматься подготовкой к сплаву по Казыру.

На поиски сухих кедров, их спиливание и изготовление плота ушло несколько дней. Последнее дерево удалось обнаружить очень далеко от берега. Парни стаскивали брёвна, а девушки носили сучья для дров в избушку. Плот в первом приближении был готов. Решили на завтра до обеда основательно сбить брёвна и после обеда отчалить в плавание. Вечером устроили прощальный ужин, в избушке натопили печь, поэтому становилось жарко, открыли настежь дверь.

Неожиданно раздался рёв и в проёме дверей появился медведь, он стоял на задних лапах. Громадное страшилище с открытой пастью пыталось просунуться и втиснуться в дверной проём. Брызги слюней из его разъярённой пасти летели в избушку. Артур забился в угол, Николай находился у печки, а девушки сидели с краю на нарах у самых дверей. Погасла свеча, закрепленная на кромке стола от пышущих горланных медвежьих вздохов. Избушка погрузилась во тьму. Всех охватил жуткий страх, боязнь и трепет. Мгновенная безысходность парализовала туристов, словно наступил конец света и нависла смерть.

Девичий визгливый крик перекрыл своей пронзительностью и писклявостью оглушающий медвежий рёв. Николай, сидевший около печки, отбросил раскаленную докрасна дверку, приставленную к пылающей печке, в сторону медведя. Огненное пламя с клубами чёрного дыма вырвалось из топки, озарив лучезарным светом маленькое помещение избушки. Медведь удалился, проявляя недовольство громогласным рёвом. Всё это происходило в считанные минуты, но страх испытали все четверо на всю жизнь. Николай вскочил и закрыл дверь, затем зажёл свечу. Девушки плакали. Вскоре наступила тишина. Все успокоились.

Через некоторое время у дверей возобновился медвежий рёв. Николай знал, что все звери боятся огня. Он надел перчатки, выхватил из печки горящую головёшку, открыл дверь и бросил в медведя. До самого утра медведь к избушке не приближался, бродил поодаль, издавая звериные звуки, чувствовалось, что его злость стала ещё сильнее.

Артём вслух начал анализировать, почему медведь появился в последнюю ночь их пребывания здесь, тем более, медведи уже залегли в берлоги, в тайге лежит снег. Вспомнилось последнее спиленное дерево, кедр оказался очень огромным, когда дерево упало, послышался грохот и треск от его огромной кроны, угодившей в густую поросль на противоположном склоне лощины. Очевидно, там была медвежья берлога. Оттуда донесся странный звук. Лесорубы притихли, прислушались, но никакого шума больше не последовало. Теперь стало понятно, что вершина кедра упала на берлогу, а хозяин тайги ещё не успел окончательно погрузиться в зимнюю спячку. Разгневанный медведь дождался темноты и решил разделаться с

пришельцами, которые посмели выгнать его из зимней квартиры. Медведь в таких случаях становится жестоким и свирепым, превращаясь в людоеда.

Переполошенные туристы спать не ложились до самого утра. Решили при рассвете сбросить всё на плот и удалиться с этого проклятого Места. Как только начало светать, приоткрыли дверь, стали осматриваться. Снег оказался истоптанным медвежьими лапами до самого берега. Перепуганные путешественники побросали свои пожитки на плот и отчалили. Скорость воды этой горной реки очень быстрая, поэтому плот мгновенно умчался от берега с избушкой, вокруг которой бродил разъяренный медведь. В течение дня много раз попадали в мелководье, иногда выносило на отмель или на перекаты. Приходилось плот стаскивать с камней. Порою безудержно несло на гранитные утёсы, но опытные плотогонщики умело уходили от этих коварных преград.

За несколько дней одолели около сотни километров. Однажды перед сумерками из-за крутого поворота попали в бурный водоворот, поток со стремительным течением подхватил плот, он стал неуправляемым, его перевернуло и с огромной силой подбросило и ударило торцом о скалы. Плот разлетелся на отдельные брёвна, люди и вещи оказались в пенистой бурлящей воде. Люди впотьмах барахтались, пытаясь осилить круговорот и выплыть к противоположному берегу. Николай считался в группе самым опытным и был немного старше остальных. Он пытался кричать, надеясь услышать ответы, но громяющий водоворот пенистой воды заглушал их голоса.

В конце концов три силуэта голов вырвались из кругообразной пены, а Кати не было. Коля и Артём бросились в стремнину, вскоре им удалось выловить девушку, но она была в бессознательном состоянии с окровавленной головой. Её быстро вытащили на берег и начали делать искусственное дыхание, в этом деле они все были прекрасными знатоками. Долгое время Катя не приходила в сознание, потом появились признаки жизни, и она ожила.

У Николая и Артёма оказались спички в непромокаемых упаковках, поэтому удалось развести костёр. Все продукты и вещи утонули. Всю ночь у костра сушили одежду. Катя почти пришла в нормальное состояние, но у неё появился сильный кашель. Очевидно, пока ей восстанавливали дыхание, она окончательно застудила лёгкие. Поднялась температура. Утром пытались двигаться по берегу, прошли первые километры, и Катя упала, потеряв сознание. Очевидно, давала о себе знать и голова, которую она разбила о скалы. Пришлось сделать носилки и пробираться по заснеженному берегу, стараясь не удаляться от водной части, хотя иногда скалы преграждали путь

и приходилось углубляться в лесные просторы. Продвигались очень медленно. Голодные, обессилившиеся, они шли и шли.

Через неделю они наткнулись на большой дом, в виде барака. Это оказалась законсервированная на зиму геодезическая база партии. Благодаря Казырской партии, они и остались в живых. В доме удалось найти медицинские походные аптечки, кое-что нашлось из продуктов — это канистра растительного масла, фляга с мукой, несколько банок сгущённого молока и ещё кое-что по мелочи. Кроме того в партии было много экспедиционной одежды, спальных мешков, различных инструментов. На базе было заготовлено много дров. Лора приспособилась печь на печке лепёшки. Катя в сознание не приходила, хотя удалось сбить температуру, её сильно забивал кашель. На второй день парни обнаружили на складе упаковку с двухместной резиновой лодкой. Вот тогда и созрел план. Лора с Артёмом срочно плывут до ближайшей деревни, затем добираются до местных властей, вызывают родителей и на вертолёт вывозят Николая с Катей. Всё так и шло, но остановила на три недели непогода.

Наш вертолёт приближался к базе партии, летели над замёрзшим Казыром. Над базой вертолёт сделал несколько кругов, вокруг дома были протоптаны тропинки и даже имелась тропа на реку. Вертолёт долго не мог приземлиться, опасностью был снег метровой глубины. Бортмеханик выпрыгнул и погрузился по пояс в снег и начал отыскивать вариант для посадки. Наконец мотор задохнулся и нам разрешили выходить.

У крыльца в экспедиционной зеленой телогрейке стояла худенькая блондинка с огромными голубыми глазами. Подбежал отец, и они, крепко обнявшись, долго стояли молча, заливаясь слезами. Мы вбежали в дом. На куче спальных мешков лежал Коля с обмороженными ногами. Отец Николая был военный фельдшер, он осмотрел ноги и вымолвил: «У него началась гангрена, нужно срочно вывозить». Мы забрали больного, Катю и полетели в Абакан.

Катя рассказала, что Коля приспособился на реке ловить рыбу. Продавливал во льду прорубь, спускал туда несколько метров от рыболовецкой сети и через несколько часов вытаскивал, в ячейках запутывалось по несколько штук рыб, в основном хариус. Этой рыбой и питались целый месяц.

Неделю назад Коля провалился в прорубь и, пока поднялся на берег и дошёл до дома, пальцы ног обморозил.

Кашель у Кати Николай вылечил, нашёл на крыше дома много лечебных трав и ими излечил. Мы вспомнили, что в летний период на базе партии работала радистом Маша Головина, она постоянно заготавливала

травы и ими вылечивала не только своего мужа-моториста Бориса Чичикова, но и многих работников экспедиции.

В больнице Николай пролежал всего неделю; затем он улетел в Ленинград, некоторые пальцы ног ему ампутировали.

В последующие годы мы несколько лет переписывались с этими семьями. Николай с Катей поженились в тот же год, а Лора с Виктором через год.

Из серии Забайкальских воспоминаний

Один из пяти братьев-геодезистов семьи Шаламовых Геннадий Николаевич Шаламов работает в Забайкальском предприятии более сорока лет. Я обратился к нему поделиться своими воспоминаниями. Недавно Геннадий Николаевич прислал мне их.

В этом сезоне планировались геодезические и топографические работы в районе от нежилого старательского посёлка им. 11 лет Октября, который находится на реке Китемяхта, вблизи посёлка Усть-Нюкжа, расположенного в устье реки Нюкжа, впадающей в р. Олёкма. Наблюдательная партия, которую возглавлял начальник Раевский Николай Николаевич, располагалась в п. Леонтьевском, рядом с Усть-Нюкжей, а топографическая партия находилась в п. им. 11 лет Октября.

Мы с другом и однокашником по институту Томиловым Геннадием Александровичем после распределения в этой экспедиции возглавили наблюдательные бригады. В этот сезон нам предстояло выехать с топографической партией в посёлок им. 11 лет Октября, встретить там оленеводов с оленями (по одной связке) и выполнять наблюдения, продвигаясь в сторону Усть-Нюкжи. Добирался до базы состав топартии и две наши наблюдательные бригады дружно и весело. До г. Могочи поездом, до п. Тупик грузовыми автомашинами и далее вертолётном.

У меня помощником был инженер Черняков Николай Дмитриевич и рабочий Старицын Валерий Иванович. Немного позднее, пока ожидали оленеводов, прилетел на организацию начала работ начальник экспедиции Масленников Геннадий Титович. К нашему удивлению, он привез дополнительно нам с Томиловым Г.А. еще двух помощниц из Дальневосточного госуниверситета для прохождения практики. В мою бригаду определил Лисову-Коньшину Валентину Ивановну, а Томилову — Шаховец Светлану Алексеевну. Оспаривать приказ начальника бесполезно.

В ожидании оленеводов с оленями я как-то взял тозовку и пошел поохотиться. Отойдя от базы на 2—3 километра, обнаружил согжоя (дикого оленя). Думаю, во что бы то ни стало нужно добыть и накормить свежим мясом товарищей. Охота прошла удачно, но когда стал осматривать трофей, к своему ужасу обнаружил, что у оленя особо подрезаны уши, то есть меченый. Все, думаю, где-то уже подошли оленеводы, а я застрелил их оленя. Скандал может быть крупным. Расстроенный вернулся на базу, рассказал Масленникову, но он успокоил, дал вездеход, сказал, чтобы аккуратно ободрал, замаскировал следы и вывез мясо. Так и было сделано.

Проходит день, два, а оленеводов всё нет и нет. Уже и мясо съели, а их всё нет. Пришли они, наверное, только через неделю после этого случая. Я, конечно, успокоился и только потом, работая, осмелился поговорить с оленеводом об этом случае и не зря. Вместо возмущений он поблагодарил и похвалил меня за то, что завалил одичавшего быка-оленя. Оказывается, эвенки ненавидят и всячески стараются уничтожить отбившихся от стада и одичавших оленей-быков, так как во время гона они уводят из стада домашних оленей, особенно маток.

В сезоне этого года запомнилось еще два случая, и вот один из них.

Выполняя работы по наблюдению пунктов, перемещаясь в сторону п. Усть-Нюкжа, где-то на четвертом по счету пункте, в районе реки Китемяхта, случилось трудно объяснимое. Мы бригадой в составе: я, помощник Черняков Николай Дмитриевич, помощница Лисова-Коньшина Валентина Ивановна и рабочий Старицын Валерий Иванович в сопровождении оленевода продолжили путь на гору к пункту триангуляции 2 го класса. Оленевод, разгрузившись, ушёл с оленями вниз. Гора была невысокая, с очень красивой вершиной. Рядом с пунктом ровная площадка, заросшая ягелем, и достаточно редко росли кусты кедрового стланика. На пункте знак пирамида-штатив. Видимость была по всем направлениям. В общем, мечта наблюдателя. Определив центрировку с редукцией и отнаблюдав часть программы круговыми приемами, мы с помощницей Валентиной в палатке сели обрабатывать документы, а Николай с Валерой работали по хозяйству, варили ужин. Вечерело. Вдруг Николай, заглянув в палатку, кричит: «Медведь, медведь!» Но, думаю, очередной розыгрыш. Он любил разыгрывать Валентину, и я даже не обратил внимания. Но после повторного крика, посмотрев на его лицо, понял, что так не разыгрывают. Выскочив из палатки, к своему удивлению, увидел не убегающего медведя, а спокойно идущего прямо на нашу палатку. Валера Старицын уже схватил карабин и приготовился стрелять. Я, представляя, что значит раненый зверь, запретил пока стрелять (до медведя было еще метров 80). В первую очередь криком приказал Валентине, выглядывавшей из палатки через печное окно в крыше, чтобы срочно бежала к знаку, понимая, конечно, что это не спасёт, но хоть какой то шанс у неё будет. А мы, думаю, будем медведя отвлекать, убегая в сторону и применяя карабин. Валентина, конечно, и с места не сдвинулась, продолжала наблюдать, а мы стали громко шуметь, он остановился, посмотрел на нас как на дураков, подумав — «чего, мол, орете?» и продолжил путь в нашу сторону, не проявляя агрессивности. Я тогда отметил (и до сих пор в памяти осталось) естественную красоту таежного богатыря. Закат солнца освещал спокойно идущего огромного медведя. Его шерсть переливалась каким-то особым цветом,

подчеркивающим красоту и здоровье этого великана. Но наслаждаться красотой было некогда. Оставалось ему дойти до нас метров 30—40. Валера не вытерпел, выстрелил из карабина, и медведь сел. Усиленно работая передними лапами, он пытался броситься на нас, но не мог. Я понял, что пуля попала в позвонок, и медведь теперь безопасен. Далее, уже спокойно, Валера продолжал стрелять, но пули как замороженные летели мимо. Ничего не понимая, я взял у Валерия карабин и, спокойно прицелившись, выстрелил. Та же картина. От каждого выстрела пули летели мимо. Достал патроны с трассирующими пулями — то же самое, летят, рикошета от камней, но не в медведя. Бросил карабин, достал тозовку и только ей прекратил мучения медведя.

Позднее, изучая карабин пристрелкой по мишени (по развернутой газете) на расстояние порядка 15 метров, поняли, что выходное отверстие ствола до того разбито, что пули летели плашмя и даже в газету было трудно попасть. Ну, а на мой назидательный вопрос Лисовой, «Почему не убежала?», ответила: «А что бы он сделал со мной? Я бы залезла в спальник и все».

До сих пор не могу понять — почему медведь не убежал и до первого удачного выстрела не проявлял агрессивности, а спокойно шел на нас? Ну, а первое случайное и решающее попадание из карабина — это просто судьба.

Второй запомнившийся случай этого сезона произошёл где-то в августе. Работая тем же составом в районе реки Имангра, заканчивали свое задание. Оставалось отнаблюдать пунктов 5—6. Залабазив часть пока ненужного имущества и продуктов в середине участка, оставшихся для наблюдений пунктов, на берегу реки Имангра (горная с ущельями и водопадами река), налегке продолжили работу. Отнаблюдав очередной пункт, запланировали переход на следующий день. Проснувшись рано утром, с оленеводом решили дозаправиться свежей олениной, с охотой проблем не было, согжои кормились стадами по вершинам гор, спасаясь от гнуса. Взяв тозовки и отойдя от табора не более километра, добыли согжоя. День обещал быть ясным и теплым. Мы договорились, чтобы не терять время, с Черняковым возьмем инструменты, штатив, документы и с одним оленем пойдем на следующий пункт 3-го класса, начнем работу. А оленевод пока сходит за согжоем, потом завьются и с Лисовой и рабочим Старицыным подойдут к нам. Такое решение было принято потому, что день ясный, и следующий пункт находился на этом же чистом от зарослей хребте всего лишь километров в пяти. Теплое ясное утро подкупило нас. Всегда предусмотрительные, а в этот раз как загипнотизированные, быстро с Николаем завьучили оленя инструментами и необходимым снаряжением для наблюдений, в одних рубашках и даже не взяв «тормозок» (минимум

продуктов), пошли на пункт. Переход был легким, дошли до пункта быстро. Поставили инструмент, определили элементы центрировки и редукации. И как-то незаметно, но довольно быстро небо затянулось дымкой, которая становилась все плотнее и плотнее. Мы сразу поняли, что начинается непогода и не на короткое время. Для горной местности это характерно, достаточно быстро появляется по всему небу плотная облачность, потом дождь, переходящий в снег. Так и получилось, успели отнаблюдать пару круговых приемов, как облачность закрыла соседние горы, закапал дождь. Мы с надеждой смотрели в сторону, откуда пришли. Но понимали, что по времени ребята должны были только завьючиться и выйти к нам. И нам нельзя выходить к ним навстречу, можно разминуться. Тревожно стало сразу же потому, что понимали — это горы, и в отличие от равнинной местности дождик идет в совокупности с плотным туманом. А у эвенков, даже опытных, чёткое правило — если туман и нет видимости, то никаких переходов, развели костер, соорудили типа шалашика из веток кедрового стланика и стали ждать. Промокшие, ни продуктов, ни одежды. Ждём час, два, три, нет ребят. Но надежда не угасает. Думаем, что, наверное, идут медленно, плутая в тумане. Но на исходе дня надежда всё угасала и угасала. Уже давали о себе знать пустые желудки. Решили подкрепиться рядом растущими грибами неизвестного для нас вида. Натолкали их в пустую консервную банку из-под тушёнки, оставшейся с прошлого года от строителей, поставили на костёр, поварили, покипятили и, с надеждой на вкуснятину, принялись трапезничать. Ничего не получилось, после первой же пробы чуть не вырвало. До того получилось противное, не соленое блюдо, что несмотря на голод, выбросили эти грибы не задумываясь. Откуда-то из тумана вынырнула сойка, сев в трёх метрах от нас на ветку стланика. Быстро и в то же время осторожно вытащил из-под себя тозовку, прицелился, руки не слушались, ходили ходуном, выстрел — и мимо. Впопыхах забыл сделать поправку за близкое расстояние. Конечно, на другой подобный случай рассчитывать не приходилось, да и охота в такую погоду невозможна.

А дождь все идёт и идёт, к утру перешёл в мокрый снег. Просидели еще сутки в рубашках у костра, голодные. Вместе с нами голодал и привязанный олень. Ждать дальше было бесполезно. Решили выходить к лабазу, где была и палатка двухместная, и печка из жести, и продукты. До лабаза было километров 20. Выход с картой по рельефу даже в плотный туман ожидался не сложным — по распадку до р. Имангра и далее вверх по течению до лабаза. Основная сложность — это обход прижимов по высоким горам. Но делать нечего, пошли. Взяли тоже голодного оленя и, с жалостью посмотрев на костёр, пошли по зарослям, обвисшим до земли от толстого слоя мокрого

снега. Шли медленно, сначала обивая с веток снег, а потом, как говорят, буром. Дошли до р. Имангра, и нам повезло, река ещё не разбушевалась, очевидно, из-за того, что снег активно ещё не таял. Шли вверх по реке, обходя прижимы по бродам. Ослабленных от голода, и главное, от холода, вода чуть не сбивала с ног. На одном из перекатов я оглянулся на Николая и не узнал. Осунувшийся, с тёмными, Даже чёрными кругами вокруг глаз, потухший взгляд. Я спросил, может ли продолжать поход, и что с ним? А он мне в ответ, а ты думаешь, что лучше выглядишь? Такой же Кощей. Поддерживая друг друга разговором, хотя это трудно давалось, подумали, что по приключенческому рассказу сейчас бы зарезали оленя, наелись и прекрасно бы переждали непогоду. Но на деле совсем не так. У нас даже такой мысли не возникло. Просто наступила какая-то апатия, безразличие ко всему. Голод и холод притупились. Как дошли до лабаза, как поставили палатку с печкой, как затопили и легли спать ни я, ни Николай не могли вспомнить. Проснулся от дыма в палатке. Привстал, вижу горит моя рубашка, поставленная для сушки на палочки возле печки. А в карманчике той рубашки лежали три патрона к карабину, носил весь сезон, чтобы на всякий случай под рукой были. Успел затушить и снова как убитый заснул.

Проснулись, когда уже разведрело. Появилось солнце. Олень пасся на длинной веревке (сообразили и оленя не оставить голодным). Завьючив кое-каким имуществом и, конечно, продуктами, вышли к пункту, уже более прямым путем. Бригада в полном составе уже была на пункте. Как мы предполагали, так и получилось: несмотря на уговоры Валерия и Валентины, продолжать переход в тумане оленевод не стал. Может быть, это и к лучшему. Ещё один случай.

Полевой сезон в разгаре.

Бригада по наблюдению пунктов триангуляции 2, 3 классов в составе, исполнитель — я, Шаламов Геннадий, помощник — Жемчужников Вячеслав, рабочий — Киреев Александр и семья (муж с женой) оленеводов выполняли работу по правой стороне реки Олёкма, севернее п. Усть-Нюкжа, в районе рек Тунгурча и Тунгурчакан. Это было продолжение объекта прошлого года.

Для ускорения работ организацию переходов решили делать таким образом — переходим всем составом бригады в район 2-х , 3-х пунктов, затем налегке с двумя-тремя оленями обходим и отрабатываем ближайшие пункты триангуляции. Закончив всю необходимую камеральную обработку по этим пунктам, делаем следующий переход.

В этот раз мы с Жемчужниковым, оленеводом и тремя оленями во второй половине дня вышли на ближайший пункт. В этом сезоне мне посчастливилось: у оленеводов был крепкий, здоровый и очень спокойный

вьючный олень, и я без опаски перевозил на нём высокоточный инструмент ОТ-02. В конце сезона я убедился, что на нём перевозить инструмент было даже надёжней, чем переносить на себе.

Оленевод взял с собой тозовку, двух своих охотничьих хороших собак, а у меня с собой был револьвер (на этот раз я не стал брать тот раз битый карабин, а других не было). Подходя к подножию горы, на которой находился пункт, мы вдруг услышали впереди раздирающий душу детский плач. Ничего не поняв, мы автоматически бросились, чуть не бегом, к тому месту, откуда донесся этот вопль. Подбежав, сразу поняли: одна из собак держала в зубах совсем еще маленького кабаржонка. Бросив оленей, отобрали его, но было уже поздно. Сели втроем на валежину, держа в руках бездыханное тельце, погоревали... Ну а собак за что ругать? Погода стояла хорошая. Сидели отдыхали, олени стояли рядом не привязанные (впопыхах забыли привязать). Местность достаточно заросшая лиственницей и кустарником. Мы сидели на полянке, на валежине, а сзади нас, со спины, метрах в пяти круто начинался подъем, тоже заросший кустарником. Посидев минут пять, уже решили продолжить путь, как вдруг услышали со стороны горы треск кустарника. Оглянувшись, увидели в просветах между кустами к нам под гору с бешеной скоростью несется медведь. Ничего не понимая, но раздумывать было некогда, я выхватил револьвер, а оленевод тозовку и залпами давай палить в медведя, который был уже у нас под ногами. А если сказать точнее, то не медведь, а крутящийся комок из медведя и собак. Они смело бросились на него, преградив его бросок на нас (он нас мог подмять, летя с крутой горы по инерции). Стреляли, конечно, стараясь не задеть собак. Я израсходовал полностью обойму, и оленевод успел выстрелить из тозовки раза четыре. Медведь с какой скоростью напал на нас, с такой же и метнулся от нас в заросли кустарника, вырвавшись от собак. Поняв, что крепко ранили зверя, мы с оленеводом в азарте бросились за ним в погоню. Пробираясь сквозь заросли кустарника по кровавым следам, только метров через 50 одумались — зачем же мы это делаем, ради чего так рисковать жизнью. Даже собаки и те оказались умнее, не стали преследовать крепко раненного зверя в такой чащобе. Вернувшись, с удивлением отметили, что олени как стояли, так и стоят, очевидно, даже не успели испугаться, так все быстро произошло. И только когда мы стали уже спокойно анализировать этот случай, поняли, что медведь не на нас напал, а очевидно, бешено мчался на крик кабаржонка. Успокоившись, пошли дальше на пункт. Все обошлось, даже, к счастью, собаки не пострадали, по крайней мере выглядели бодро.

Поднявшись на пункт, подъем был около километра, развьючились, поставили инструмент, приготовились к работе и только тогда я заметил, что

сумки-то офицерской с картами нет. Вспомнил, что когда сели отдыхать на валежину, я её снял и положил рядом, а надевать точно не надевал. Зная, что такое потерять секретные карты, не раздумывая, побежал вниз к месту схватки с медведем. Быстро пройдя полпути (уже вечерело), как-то становилось неуютно одному. Вытащил из кобуры заряженный револьвер, замедлил скорость спуска с горы, оглядываясь по сторонам. Я понимал, что тяжело раненный зверь не должен вернуться к месту сражения, должен где-то в зарослях, куда убежал, отлеживаться. Но все-таки, думаю, осторожность не помешает. В общем, все обошлось благополучно, сумка с картами спокойно лежала на валежине. Я с радостью перебросил её через плечо и уже без опасений, засветло, вернулся на пункт.

Разбойничья избушка

В своих воспоминаниях я уже упоминал, что работая в должности Начальника партии в горно-таёжных районах, приходится постоянно находиться в маршрутах. По положению, начальник партии обязан один раз в месяц побывать в каждой бригаде. Для посещения некоторых бригад требуется времени не менее недели. В этот раз мы с Егорычем пробирались в студенческую бригаду, которая работала в хребтах Академика Обручева. Когда-то Герой Социалистического Труда В.А. Обручев занимался исследованием этих хребтов, поэтому его именем и названы эти хребты. Наша задача создать подробную карту на этот удаленный горно-таёжный регион.

Мы шли по тропе, проложенной по берегу горной реки Серлиг-Хем, впадающей в реку Большой Енисей. Эта река берёт начало из нескольких горных озёр. Мы договорились с бригадой встретиться у самого большого озера Ак-Аттыг-Холь. Высокогорное озеро Ак-Аттыг-Холь вытянулось по ущелью на семнадцать километров. Наши лошади, тяжело навьюченные продуктами для бригады, медленно поднимались по горной крутой тропе, отбиваясь от назойливых мух и всякой летающей мрази.

Бригада должна ожидать нас в избушке, которая находится в нижней части озера. Егорыч называет эту избушку разбойничьей и обещал мне рассказать любопытную историю про эти загадочные места, но после того, как мы туда доберёмся. Ему здесь приходилось бывать много раз, но это было очень давно. Егорыч шёл впереди, словно горел желанием скорее добраться до избушки.

Тёмно-зеленый кедровый лес перед озером уступил место панораме альпийских ковровых лугов. Эта низкотравная долина с кустиками черники распространилась на юг до самых подножий хребтов Обручева. Мы пришли удачно. Бригада только, что появилась, спустившись с гор. Как обычно, в первую очередь все набросились читать письма, газеты, журналы. После прочтения писем, можно сразу по лицам определить, у кого из дома поступили хорошие вести, а у кого неважные. Оставшиеся полдня я занимался со студентами. Просматривал журналы измерений, оформленные аэрофотоснимки, отдешифрованные фотосхемы. У студентов появилась проблема: отпотела оптика у теодолита в горах, пришлось разобрать теодолит, а работа эта филигранная.

На следующий день я со студентами отправился в горы проделать некоторые измерения и устранить появившиеся вопросы в бригаде в

процессе наблюдений. Возвратились с гор поздно вечером. Егорыч наловил рыбы в озере, по его словам, она кишмя кишит. Наварил ухи, нажарил рыбы и запёк в золе, он в этих делах большой мастер. Студенты были очень довольны.

На следующий день мы отправили бригаду в горы, а сами стали собираться к отъезду. Груза у нас не было, поэтому мы готовились в обратный путь ехать верхом на лошадях. Два дня у меня не было времени расспросить Егорыча о появившихся у него проблемах, заметив, что он несколько раз лазил на крышу избушки. Он и перед отъездом вновь полез туда, словно что-то потерял там.

Егорыч рассказал мне любопытную историю из своей жизни. Это случилось давно в этих местах. Ехал он один верхом на лошади по песчаному берегу небольшой реки по ту сторону этого громадного озера и вдруг видел в заводи стаю плавающих уток. Он выстрелил в них из своего дробовика, утки улетели, а две застреленные остались. Егорыч привязал их к седлу и уехал. Вечером у костра стал потрошить дичь и обнаружил в зобу желтые металлические тяжелые крупинки, у второй утки было тоже самое. Егорыч сложил и увязал всё содержимое в носовой платок. В зимний период он сумел добыть азотную кислоту, знал от золотоискателей, что если не почернеют сверкающие крупинки в кислоте, значит это чистое золото. Предположение его подтвердилось.

Егорыч рассказал своему близкому другу, и они летом пешком отправились к заветной реке, предварительно подготовились, тем более Егорычу приходилось бывать на приисках, и он подолгу наблюдал, как старатели всё это делают. Целый месяц друзья занимались добычей золота. Азарт появился необыкновенный, работали с тёмной и до тёмной. Намыли приличные узелки и радостные отправились восвояси. Проходя мимо этой избы, заметили, что в неё кто-то поселился, решили обойти дальше, чтобы не встречаться с посторонними людьми, имея при себе драгоценные узелочки.

Неожиданно на них набросилась собака, из дома повыскакивали мужики с ружьями в руках. Отобрали ружье, все перетряхнули и забрали узелки с золотом. Друг Егорыча упал на колени, рыдая, стал упрашивать, сказав, что дома в деревне остались пятеро голодных малолетних детей. Разбойники сжалились, возвратили ружьё без патронов и отсыпали пару напёрстков золота. Когда уходили от избушки, Егорыч обратил внимание, что мужик с узелком полез на крышу.

В дальнейшем Егорыч слышал, что милиция выловила и их осудили, поэтому Егорыч не может уняться, считает и уверен, что всё награбленное золото затаилось в этой разбойничьей избушке, тем более, что они отбирали

золото и у других золотоискателей. В те годы золотодобытчиков на здешних реках и в горах промыслило огромное количество. Постепенно золотые запасы иссякали, и старателей становилось всё меньше и меньше.

Много времени прошло с тех пор. Изба эта — немой свидетель многих тайн. Наверняка, в ней затаились узелки с золотой россыпью и слитки, возможно, когда-нибудь они попадут под случайную находку, а вероятнее всего останутся навечно достоянием этого таёжного края. Егорыч уже был один раз в жизни свидетелем редчайшего дорогостоящего тайника. В Селе Шушенском снесли церковь, в то время такие мероприятия осуществлялись во многих деревнях. Кстати, в этой церкви венчались В.И. Ленин с Н.К. Крупской во время пребывания его в сибирской ссылке. Без венчания брак считался недействительным, и она не имела права проживать с ссыльным. После того как церковь снесли, школьники разравнивали площадку для строительства молодёжного клуба и в земле наткнулись на кованный железный ларец, вскрыли и увидели, что он наполнен золотыми монетами.

В разбойничьей избушке Егорычу удалось обнаружить некоторые улики, подтверждающие, что здесь хранилось золото. Он нашёл на крыше за верхней балкой, у конька, около печной трубы, узелок, перевязанный тесьмой, но он оказался пустым, материал был истлевшим, возможно, сквозняком разнесло все крупинки. Несколько золотых крупинок сохранилось под тесьмой в подтверждение, что здесь находилось золото.

Егорыч стал уговаривать меня поехать на ту заветную реку, хотелось ему взглянуть на тот золотоносный песок, который часто снится ему по ночам. Возможно, Егорыч думал, что река намыла золото, или ностальгия по былым драгоценным местам, а, вероятнее всего, не давала покоя тоска по утраченному золоту. Я согласился, тем более, туда имелась прекрасная тропа, почти до самой той небольшой речушки. Ехали быстро. Егорыч, торопясь, ехал впереди. Альпийские луга давно уступили место густым зарослям высоких деревьев с преимуществом кедров. Спокойная озёрная гладь постоянно подвергалась всплескам играющей рыбы. Кое-где у берегов суетливо ныряли утиные выводки и проплывали с благородной осторожностью величественные белые лебеди. А по берегу прохаживались беспокойные длинноногие журавли. Царила тишина и спокойствие, лишённое тревог и забот.

Когда подъехали к заветной реке Егорыча, то его охватило разочарование. Он поник, съёжился. Слез с лошади, поковырял носками кирзовых сапог разворошённую землю, затем присел, покопошил пальцами рук в рытвинах, промытых водой, и долго сидел молча, грустно глядя в окружающие терриконовые отвалы.

Кто-то после их капитально перевернул весь песчаный берег, и он превратился в толстый слой ила. Илистый берег стал для Егорыча совсем неузнаваемым. Мы развернули лошадей и молча поехали обратно.

Медвежья свадьба

Работая в Новосибирском предприятии в должности бригадира, а затем начальника партии, мне часто приходилось выполнять геодезические измерения на пунктах триангуляции, которые строил Николай Григорьевич Гриценко. У него был отработан свой строительный, точнее архитектурный, почерк. Ни один десяток лет посвятил он возведению этих красавцев. Ему обычно давали строить самые высокие знаки, соответственно они были и самые опасные, высотой в десятиэтажное, а иногда и пятнадцатиэтажное здание. Всё это возводилось вручную. В тайге, на вершинах гор, поднимались один за другим новенькие, сверкающие деревянные гигантские геодезические знаки.

Мне приходилось с Николаем встречаться на различных совещаниях, на технической учёбе, однажды случайная встреча состоялась даже в тайге. Он мне в тот раз так и не дорассказал о медвежьей свадебной процессии, которую ему довелось увидеть и прочувствовать до седины волос на голове, чуть-чуть его труп в тот раз не оказался растерзанным, мог бы угодить на брачное медвежье застолье.

Недавно мне передали воспоминания о Н.Г. Гриценко, которые сумела сохранить в своей памяти Валентина Ивановна Замятина. Ей пришлось много лет работать в таёжных полевых условиях, приходилось видеть уйму всяких приключений, но этот случай, по её словам, заслуживает особого внимания.

Получив задание, бригада строителей геодезических знаков под руководством Н.Г. Гриценко прибыла в высокогорный, таёжный район Алтая. Объект находился в зоне государственного заповедника — в краю непуганых зверей. В таёжной деревне Фыкалка начинался маршрут вьючного каравана. Лошадей завьючили тяжёлым оборудованием, продуктами, инструментами. Караван медленно продвигался по крутой горной, извилистой тропе, проложенной по берегу реки Белая. Бригада двигалась молча. Шли к Маральему озеру, недалеко от него, на вершине горы, должны построить геодезический пункт триангуляции. Впереди шёл бригадир, он часто открывал полевую сумку, вглядывался в топографическую карту, сверяя путь движения. Снизу доносился шум перекаатов бушующей горной реки. Всё отчётливее стали попадаться медвежьи следы, Николай шёл молча, не говоря об этом даже своему десятнику, который следовал с лошадью за ним.

К месту стоянки, к Маральему озеру, пришли поздно вечером. Расседлали лошадей, установили палатки, разожгли костёр. Поужинав, все рано улеглись спать, дневной переход подъёма в горы оказался очень тяжёлым.

Рано утром Николай ушёл в разведку, тропа закончилась, нужно отрекогносцировать подход к вершине горы, на которой предстояло построить знак. Бригадир так проделывал всегда, потому что с огромными выюками на лошадях не пройти без предварительной прокладки маршрута. С собой геодезист взял топор, полевую сумку с картой и бинокль. Хотел подготовить путь хотя бы на ближайшие пару километров. Он шёл, отмечая по карте свой путь и делая двухсторонние затёсы топором на стволах деревьев, чтобы легче продвигаться каравану навьюченных лошадей и чтобы не сбиться с маршрута, кроме того Николай срубал кусты и поросль, мешающую в движении.

В течение часа бригадир продвигался в сторону горы, делая метки, оглядывался, всматриваясь в видимые затёсы, поглощённый работой он уходил всё дальше и дальше. Начинался крутой подъем, геодезист избегал крутизну методом лавирования, зная, что лошади не смогут осилить отвесный подъем, поэтому приходилось продумывать зигзагообразный путь.

Вдруг Николай почувствовал, что его кто-то преследует, идёт по его следам. Он остановился, стал прислушиваться в течение нескольких минут, тишина стояла абсолютная, начал всматриваться в кустарниковую поросль, но никого не обнаружил. На душе становилось тревожно. Он понимал, что запланированный объем пути он давно уже сделал, пора возвращаться в лагерь, но наступила какая-то настороженность для возвращения. Он решил продолжить движение вперёд, тем более лесная зона скоро должна закончиться и начнется каменистый подъём. С негодованием он присматривался ко всем кустам, мимо которых проходил, поднимаясь в гору, продолжал делать затёсы, громко стал стучать топором по стволам деревьев. Встревоженный близостью невидимого спутника, он ускорил шаги, решил скорее миновать лесную зону, тем более, показались просветы.

И вдруг снизу раздался оглушительный рёв медведя, полный угрозы и вызова, далеко разносившийся среди безмолвной таёжной тишины. Только теперь Николай пожалел, что не взял карабин, посчитал, что он будет мешать делать затёсы да и груз лишний. Николай решил ускорить шаги, скорее выбраться из густых зарослей. Внизу вновь раздался оглушительный гортанный рёв. По спине побежали мурашки, сердце замерло, он стал прислушиваться к малейшему скрипу. Впереди предстал открытый каменистый склон. За многие годы экспедиционной жизни Николаю приходилось сталкиваться с медведями, но всегда всё обходилось мирным

путём. Медведь обычно старается не встречаться с человеком, он владеет прекрасным чутьём и уклоняется от встречи.

Уйдя на небольшое расстояние от леса, Николай стал смотреть в бинокль, осматривая кромку леса, переходящую в редколесье и вдруг он увидел вышедшего из леса огромного тёмно-бурого медведя. За ним вышли ещё три медведя. Геодезист понял — это процессия медвежьей свадьбы. Николай, очевидно, нарушил их брачное уединение. В этот период они уходят в самые дремучие места, скрываясь от посторонних глаз, и вдруг в этом таинственном месте появился человек совсем некстати.

Николай понимал, что эта встреча для него смертельно опасная и даже карабин в таком случае ему едва ли бы помог. «Неужели смерть меня настигнет на этой горе?» — говорил себе Николай. Такого страха он никогда не испытывал. Положение было безвыходным.

Разъярённые медведи двигались быстро и бесшумно в сторону одинокого Николая. Глаза их сверкали холодным блеском, а из открытых пастей торчали белые клыки.

Впереди высилась снежная гора, испещрённая промоинами, расщелинами по всему северному склону. Геодезист решил продвигаться к обледеневшей вершине, назад путь отрезан. Он пытался бежать, не хватало сил и дыхания. Стая уверенно приближалась к человеку, увеличивая скорость, злобно рыча и фыркая. Положение становилось критическим. Четыре громадины находились совсем близко. Гибель становилась неизбежной.

Николай вспомнил про спички, снял шапку, вытащил из неё вату, поджег её и бросил горящую шапку в сторону брачной процессии. Медведи начали обнюхивать, а затем проявили недовольство к едкому запаху и приступили её разрывать. Геодезист увидел приостановку преследования, воспользовался их замешательством и стал продвигаться к снежным расщелинам. Медведи, разорвав шапку, вновь направились в сторону Николая. Теперь он снял фуфайку, зажег её и швырнул хищникам. Очевидно, им очень не нравился тлеющий дым, они осторожно терзали горящую одежду и с фуфайкой провозились сравнительно долго, тем самым отвлеклись от погони. Николай успевал в это время уходить всё дальше и выше. Он выбирал самые крутые места, создавая неудобства им для подъёма.

Изорвав фуфайку, они с большим усердием устремились к человеку. Николай снял рубашку, майку, зажег их и бросил, каждая дымящая вещь задерживала их хоть на какое-то мгновение, оттягивая на некоторые минуты от растерзания. А в эти минуты Николай успевал оторваться от свадебной свиты на несколько очередных метров. Затем геодезист бросил кирзовые

сапоги и портянки, но без дымного эффекта медведи отвлеклись совсем на короткое время. Они подступали совсем вплотную. Николай сбросил с себя брюки, запалил их и швырнул в стаю. Раздался злобный недовольный рёв. Они начали терзать последнюю одёжку, тем самым отвлеклись от погони. Николай за это время успел добраться до ледникового гребня вершины, перевалил на другую сторону и бросился вниз.

Разъяренные медведи шли по следу человека, преследуя его, затем приблизились совсем на близкое расстояние, и вдруг человек исчез, их охватило бешенство. Среди голых скал и снежных уступов было вновь пустынно.

Бригадир бежал вниз по крутому склону. Неожиданно он почувствовал, что летит вниз, увлекая снежную лавину, которая гигантской стеной обрушилась и устремилась в бездну. Наконец он открыл глаза, несколько мгновений лежал неподвижно, с трудом соображая, где он находится. Николай испытывал тяжесть и только теперь понял, что засыпан огромным слоем снега со льдом и с щебнем. Вспомнил о своём полёте, боялся пошевелиться, опасаясь, что переломал руки и ноги. Через некоторое время удалось высвободить руки из снежной массы, они были исцарапаны до крови, но двигались нормально, затем он начал разгребать снег с туловища и с ног. Не давала покоя ноющая боль в голове, очевидно, был сильный удар по голове.

Находясь в глубокой снежной расщелине, геодезист осознал, что он находится вдали от медвежьей своры, здесь, в узком ущелье, они его не обнаружат. Спасла его от растерзания природная стихия, снежный обвал. Хотя он подолгу прислушивался, зловещие звуки не доходили. Разбушевавшаяся звериная орда осталась по ту сторону горы, у них продолжается свадебный обряд, они успокоились, что человек исчез и не является помехой для их свадебного шествия и интимных отношений.

От холода и нервного состояния Николая бросило в дрожь. Находясь в одних плавках, только сейчас он почувствовал леденящее состояние. Ноги подчинялись с большим трудом, он начал карабкаться, поднимаясь вверх к вершине, цепляясь руками и ногами за снежные и каменистые выступы. Он долго пробирался к вершине, а перед глазами постоянно всплывала медвежья погоня, он невольно оглядывался и, успокоившись, поднимался вверх.

Поднявшись на вершину, Николай долго смотрел в сторону своей разбросанной одежды и присматривался к кустам и лесной зоне, убедившись, что медведи окончательно исчезли, исполнять свой задуманный ритуал, геодезист отправился к своему лагерю. Сапоги остались почти не испорченными, кое-что осталось от брюк и фуфайки. Становилось

совсем холодно, поэтому Николай натягивал на себя даже небольшие обрывки от изодранной одежды, чтобы обогреть голое исцарапанное тело хотя бы чуть-чуть.

Бригадир шёл быстро, чтобы согреться, это ему удавалось.

В лагерь Николай возвратился поздно вечером. Бригада находилась в недоумении. Их бригадир высокий, стройный крепкого телосложения облачился в одежду первобытного человека. Бригадир рассказал, как он попал на медвежью свадьбу и как ему повезло, что оборвался и погрузился в снежный обвал.

Рабочие обнаружили, что у бригадира на лице появилось непроизвольное нервное подёргивание мышц у левого глаза, но этот нервный тик через несколько дней исчез. Бригада с тревогой восприняла сообщение о медвежьей свадьбе, ведь завтра предстояло подняться на эту вершину и построить геодезический знак. В маршрут на эту гору двинулись очень осторожно, бригадир шёл впереди по затёсам, держа в руках карабин, замыкали караван два рабочих, они шли с ружьями, заряженными пулями. С медведями встретиться не пришлось, очевидно, они удалились в более таинственные дремучие заросли.

С тех пор Николай в одиночку из лагеря никогда не уходил, а если уходил, то обязательно брал с собой карабин.

Полевой сезон закончился благополучно, и все живые и здоровые возвратились домой в г. Новосибирск, только у Николая осталась седая прядь на голове на всю оставшуюся жизнь.

Лесной пожар

Закончился полевой сезон. Все партии и бригады съехались на базу экспедиции в г. Минусинск. Возвратились даже бригады, работающие на автомашинах в степях Хакасии и Тувы. Задерживался по каким-то причинам начальник Кизирской топографической партии Н.А. Поакаев со своим радистом Н.П. Киргинцевым, хотя все бригады из этой партии прилетели, их вывезли вертолётами. Последние прилетевшие бригады сетовали на погодные условия, объясняя, что их начальник застрял в тайге из-за плохой погоды.

Шли дни, а начальник Кизирской партии не появлялся. У руководства экспедиции появилась тревога из-за того, что радист Киргинцев не выходил на радиосвязь. Начальник экспедиции О.А. Дроздов уехал в аэропорт с целью вылететь вертолётом в Кизирскую партию, выяснить причину срыва радиосвязи и вывезти начальника с радистом. Вылет каждый день переносился из-за установившейся пасмурной погоды. В такой глубокий осенний период, в этих таёжных регионах предгорий Саянских хребтов трудно дожидаться лётной погоды. Иногда целыми неделями вертолёты в воздух не поднимаются.

Наконец на небе появились просветы, но погода была ещё неустойчивой. Вылет разрешили с условием без задержки на Кизире. Начальник экспедиции летел с намерением дать встрёпку обоим Николаям за срыв радиосвязи. Оба опытные профессионалы, участники Великой Отечественной войны. Дома ждут их семьи. Дроздов смотрел в иллюминатор на унылую тайгу. Лиственные деревья сбросили с себя последнее летнее одеянье, устлав землю нарядным разноцветным ковровым покрывалом с преобладанием яркой желтизны. Покачивались оголённые помрачневшие серенькие деревья от порывов пронзительных холодных ветров, они приготовились к длинным зимним морозам. Потемневшие ручьи и реки отдавали леденящим свинцовым отблеском. Ещё сильнее ощетинились перед зимой тёмно-зеленые ели, пихты и кедры. Вертолёт пересёк трагическую реку Казыр в районе Верх. Казырской заимки и повернул к Кизиру в сторону базы партии. Лететь оставалось совсем немного. Из-за низкой облачности вертолёт летел по ориентиру чётких наземных контуров. Миновали огромное озеро Тиберкуль, затем каскад небольших озёр, и вертолёт начал сбрасывать высоту.

Открылась панорама Кизирской долины. Вдруг Дроздов увидел многокилометровое чёрное пространство в округе реки Кизир. Лесной

пожар уничтожил тайгу там, где располагалась база партии. Начальник экспедиции схватился за сердце, предчувствуя большую беду. Чёрные обгоревшие стволы деревьев торчали, как обугленные спички. Становилось страшно смотреть на мёртвую сгоревшую тайгу. Дом, в котором базировалась топографическая партия, сгорел полностью, вокруг ни души. Выгоревшая тайга встретила вертолёт в угрюмом состоянии. Вертолёт приземлился на вертолётную площадку, командир сообщил, что мотор выключать не будет, погода портится, приказано срочно возвращаться. Дроздов бежал к месту, где был дом, выстроенный два года назад, в котором он много раз бывал. Пробегая мимо бывшей бани и склада, увидел, что они сгорели дотла. На месте огромного деревянного дома лежала груда обгоревших брёвен. У завалинки, где находилось крыльцо, Дроздов увидел труп Палкана, любимой собаки не только этой партии, но и всей экспедиции. На глазах начальника навернулись слёзы. Дроздов пытался раскопать, где находилась радиостанция и сейф с секретными материалами рядом с кроватью начальника партии, но проливные дожди спрессовали золу, угли, сажу с обгоревшими обломками брёвен, поэтому раскопками нужно заниматься капитально. Вертолёт подавал позывные, нужно взлетать, заморосил дождь.

В расстроенном, озабоченном состоянии, не обнаружив своих работников, начальник экспедиции сел в вертолёт и схватился за сердце. Из рта и носа хлынула кровь. Наступило обморочное состояние, он свалился на пол, потеряв сознание. Бортмеханик уложил руководителя на пол вибрирующего вертолёта, вытер окровавленное мертвецки бледное лицо и доложил командиру. Второй пилот выскочил из кресла, вынул из бортовой аптечки нашатырный спирт и стал смоченным тампоном прикладывать к носу. Дроздов очнулся, посмотрел на лётчика и вновь отключился, закрыв глаза. Постепенно он стал отходить. Экипаж не знал, да и в экспедиции редко кто знал, что у бывшего солдата в груди осколок военных лет, который в таких трагических случаях давал о себе знать.

На следующий день начальник экспедиции отправил в Кизирскую партию инженера по технике безопасности В.Б. Звонака с группой топографов, которые целый день занимались раскопками. Привезли обгоревшую радиостанцию, сейф с документами. Трупы найти не удалось. Специалисты по пожарным делам объяснили, что трупы нужно искать поодаль от дома, наверняка они, увидев лесной пожар, попытались убежать и, конечно, где-то задохнулись от дыма и сгорели. В тайге выпал снег.

Это событие в экспедиции обрастало слухами. Жены сгоревших работали тоже в экспедиции с давних пор. Дети учились в начальных классах. Жёны каждое утро приходили на центральную радиостанцию к

В.Г. Бархатову с вопросами, когда прилетят их мужья. Начальник радиослужбы объяснял, что задерживаются из-за плохой погоды. Действительно, шли затяжные дожди, иногда переходящие в снег. Римма и Ирина сами помногу лет проработали в поле, поэтому понимающе относились к погодным условиям.

Семьям решили не говорить, пока не найдутся трупы. В камералке женщины шептались со слезами на глазах, поглядывая в сторону Риммы и Ирины. Проговорился кто-то из детей. Жены вбежали в кабинет Дроздова со слезами, рыдая, подняли шум, что все скрывают о гибели их мужей. Обе вдруг замолкли, увидев льющуюся кровь изо рта и носа своего любимого начальника. Дроздов потерял сознание, повалился, не успев вымолвить ни единого слова. Его на машине скорой помощи увезли в больницу. Главный инженер С.Д. Любивый вынужден был рассказать всю правду рыдающим женщинам, объяснив, что не хотели травмировать семьи до полного выяснения всех дел. На Кизир приготовилась лететь комиссия с представителем прокуратуры, но ожидали устойчивой лётной погоды.

Однажды в экспедиции появился исхудавший Киргинцев. Сбежались все полевики и камеральщики, его обнимали, тискали. Женщины целовали. По натуре он немногословный, только сказал, что начальник партии немного простудился, на днях появится. Руководство схватили радиста и начали расспрашивать. Он подтвердил, что Поакаев остался тоже живым, но из-за простуды находится дома. Всё это время два Николая боролись за выживание, и радист рассказал, как это случилось.

Экипаж, увозивший последнюю бригаду с Кизира, сообщил начальнику партии, что прилетит за ними через два дня. Заядлый рыбак Киргинцев предложил начальнику партии съездить на рыбалку на моторной лодке в верховье Кизира за Третий порог. Радист знал очень добротное рыбацкое место в устье реки Тумановки, где спускается в настоящее время хариус и можно за ночь поймать пару вёдер рыбы. Поакаев соблазнился привезти домой свежей рыбки, тем более на базе никого не было и всё упаковано для отъезда. Они собрались и уплыли. Киргинцев был отменный рыбак, ему приходилось бывать на реке Тумановке, он знал, что там хариус очень крупный. Действительно, за ночь наловили пять вёдер рыбы. Затарили две молочные фляги и отправились за лодкой, которую оставили на берегу реки Кизир, а лодки не оказалось. Она оставалась привязанной к стволу огромного дерева. Конец капронового фала, на котором была привязана моторная лодка, болтался в воде. Очевидно, капрон перетерся о край дюралюминовой лодки и её унесло вместе с мотором и некоторыми их вещами.

Начальник партии готов был растерзать радиста за его ротозейство. Киргинцев молчал, а Поакаев кричал и кричал.

Началось долгое мытарство. Поакаев при отправке последней бригады, оступившись, подвернул ногу, передвигался, хромя, с большим трудом. Киргинцев смастерил плот, они загрузили фляги и отчалили. Течение реки быстрое, поэтому только успевали отталкиваться шестами от преград, а их на Кизире на каждом километре полным-полно. На плоту удалось проплыть совсем небольшое расстояние. На крутом повороте реки плот подхватило стремительное течение и ударило о скалистый берег. Плот рассыпался, всё утонуло и унесло течением. Два Николая в полушубках, в болотных резиновых сапогах кое-как смогли выплыть и выбраться на берег.

Таёжные ветераны обычно учили молодежь, как выжить, попав в такое критическое положение, а теперь сами окунулись, хотя в долгой экспедиционной жизни бывали смертельноопасные моменты, но всё-таки не в такой степени. Остались без спичек, без топора, без продуктов. Мокрые, озябшие до дрожи, они стали выжимать одежду, выкручивая её досуха, затем шоркали её о стволы деревьев, чтобы подсушить хотя бы чуть-чуть. Начальник партии совсем сник, у него поднялась температура, появился кашель. Он в зимний период обычно мучился со своими больными легкими, а сейчас после ледяного купания наступило критическое болезненное состояние.

Киргинцев своим охотничьим ножом соорудил из двух жердей волокушу, уложил своего начальника и поплёлся по звериной тропе вдоль берега бурлящей горной реки. Не переставая накрапывал дождь. Вначале первые километры радист тащил быстро и уверенно, но вскоре начал уставать, хотя Поакаев был совсем небольшого роста, очень щупленький и весил всего пятьдесят с небольшим килограммов, дело в том, что и Киргинцев был таким же, но потяжелее килограммов на десять. Иногда начальник стонал, просил пить, судорожно кашлял, но холодную воду давать радист воздерживался. У кедрового дерева Киргинцев увидел шишки, собрал с ведро. Натолкал во все карманы себе и своему начальнику. Радист понимал, что ему гораздо легче переносить невзгоды, чем начальнику. Киргинцев находится в постоянном движении, ему даже жарко, потеет, а Поакаев зябнет на волокуше, да ещё болела нога.

Особенно трудно было коротать ночи. Холод, одежда мокрая. Залезали на ночь под густые кроны еловых деревьев. Появился первый снег, он медленно ложился на кроны деревьев, засыпал кусты, укрывал последнюю надежду отыскать на земле кедровые шишки. Голод и холод не давали покоя, с каждым днём становилось идти труднее и труднее. Оба Николая знали, что до базы партии им не добраться. Поакаев стал настаивать, чтобы

Киргинцев оставил его и шёл на базу партии. Принёс бы спички, тёплую одежду, продукты и только тогда они могут выбраться живыми, но Киргинцев, воспитанник детдома, такие мысли даже не допускал.

Однажды вечером, пересекая небольшой ручей, радист увидел в зарослях избушку. Он бросился в неё. Эта избушка спасла их от смерти. Как положено, в охотничьей избушке были спички, даже немного сухарей. Натопили печь, высушили одежду, напились горячего чаю и уснули. Неизвестно, сколько проспали. Жили в этой избушке три дня. Радист наловчился ловить в капканы бурундуков, варили их и даже заготовили на продолжение маршрута. Некоторые попадались очень крупные — до пятнадцати сантиметров в длину и сравнительно упитанные.

Покакаев за эти дни подлечился и даже смог самостоятельно передвигаться. Киргинцеву удалось соорудить плот, и они отправились в плавание. На этот раз обошлось всё благополучно.

Подплывая к базе партии, они увидели ужасающую картину. Сгорел лес и сгорела их база партии. Они обнаружили, что здесь уже побывали коллеги, исчез сейф, все завалы раскопаны. Стало понятно, что их уже занесли в списки погибших. Стояли поникшие два Николая, два ссутулившихся скелетообразных человека, у радиста из глаз капали слёзы, а Покакаев рыдал навзрыд. Начальник партии глядел на обугленные остатки брёвен, на окружающую черноту, на обожженные стволы деревьев, думая, как же теперь выбираться из тайги, неужели судьба приготовила им гибель на этом пожарище? Становилось страшно.

На берегу нашли могилку с надписью «Здесь захоронен Палкан». Увидев надпись, Покакаев разрыдался ещё сильнее. Очевидно, нервы у него совсем пошатнулись.

Вдруг бедолаги услышали верещавший лодочный мотор, который доносился снизу течения Кизира. Звук нарастал. Показалась моторная лодка с двумя рыбаками, плывущими в верховья на рыбалку. Причалившим к пожарищу погорельцы рассказали ситуацию, в которую они попали. Деревенские рыбаки забрали обоих Николаев и увезли их в деревню. В таёжных деревнях люди очень отзывчивые и доброжелательные, они накормили страдальцев и увезли их на своём транспорте до места.

Приехавший из больницы начальник экспедиции О.А. Дроздов сказал: «Ваша рыбалка и уплывшая лодка наверняка спасла вас от гибели на пожаре, коль Палкан сгорел, а звери, особенно собаки, всегда в первую очередь убегают от лесных пожаров, то обоим Николаям едва ли удалось бы скрыться от этого страшного огненного пожарища».

Молельня

Инженер Геннадий Казинский со своей малочисленной бригадой занимался рекогносцировкой пунктов триангуляции в таёжных плоскоравнинных районах в пределах ста километров от города Енисейска. Работа рекогносцировщика очень ответственная и трудоёмкая. Трудоёмкость заключается в том, что приходится взбираться на самые высокие деревья по несколько раз в день. Геннадий выискивал на вершине горы огромное дерево, затем залезал на самую его вершину, чтобы имелось обозрение на все соседние горы. Иногда на одной горе приходилось подниматься по несколько раз, выбирая самое высокое место на вершине горы. Закрепившись на дереве страховочной цепью, инженер составлял абрис видимости на соседние горы, на которых пришлось побывать, там развивались установленные флажки. Абрис готовился, используя буссоль и бинокль. После этого на вершину приходили строители и воздвигали знак из брёвен, который обязательно должен возвышаться над вершинами деревьев. Такие сигналы закладывались на возвышенностях через каждые семь — пятнадцать километров. В бригаде инженера имелись двое рабочих, передвигались пешком. Продукты питания были сосредоточены на берегах рек. Лабазы готовились в весенний период на весь полевой сезон.

Однажды, на одной из плоских возвышенностей, инженеру пришлось подниматься на деревья семь раз. Деревья высокие, по сорок метров высоты. В этой работе рабочими не заменишься. Бригадир устал взбираться на вершины деревьев, обессиленный, он упал с дерева. Свалился с дерева Геннадий с грохотом, ломались, трещали сучья, ветки и после этого наступила тишина. Подбежали рабочие к лежащему бригадиру. Он вскочил, переломанная нога перекосилась, инженер упал, потеряв сознание. Растерявшиеся рабочие не знали, что делать. Наступили вечерние сумерки. Один из рабочих, восемнадцатилетний Коля, начал плакать, но Иван его успокоил, объяснив, что от перелома никто ещё не умер.

Накануне в бригаде возникли проблемы с продуктами. Осталось немного сухарей и одна банка тушёнки. К очередному лабазу могли прийти только через два дня, поэтому планировали завтра утром отправиться за продуктами. И вдруг такой ужасный случай. Больного нужно срочно доставить в больницу. До Енисейска более ста километров, до ближайших деревень немного меньше.

Очнулся бригадир ночью, лежал в палатке. Рабочие сидели у костра. Геннадий предложил рабочим идти утром к лабазу, а затем пробираться в

сторону Енисейска. Нога отекала, становилась толщиной с ведро. Иван, увидев распухшую ногу, предложил двигаться в деревню.

Год назад в бригаде Геннадия подобное случилось. Тогда в конце полевого сезона бригадир решил дать возможность студенту, проходившему практику, самостоятельно отрекогносцировать залесённую вершину. Всё шло нормально, но, спускаясь с дерева, практикант оборвался и сломал ногу, но перелом у студента был ниже колена, а у Геннадия выше — это гораздо сложнее. Тогда Геннадий с рабочим сумели вытащить больного на волокуше, бригадир физически здоровый, высокий, а рабочие в этом году далеко не из богатырского десятка.

К утру инженер почувствовал, что положение его становится критическим, поэтому рабочие стали готовить волокушу. Они собрали в маршрут только необходимое, уложили в спальный мешок на волокушу бригадира и отправились в далёкий трудный путь.

Отсутствие продуктов давало о себе знать. Двигались медленно, часто останавливались на отдых. В одной лощине наткнулись на грибы, наварили и питались ими два дня, но потом разболелись желудки, расстроились у всех троих. Боли в ноге у бригадира усиливались с каждым днём.

Перебравшись через одну из рек, бригадир понял, что в голодном состоянии им до деревни не добраться. Тогда Геннадий отправил Ивана в деревню за продуктами. Иван шёл по тропе, которая пролежала по берегу таёжной неширокой реки и вдруг увидел на возвышенности огромный дом, построенный среди густых стволов деревьев. Дверь оказалась на замке. Поодаль, на склоне, у ручья приютилась добротная изба. Иван отправился к ней, на него набросились собаки. Из избы вышла женщина, ' повязанная чёрным платком, на вид ей было за пятьдесят лет, она уgomонила своих четвероногих сторожей. Иван рассказал о случившейся беде. Женщина молча удалилась в дом, потом вышла и пригласила зайти. В просторном доме пахло свежей выпечкой.

Из смежной комнаты вышла стройная черноволосая девушка, ей было лет двадцать. Это была дочь хозяйки Катя. Она подробно расспросила, где остался больной. Хозяйка поставила на стол деревянную чашку с горячей ухой Ивану, а Катя взяла узду и удалилась. Через несколько минут она появилась на лошади верхом и уточнила у Ивана, на какой стороне реки остались его напарники. Она быстро исчезла в лесу на своей высокой гнедой лошади. Хозяйка объяснила Ивану, что выстроенный на горе огромный дом — это молельня, дом для религиозных служб, по выходным дням сюда приходят люди с округи молиться. Иван догадался, что эти люди из какой-то секты. Она также пояснила, что хозяин уехал в деревню и к вечеру возвратится.

Катя быстро добралась до голодных бедолаг, отдала им сумку с рыбными пирогами, а сама стала привязывать волокушу к седлу лошади, делала всё это она очень умело и быстро. Затем усадила рабочего в седло, взяла под уздцы лошадь и торопясь, зашагала по тропе, объяснив, что до темна нужно успеть. С наступлением темноты прибыли к дому, их встречал рыжебородый широкоплечий хозяин. Геннадия затащили в избу, уложили на кровать, затем хозяин привязал верёвку за ступню больной ноги, а за второй конец верёвки прикрепил мешок с камнями. Этот груз вытягивал и помогал соединить раздробленные кости. Катя объяснила, что её отец Елизар раньше работал в деревне фельдшером и в этих делах разбирается. Теперь Елизар работает смотрителем в молельне.

На второй день Елизар сделал шины из старых лыж и загипсовал ногу геодезиста до самого пупа. Рабочие отправились добираться до экспедиции. За больным поочерёдно присматривали все трое. Геннадию нравилось, когда к нему подходила Катя, у него начиналось учащённое сердцебиение. Геннадий любовался её красотой, её ласковым бархатистым голосом. Во время служения, когда отец с матерью уходили в молельню Катя подсаживалась к кровати больного и расспрашивала геодезиста о его работе в тайге, она с интересом слушала его. Катя поведала, что она закончила школу в интернате, а теперь помогает родителям. Старшие брат и сестра живут своими семьями где-то около Енисейска. В разговорах Геннадий старался обходить религиозную тему, хотя понимал, что у Кати не было тяги к религии.

Прошло две недели, геодезист знал, что скоро за ним приедут и увезут, охватывало двойное чувство, с одной стороны, он сознавал, что причиняет хозяевам тяжкую обузу, хлопоты, ведь он не может даже привстать или приподняться, а с другой стороны появлялась боязнь, что не увидит больше Катю.

Однажды, перед отъездом, он лежал с закрытыми глазами и почувствовал, что к кровати подошла Катя, она подняла край свесившегося одеяла, уложила на больного, затем своей тёплой ласковой ладонью провела по оголевшему плечу Геннадия. В это время залаяли собаки. Катя бросилась к дверям. Приехал начальник партии на моторной лодке с группой геодезистов. Они положили инженера на носилки и увезли. Геннадий, прощаясь, сказал, что весной обязательно приедет.

После этого геодезист месяц лежал на больничной койке, затем ходил на костылях, а к весне восстановился и вновь отправился на полевые работы, но теперь он ехал уже в должности начальника партии.

К дому молельни Геннадий ехал на моторной лодке. Приплыл удачно, все трое оказались дома, в начале они не узнали своего осеннего

постояльца, уж очень он показался им высоким, ведь они видели его только лежащим. Геодезист привёз всем хорошие подарки. Больше всех понравился подарок матери — это ручная швейная машинка, о которой она мечтала всю жизнь, а отцу вручил лодочный подвесной мотор. Кати Геннадий подарил нарядное платье.

Долго Геннадий с Катей ходили по лесу, а вернувшись, Геннадий стал просить родителей руки их дочери. Утром геодезист увёз Катю на моторной лодке на свою базу партии. В первые же годы появились дети, вначале сын, затем дочь. Выросли, обзавелись семьями.

В какой-то период Екатерина стала ходить в церковь, затем зачастила. Вскоре увлеклась религией до фанатизма, потеряла связь с мужем, с детьми, внуками. Уединилась, облачившись во всё чёрное, а потом уехала на свою родину. Молельня стала ей родным домом.

Дикие люди

Партия Вячеслава Александровича Лазаренко второй год занималась топографическими работами на территории Республики Тувы. Студенческая бригада, приехавшая в разгар полевых работ, специализировалась на дешифрировании незалесённых участков. Бригаде поручили заняться обследованием самого отдалённого юго-западного высокогорного района. Лес в этих местах отсутствует. Поверхность гор каменистая. В центре объекта возвышается величественная гора Монгун-Тайга, высотой почти четыре тысячи метров, украшена белоснежным ледниковым покрытием даже в самые жаркие летние месяцы.

В первую очередь студенты обследовали живописное высокогорное озеро Хиндиктиг-Холь, которое находится на высоте более двух тысяч метров. В середине озера имеется высокий большой сказочно красивый остров и небольшой островок в западной части озера. Северное побережье и западное покрыты кустарниковой растительностью.

Около озера студенты встретились с пастухом, который на лошади верхом перегонял стадо лошадей от озёрного водопоя на луговые выпасы. Тувинец, по фамилии Ооржак, оказался очень гостеприимным хозяином. Он родился в этих местах в юрте, около озера Ак-Холь. За свою очень длинную жизнь, по его подсчётам, ему за восемьдесят лет, он изучил всю округу. объездил Алтайские, Монгольские и Тувинские степи в поисках удобных пастбищ. Во времена его молодости никаких государственных границ не существовало и никто их не охранял. Практиканты с большим радушием восприняли знания аборигена об этой горной местности, которые им очень нужны для создания новой подробной карты. Ооржак помог студентам в названиях гор, долин, рек, озёр, урочищ, притом большинство имеют тувинское название, иногда очень сложное, особенно в произношении. Практиканты убедились, что пастух для них очень ценный собеседник, он облегчил им работу. Они установили свою палатку рядом с его юртой, вечером Ооржак готовил мясные национальные блюда, а студенты угощали пастуха своими экспедиционными продуктами, особенно ему нравилось сгущённое молоко.

Каждое утро пастух давал студентам двух лошадей, в его распоряжении был целый табун, и они уезжали верхом на весь день дешифрировать самые удалённые урочища, а двое студентов оставались камеральничать. Вечерами абориген рассказывал о затаившихся в ущельях стационарных юртах и избушках, о проложенных и действующих тропах, о кратерах вулканов и

лавовых потоках. Ооржак поведал о таинственных пещерах и о диких людях, которые проживали в этих пещерах.

В детские годы Ооржак со своими сверстниками из соседних юрт любил играть в пещерах в прятки. Это была самая любимая детская игра. Пещер в то время было очень много. Некоторые имели несколько ходов и выходов. Отдельные пещеры были заселены постоянными жильцами. Так, в высокой пещере с квадратным отверстием жило несметное количество летучих мышей, этих рукокрылых здесь называют ночницами, они постоянно испускают противные звуки. В другой верхней пещере проживали ласточки, а ещё выше недоступные пещерные проёмы оккупировали орлы. В кое-каких нижних пещерах в зимний период поселялись волки, лисы, зайцы. Одну пещеру облюбовал медведь под свою зимнюю берлогу, но охотники с собаками его застрелили. Многим пещерам дети дали свои условные названия. Нравилось им собираться в пещере, которую называли Заячьей, за то, что она устлана мягким сеном, в ней было тепло и уютно. Опасались дети углубляться в Чёрную пещеру. У неё на входе торчали чёрные выступы, за это она получила такое грустное название. Она считалась самой большой пещерой. В неё можно зайти взрослому человеку во весь рост, не сгибаясь. Пацаны проникали в эту пещеру до тех пор, пока проникал свет, а затем там появлялись несколько ходов, и поэтому возвращались, чтобы в темноте не заблудиться.

Ооржак рассказал, как однажды, играя около пещер, увидели спускающихся со скал трёх незнакомцев. Испугались, затаились в каменных утёсах. Пришельцы приближались, идя в сторону Чёрной пещеры. Дети догадались, что это дикие люди. Родители рассказывали, что в пещерах живут дикие люди, они вреда никому не причиняли, они избегали встречи с населением. Вели свой обособленный образ жизни, скитаясь по горам. Редко кому удавалось их увидеть, хотя легенд и небылиц про диких людей было много.

Однажды Ооржак с друзьями увидел диких людей очень близко. Впереди шёл самый высокий, на его плече висела белая шкура горного козла, а из-за спины торчала какая-то палка. За ним следовал меньше ростом, а следующий был еще меньше. На них была одежда из разного цвета шкур, очень потрёпанных и заношенных. Лиц рассмотреть не удалось, они были сильно заросшими. Каждый нёс в руках большой кусок свежего мяса. Дикие люди не издавали никаких звуков, шли молча. Они зашли в Чёрную пещеру и в ней скрылись. К той пещере дети никогда после этого не приближались.

Как-то раз Ооржак играл у пещер со своими братьями и сёстрами, а их в семье было восемь человек, и обнаружили белую шкуру с длинной

шерстью, которая сохла растянутой на нагретых солнцем камнях. Дети схватили эту шкуру и притащили её в юрту. Отец приказал срочно отнести шкуру и положить на место, он объяснил, что испокон веков тувинцы у диких людей ничего никогда не берут, поэтому уживаются с ними мирно. Отец также сказал, что дикие люди умеют очень просто расправляться с волками, сокращая поголовье рьяных хищников, а волки наносят значительный ущерб пастухам, нападая на скот, особенно на молодняк.

Ооржак пояснил, что в последние годы дикие люди исчезли, раньше пастухам удавалось иногда увидеть их передвижение по горам, тем более, на горах нет деревьев, часто видели их в период выпada первого снега, а теперь их нет совсем. Одни утверждают, что дикие люди погибли в период землетрясения, в результате большинство пещер исчезло, многие засыпало камнями, а отдельные закрыло потоками лавы из вулканов. Другие утверждают, что дикие люди удалились в монгольские и Тибетские горы из-за того, что здесь появилось большое количество людей, в том числе добавились группы пограничников, а дикие люди любят жить в уединении.

После этих сообщений пастуха студенты начали усиленно обследовать сохранившиеся пещеры, пытаясь обнаружить остатки проживания диких людей. Ооржак заинтриговал экспедиционных работников загадочностью существования диких людей. И кое-что студентам удалось найти.

Приехавший начальник партии Лазаренко удивился, что студенты за месяц сумели обследовать большую территорию, они объяснили, что это благодаря соседу Ооржаку, который давал им лошадей и рассказывал обо всех особенностях местности. Зато теперь студенты на лошадях без седла умеют преодолевать большие расстояния.

Вечером студенты показали начальнику партии свою сокровенную находку, которую они раскопали у пещерных скал. Вначале они увидели в земле остатки изгнившей шкуры, стали копать и наткнулись на череп человеческой головы. Тщательно промыли и обнаружили, что это редчайший череп дикого человека. Студенты начали наперебой показывать начальнику партии особенности черепа. Среди сохранившихся частых зубов торчали длинные клыки сверху и снизу. Череп сплюснут с боков, со стороны ушных проёмов, нижняя челюсть выдвинута вперёд. Студенты увлеклись бывшим обитанием диких людей до фанатизма. В посёлке Кызыл-Хая, расположенном на реке Моген-Буря, они встретились с местными аксакалами, которые много рассказали интересного о диких людях, но называли их пещерными людьми. В пограничном с Монголией посёлке Хандагайты студенты повстречались с пограничниками, которые рассказали, что в дежурном журнале их погранзаставы полувековой давности имеется зафиксированный случай, когда пограничник увидел в

бинокль передвигающегося по каменистому склону горы странного человека, который передвигался подобно обезьяне, одет в шубу, похожую на шкуру кабана. Пограничник доложил начальству по рации. Поступил ответ, следить, возможно, это нарушитель границы маскируется под зверя. Также поступило указание, что при пересечении границы — применить оружие. После сеанса радиосвязи пограничник вновь стал наблюдать, но дикий человек исчез.

За летний сезон практикантам удалось много услышать о диких людях, но главное доказательство о существовании диких людей они раскопали. В их отчётах о производственной практике в Туве это отражено на фотографиях редчайшей находки — черепа диких людей.

У нас родился мальчик

На полевые работы в Тофаларию мы с помощником прилетели с большим запозданием. В апреле и мае нам пришлось выполнить огромный объем топографо-геодезических работ на автомашине в Хакасских степях, а в конце мая вырвались в Верхние Гутары. В этом полевом сезоне с помощником мне повезло. Приехал на производственную практику из института студент, которого направили ко мне в бригаду. Александр уже имел определенный жизненный опыт, после окончания школы он отслужил в армии два года в топографическом отряде, а затем пять лет учёбы в институте, притом каждый год на лето выезжал работать в экспедиции.

В Хакасии нам не везло на рабочих, дважды пришлось увольнять, поэтому договорились в тайгу рабочих не брать. Решили подобрать физически крепкого оленевода с караваном оленей и работать таким усечённым составом. Саша был крепкого телосложения, поэтому мы рассчитывали на свои силы.

В Верхних Гутарах председатель колхоза нас не обрадовал, что сумеет подобрать нам физически крепкого оленевода. Он объяснил, что уж очень мы поздно прилетели, всех оленеводов и оленей поразобрали разные экспедиции и туристы. Остался один оленевод с оленями, объяснил, что тофы все выносливые и все прекрасно приспособлены к таёжным условиям скитальческой жизни. Председатель сетовал, что в колхозе совсем некому работать. Большая часть молодёжи, уехавшая учиться в города, после учёбы не возвратилась. Некоторые юноши приехали, но пристрастились к выпивке и превратились в алкоголиков. В это время в кабинет вошла небольшого роста, хрупкая девушка, она скромно поздоровалась. Председатель представил нам её:

— Это ваш оленевод, Ирина Болхоева, ей двадцать лет, заканчивает ветеринарный техникум в Иркутске. Выросла она на оленьем стойбище. Блестяще владеет снайперским мастерством.

Мы с помощником поникли, готовясь встретить крепкого, бывалого таёжника. Я смотрел на девушку в коротеньком ситцевом сарафане, плотно облегающем её изящную фигуру, на её смуглое лицо со слегка раскосыми глазами и думал: ей бы с её внешностью украшать приёмную большого начальника, а она в тайгу с оленями на съедение комарам, портить нежное личико, превращать его в грубое обветренное лицо с гнойными коростами.

После затянувшейся паузы девушка обратилась к председателю:

— Когда и куда подавать оленей?

Я пояснил девушке, что мы отправляемся в тайгу в очень сложные горные районы на четыре, а может, на пять месяцев. Она одобрительно кивнула головой. Я знал, что тофы немногословный народ. Мы попросили девушку пригнать оленей завтра в семь часов утра в сёдлах к нашей палатке, установленной на аэродроме. Девушка понимающе качнула головой и, попрощавшись, ушла. Мы с Александром не предполагали, что в такой небывало сложный маршрут на перевалы Саянских хребтов придётся идти с такой пигалицей, но понимали, что другого варианта у нас нет. Весь вечер мы сортировали и раскладывали продукты и снаряжение, учитывая, что груз нужно равномерно распределить на двенадцать оленей. Обычно тринадцатый олень верховой, он всегда самый крупный.

Утром оленевод привела оленей с задержкой более чем на час. На первый раз я не стал её отчитывать, а завернул обшлаг рукава куртки и стал вглядываться в часы, девушка уловила этот момент и ответила, что один олень неожиданно заболел, поэтому потребовалось время для его замены. Она появилась в таёжной одежде, поверх была накинута безрукавка из рысьей шкуры, из-за спины торчало дуло двустволки. Мы с помощником выставляли из палатки рюкзаки, спальные мешки, инструменты, а Ирина стала завьючивать все упаковки на оленей. Я обратил внимание, что она это делает очень умело, спокойно, без излишней суеты. На первое завьючивание всегда уходит много времени. На каждого оленя нужно подбирать две сумины на перевес через седло одинакового веса и закреплять груз надёжно с учетом, что вьюки постоянно задевают в маршруте о стволы деревьев и кустарника.

Закончив вьючить оленей, я объяснил, что нам предстоит продвигаться строго на запад без троп, придётся пересечь много ручьев и рек до избушки, которая находится в северной части Агульского озера. Девушка очень убедительно сказала: «Я там бывала, маршрут знаю». И она направилась в сторону высоких гор, заросших густыми деревьями. Мы с помощником молча переглянулись, услышав такое заявление, и последовали за караваном гружёных оленей, но я украдкой стал контролировать с помощью компаса, иногда скрытно заглядывал на карту. Вообще, всегда в маршрутах впереди шёл я, ориентируясь по карте или по аэрофотоснимкам, а здесь как-то получилось, что инициативу взяла оленевод. Я догадался, что она когда-то ходила в маршруты с туристами, а у них оленеводы выполняют функцию проводника.

На Агульском озере часто бывают туристы, оно по размерам очень внушительное, самое большое в этом регионе Саянских хребтов. Растянулось с севера на юг на пятнадцать километров и ширина в средней

части достигает трех километров. От юго-западного берега начинаются отвесные скальные выступы, которые тянутся до самого пика под названием Грандиозный.

Первый ночлег был предопределён обилием кормов для оленей на берегу небольшой живописной речушки. Обычно в бригадах, если имеется женщина, то берут две палатки в маршрут, мы, вылетая из экспедиции, на такой вариант совсем не рассчитывали, поэтому у нас имелась четырёхместная палатка. Оленевод к этому отнеслась вполне нормально. Спали все в одной палатке. Постепенно в процессе работы все шероховатости исчезли.

Обычно мы с помощником уходили на два-три дня в горы, занимаясь обследованием и измерительными работами, а оленевод с оленями оставалась у палатки. Чаще всего спускались с гор вечером, ужин был всегда готов. Часто девушка радовала нас приготовлением из свежего мяса. Иногда ей удавалось настрелять рябчиков или глухаря, дважды застрелила кабаргу. К концу лета она пристрелила на солончаках изюбра, наделала колбасы и наготовила разных национальных мясных блюд.

Однажды мы задержались на горе, спускались очень поздно. Пришлось преодолевать горную реку в полумраке по упавшему дереву с одного берега на другой. Я прошёл удачно, а Александр оборвался и оказался в ледяной воде. Берега обрывистые, высота не позволяла выбраться, барахтаясь с теодолитом за спиной ему пришлось плыть вниз до песчаного берега. От переохлаждения Саша заболел очень серьезно. Поднялась температура, появился судорожный с хрипом кашель. Ирина настаивала вывезти Александра в посёлок, но он категорически отказался. Девушка сказала, что самим вылечить эту болезнь можно только бобровым жиром. Она напомнила мне, что месяц назад мы проходили одну заболоченную заводь, в которой она заметила, что там живут бобры. Я вспомнил про большое количество осиновых пней, тогда я удивился, что спилены они были кем-то странным конусом, а оленевод объяснила, что это перегрызли деревья бобры. Некоторые осиновые пни доходили в диаметре до двадцати сантиметров. Хатки бобров настроены из хвороста в виде юрт, некоторые достигали трёх метров, в диаметре шесть-восемь метров, выглядели, словно хижины. Тогда я подумал, что мы наткнулись на какое-то дикое поселение трупобных людей. Этих хижин было огромное количество, больших и маленьких, сосредоточены они были рядом с кромкой воды по берегу огромной заводи. Это единственное место в Тофаларии, где водились бобры. Ирина стала собираться в поход в поселение бобров. Я находился в сложном состоянии. Одной идти ей опасно и больного оставлять одного нельзя. Оленевод мне рассказала, что она привыкла ходить по тайге в одиночку.

Объяснила, что охотники ходят только по одному. Она забрала своего головного оленя и ушла.

Ирина возвратилась на третий день поздно вечером. На олене был завьючен застреленный бобр. Он весил почти тридцать килограммов и длиною был около метра. Оленевод торопилась добраться засветло, поэтому даже не ободрала его. Вечером на костре она натопила жир и этой горячей жидкостью стала поить Александра. Жирная жидкость оказалась противной, но девушка оказалась очень настойчивой, увидев, что Саша хотел схитрить, вылить жидкость из кружки на землю, она его пристыдила:

— Я ходила за тридевять земель добывать этого зверя, а Вы хотели обмануть меня и вылить лечебную жидкость на землю.

После этого Александр смирился и стал выполнять её указания. День и ночь Ирина не отходила от больного и всё таки добилась своего. Дело пошло на поправку. На лечение ушло две недели. На некоторые близкие вершины я стал уходить один. Полевой сезон затягивался. Болезнь Александра выбила нас из графика завершения работ. В лесу появился первый снег. Первые числа октября ознаменовались завершением полевых работ. Вдруг заболела Ирина. Предстояло подняться на ближайшую вершину и проделать последние измерения. Я ушёл в горы, а с больной оставил Сашу. На горе меня прихватил снег, пришлось выжидать пять дней, наконец погода прояснилась, и мне удалось проделать последние измерения. Поздно вечером я возвращался с торжествующим настроением, что полевой сезон завершён и завтра рано утром можно двинуться в село. Для себя я уже планировал свёртывание работ. В посёлке предстояло рассчитать Ирину, она за лето заработала большую сумму денег, а мы с помощником полетим на самолёте Ан-2 в экспедицию.

Подходя к нашей стоянке, я услышал странные звуки. Я остановился. Прислушался. Звуки прекратились. У костра суетился Александр, он сновал в палатку и обратно. На палках сушилось большое количество белых матерчатых тряпок. На таганке висели вёдра с кипящей водой. Увидев меня, помощник воскликнул: «У нас родился мальчик!» Я опешил, ничего не мог понять. Взглянул в сторону стада наших оленей, но среди жвачных животных никакого оленёнка не увидел. Александр вновь протараторил: «У нас родился мальчик», и показал на палатку. В это время в палатке раздался громкий детский плач, который я несколько раз слышал, подходя к стоянке. Я в недоумении сидел на теодолитном ящике и не мог понять, откуда мог появиться младенец?

Я попросил Сашу сесть и рассказать мне, откуда взялся малыш? Оказалось, Ирина забеременела ещё во время учебы в Иркутске. К нам на работу поступила, когда была беременность два месяца. Ребёнка ожидала в

декабре, но родился семимесячный, четыре дня назад. Саша помогал принимать роды. Наделал пелёнки, изорвав матерчатые полога, прокипятил их. Ирина и мальчик чувствуют себя хорошо.

С выездом пришлось немного задержаться. Для вывоза Ирины с ребёнком пришлось рядом связать самых крупных двух оленей и из спальных мешков сделали удобную постель. В маршруте приходилось часто останавливаться, но добрались до посёлка нормально.

В Гутарах Александр сообщил мне, что в экспедицию он не полетит, остаётся здесь. Они с Ириной решили пожениться. Саша сказал мне, что лучше женщины ему не найти, он сильно её любил.

На аэродроме провожали меня они втроём. Ирина обняла меня, поцеловала и, всхлипывая, стала плакать.

Первые годы мы переписывались. Они вначале уехали в Новосибирск, а после окончания института Александр распределился на строительство Братской ГЭС. В дальнейшем у них родились две дочери. Получилась крепкая хорошая семья.

Памятники погибшим

Сопочный рельеф и природные условия на Дальнем Востоке очень своеобразные. Один полевой сезон мне довелось поработать в этих удаленных таёжных краях. Наша малочисленная бригада медленно продвигалась по лесной тропе, проложенной по берегу реки Селиткан. На крутом изгибе небольшого острова этой бурлящей реки, на высоком уступе, среди густых низкорослых кустарников возвышался скромный надгробный памятник с надписью «Харьков Виктор Тимофеевич 1914—1949». Нас охватило грустное чувство, словно и тоскливая погода была подвластна этому скорбному памятнику, заморосил мелкий осенний дождь. В далёкой глухой тайге, где редко бывают люди, возможно, охотник прошагает к своим угодьям один или два раза в год, но часто проходят таёжные звери, и вдруг гибель человека при очень загадочных обстоятельствах. Мы подправили могильный холмик, очистили вокруг, срубили выросший кустарник, деревца и положили венок, сделанный из еловых веточек. Поклонились одинокому хранителю грусти и молча отправились дальше. На душе долго сохранялось гнетущее чувство и тревога.

На базе партии, в посёлке Лукачёк, я рассказал приехавшему начальнику отряда И.А. Потейко о памятнике на реке Селиткан. Начальник отряда, оказывается, знал об этом захоронении и даже его устанавливал. В 1947—1952 гг. Потейко возглавлял топографический отряд № 55, а на соседнем объекте работала крупная Нижне-Амурская экспедиция, которую возглавлял Григорий Анисимович Федосеев, экспедиция подчинялась Новосибирскому предприятию. Харьков работал в этой экспедиции, он был очень опытным топографом. Закончив полевые работы, Харьков со своей бригадой возвращался в посёлок Экимчан, где его ожидал главный инженер экспедиции Н.И. Хетагуров. Бригада передвигалась пешком по берегу реки Шевли. Продукты в бригаде давно закончились. По закону подлости никакой дичи не попадалось. В последние дни двигались очень медленно, все были голодными, обессиленными и уставшими.

Бригада работала весь полевой сезон в районе реки Уда. Выполнили огромный объем топографических работ в долине реки, между озёрами Лилимун и огромным озером Бокан. Этот стокилометровый участок считался самым сложным в этой долине и во всём регионе. Сплошные труднопроходимые болота, мари, зыбуны. Болота распространены на двадцать-тридцать километров, затем пересекаются рекой, впадающей в Уду, и опять начинаются болота до следующей реки, на берегах которой

произрастает очень хиленький лесок. Всё лето бригаде пришлось лазить по колену, а иногда по пояс в вязкой болотной жиже. Раньше Виктору приходилось выполнять топографические работы на Васюганских болотах, здесь пригодился опыт заниматься измерениями в топких болотах, поэтому и отправили топографа на мари. Весь сезон работали пешком, использовать лошадей или оленей бесполезно, они утонут в первый же день. Продукты доставляли один раз в месяц, сбрасывали с самолёта ПО-2 в условленное место. Точки сброса были согласованы весной перед уходом бригады на весь полевой сезон.

Предпоследний сброс оказался очень неудачным, два мешка упали в болото, пока добрались, они промокли, в одном находились сухари, а в другом макароны. Главное, что последний сброс так и не дождался. Работу закончили, пошли дожди, погода установилась нелётная. Ждали неделю, продукты закончились, а улучшения погоды не чувствовалось. До базы партии, которая базировалась в Экимчане, более ста километров. Все члены бригады стали настаивать идти, не дожидаясь сброса продуктов, тем более, у двух студентов, которые проходили производственную практику, через неделю должны начаться занятия. Продуктов никаких не было.

Утром рано отправились в далёкий маршрут. Накануне удалось наловить немного рыбы, а бригадир застрелил трёх рябчиков, поэтому подкрепились вполне нормально. Тропа вначале пролегла по трясине, но, удаляясь от реки Уды, она становилась устойчивой. Первый день шли до упора, одолели большое расстояние, добравшись до заброшенного рудника Болодёк. Здесь на реке Урми обнаружили перегороженное устройство реки и сплетённые морды, поставили на ночь и утром вытащили почти ведро рыбы. Сварили уху, а оставшуюся рыбу запекли и взяли с собой в маршрут.

Неожиданно подул сильный западный ветер, потянула дымом, вскоре дым заполонил всё лесное пространство. Приближался лесной пожар, Перекрыл путь в сторону перевала. Становилось душно, все начали кашлять. Решили срочно возвращаться на болота. Шли быстрыми шагами, убегая от пожарной стихии. На реке Тохикан пересекли большое болото, на котором легче дышалось, дым распространился по долине реки на мари в сторону Уды. Харьков обратил внимание, что птицы летят на восток, потом увидели зайца, убегающего в восточном направлении, но застрелить не удалось, но всё таки посчастливилось застрелить маленькую кабаргу, бежавшую из огненного пожарища.

Пожар стремительно приближался к долине. Становилось жарко, доносился шум пожарных сполохов, треск горящих смоляных крон деревьев. Харьков приказал все рюкзаки бросить, сам забрал инструмент, документы и бегом отправились через хребет в восточном направлении,

нужно было успеть перевалить и спуститься в соседнее ущелье, очень крутое, к горной реке Джялик. Это единственный выход, но необходимо пересечь и опередить проход пожара. Уже совсем близко трещали в огне деревья.

На перевале один студент потерял сознание, задохнулся, упал. Харьков схватил его и, тяжело шагая, стал спускаться в крутой каньон. Здесь воздух менее задымленный. Все остальные, закрывая обшлагами рукавов курток свои носы, мчались, падая, обгоняли друг друга, пытались скорее добраться до реки. Последним со своей ношей к шумной горной реке спустился бригадир. Все начали отхаркиваться, промывать носоглотки холодной водой и отхаживать студента.

Харьков понимал, что нужно менять маршрут передвижения, люди голодные, уставшие, не уверен был, что все смогут добраться до базы партии. В узком ущелье имелась тропа, проложенная золотоискателями и охотниками через перевал до реки Селиткан. Придя в нормальное состояние, после пожарного задымления, бригада направилась по тропе на перевал. Вечерние сумерки захватили перед перевалом. Ночью в горах оказалось очень холодно, всю тёплую одежду и подстилочные олени шкуры, которые использовали всё лето, бросили, убегая от пожара. Всю ночь жгли костёр, обогреваясь от студеного горного воздуха.

Голодные, уставшие, утром кое-как сумели встать и двинуться на перевал. В лесу никаких съедобных ягод не было. Самыми слабыми оказались студенты, они стали отказываться идти. Предлагали их оставить, а остальным быстрее идти, взять в партии оленей и с продуктами возвратиться за ними. Топограф внушал, что до реки Селиткан осталось совсем немного, нужно организовать свои силы, спуститься с гор до реки, по которой можно на плоту поплыть до реки Селемджи, на берегу которой расположен посёлок Экимчан. Последнюю запечённую рыбку разделили перед перевалом, хотелось есть.

Наконец добрались до реки. Она оказалась многоводной, вышедшей из берегов из-за многодневных осенних дождей. На берегу, спрятавшись в густых зарослях, обнаружили охотничью избушку, в ней нашлось немного сухарей в баночке. Разделили сухари на всех. Бригадир свою порцию поделил студентам, объяснив, что у него болит желудок. Преодолевая голод, усталость, все принялись готовить плот, предвкушая, что наступает спокойное плавание, главное: не нужно идти, а можно лежать. Попытки поймать рыбу не увенчались успехом. Решили ловить рыбу с плота. Студенты измерили скорость течения реки и высчитали, через сколько дней можно приплыть в Экимчан, до которого оставалось шестьдесят километров.

Плот был готов, вещей никаких не было, кроме одного рюкзака, в котором находились документы измерений за весь летний сезон. Бурная река подхватила плот с людьми и увлекла в свою стремнину. Спокойствия на связанных брёвнах не оказалось. Поток со стремительным течением постоянно выносил плот то на один обрыв берега, то на противоположные скалистые утёсы, приходилось непрерывно отгребать вёслами и отталкиваться шестами. Зигзагообразный водный поток был настолько стремительным, что про рыбалку даже забыли.

Во второй половине дня на одном из крутых поворотов плот налетел на залом из затонувших стволов деревьев с огромными вывороченными корнями, который перегородил реку. Плот невозможно было отгрести от бушующей бурлящей стремнины, он ударился и разлетелся на отдельные брёвна. Люди оказались в ледяной воде. Студенты с визгом бросились в залом. Харьков сумел одного вытащить из воды очень быстро, за другим нырял много раз и все-таки вытянул его за волосы, а рабочие откачали. Топограф стал нырять под стволы залама в поисках рюкзака с материалами, силы иссякли. В очередной раз Харьков не вынырнул. До самой темноты рабочие пытались найти в воде своего руководителя, но так обнаружить его в тот день не удалось. На второй день обессилившие рабочие продолжили поиски топографа, но безрезультатно. Харьков утонул.

Рабочие и студенты с большими трудностями добрались до Экимчана, несколько раз сооружая новый плот. На поиски трупа на р. Селиткан отправили И.А. Потейко с группой работников. Вот тогда и был установлен памятник В.Т. Харькову на месте его захоронения.

На реке Буря назван именем Виктора Харькова один из физико-географических объектов этого региона.

Много по стране сохранилось подобных одиноких памятников, установленных первопроходцам, которые занимались топографо-геодезическими работами в самых удаленных регионах, создавая первые топографические карты.

На севере Красноярского края, в тундре, на высоком восточном берегу озера Тембенчи, возвышается памятник погибшим геодезистам, на котором выгравировано: «Здесь, на озере Тембенчи, в 1969 году, создавая топографическую карту, трагически погибли: Токарев В.Г., Переверзев Б.М., Самофалов Л.Ф., Черников В.Г.». Эту трагедию я подробно описал в книге «Российские колумбы».

В период всеобщего картографирования нашей страны значительное число экспедиционных работников из маршрутов не возвратилось. Многим из них сооружены памятники на таёжных тропах, на берегах рек, морей и

океанов, на островах, на вершинах гор, на бровках непроходимых болот, в тундре и в лесных массивах, удалённых от населённых пунктов.

Построение государственной геодезической основы страны завершено и сплошное картографирование закончено, поэтому такого количества трагических гибелей, которого достигла в ушедшем столетии картографо-геодезическая служба, никогда не будет.

Подписка о невыезде

В апреле я со своей бригадой добрался до реки Изан, через Тайшет, в Алзамай, здесь мне предстояло проработать весь полевой сезон. Пять лошадей с сёдлами пригнал Егорович, бывалый потомственный конюх-проводник. Бригада состояла из пяти человек: помощник Иван, студент Томского топографического техникума, двое рабочих и постоянный мой спутник, Егорович. Два месяца проработали очень успешно. Весенний период — это самый благоприятный сезон для экспедиционных работ в таёжных регионах. После долгих зимних камеральных работ вырываешься на природу с большим наслаждением, начинается свободный образ жизни.

Темп продвижения полевых работ с первых же дней оказался очень высоким. В этот период люди и лошади не испытывают беспокойства от комаров и разной мошкары. В лесу прохладно, природа просыпается от зимней спячки. В заросших глубоких лощинах сохранился слежавшийся ноздреватый снег. От его таяния зарождаются малюсенькие ручейки, обдавая свежим снежным холодком.

Мы остановились на берегу реки Изан, установили палатки. Это наш центральный лагерь на весь период полевых работ. В первые дни мы оставляли Егоровича с лошадьми, а сами уходили на вершины гор заниматься измерительными работами. В далёкие маршруты ездили на лошадях. Практикант быстро освоил весь комплекс полевых работ и стал вносить существенную лепту в производство топографических измерений, особенно его помощь требовалась в камеральной обработке материалов. Иван оказался хорошо подготовлен и в физическом плане, он перед поступлением в техникум отслужил в армии, в топографическом отряде.

В середине июня неожиданно Иван заболел, поднялась температура до 39°. В те годы свирепствовало опасное заболевание от укуса энцефалитных клещей. Были даже случаи со смертельным исходом. Я поспешил отправить практиканта к фельдшеру, с большим сожалением распростился с ним, зная, что к нам в тайгу ему уже не добраться, радиостанций в то время ещё не было. Егорович на лошадях со студентом поехал в деревню, а я с рабочими отправился в маршрут. Ехали они очень быстро, проводник забрал всех лошадей, поэтому в пути пересаживались на отдохнувших коней и вновь двигались в сторону деревни. В деревне, у магазина, Иван попрощался с Егоровичем, объяснив, что устал весь день в седле, поэтому пройдётся пешком до фельдшера, медпункт располагался на самой окраине деревни. Егоровичу предстояло закупить продукты по списку и завьючить их на

лошадей. Продавец знал оптового экспедиционного работника. Поэтому закрыл магазин и они по списку стали затаривать выючные мешки разными продуктами. Завьючив четыре лошади, Егорыч уселся на свою любимую кобылу, у которой имелся месячный жеребёнок, и отчалил в сторону таёжных зарослей. Жеребёнок иногда отставал, приходилось останавливаться и ждать, он сильно уставал, ему первый раз за его месячный срок со дня рождения пришлось так много идти, а иногда бежать.

Когда конюх пригнал лошадей, я у него стал расспрашивать, зачем он арендовал жеребую кобылу, которая вот-вот должна ожеребиться. Проводник объяснил, что взял специально, зная, что кобыла с жеребёнком не убежит из лагеря от людей. Лошади, они компанейские животные и одни не убегут, оставив кобылу с жеребёнком. Егорыч в лошадях толк знал, обычно во всех бригадах лошади убегают, даже спутанные. Не все спутанные возвращались в колхоз, на некоторых нападали волки и в таком состоянии они не могут отбиться, другие тонули, спутанные, переплывая через реки или пересекая труднопроходимые болота, а у Егорыча не было случаев, чтобы у него ушли лошади, уж очень хорошо он знал лошадиные повадки. Через несколько дней Егорыч узнавал наклонность и привычки каждой лошади.

Егорыч ехал, постоянно оглядываясь, следя за жеребёнком. Увидев большую поляну с густой травой, проводник решил заночевать, чувствуя, что детёныш совсем устал. Саврасик — такое имя дал конюх светлогнедому малышу с чёрной гривой и тёмным хвостом — улёгся среди низкорослых кустов густой черники. Егорыч, развьючив коней, занялся костром. Неожиданно встревоженные лошади заржали, стали бегать, издавая испуганные звуки. Егорыч схватил свою старенькую берданку и выбежал на поляну. К его великому удивлению, рысь вцепилась оскалёнными зубами в чёрную гриву Саврасика. Жеребёнок пытался вскочить, бежать, припадая на передние коленки, падал, вновь вскакивал, а рысь тем временем делала попытки ухватиться за горло и перекусить его. Егорыч прицелился и выстрелил. Саврасик вскочил и побежал к кобыле, добравшись, он уткнулся головой в грудь матери. Она стала обнюхивать малыша, касаясь своими дрожащими губами. Огромная желтая рысь распласталась на зелёном травянистом лугу.

Испуганные лошади смотрели в сторону конюха. Он направился к Саврасику. Некоторые раны пришлось обработать, но шрамы останутся пожизненно. Самый большой испуг Егорыч испытал, когда нажимал на спусковой крючок своей берданки, ведь малейшая неточность — и пуля могла поразить Саврасика, а этого бы горя старик не вынес. В течение лета

проводник обработал шкуру рыси, сделал чучело, набив во внутрь лёгкий пушистый ягель.

Возвратившись из деревни, Егорыч мне рассказывал подробно, как расстался у магазина со студентом. Я удивился, что проводник не довёз больного до медпункта и не поинтересовался у фельдшера о дальнейшей судьбе практиканта и каково его состояние? Конюх объяснил, что Иван категорически отказался ехать по деревне, сославшись, что затекли ноги и ему нужно пройтись. Я пожурил Егорыча и удивился, что Иван не зашел даже в магазин. На этом наш разговор закончился.

Первые дни без помощника работать было трудно, но вскоре пришлось приспособиться. Нам очень повезло с погодой. Погода установилась хорошая на период измерений с помощью теодолита прямых и обратных засечек, поэтому удалось завершить полевые работы досрочно.

Десятого сентября мы вышли в деревню Тымбыр. Я отправил телеграмму с почты руководству отряда, что работу закончил, отправляю сдавать лошадей в колхоз. И сразу же получил ответ от начальника отряда О.А. Дроздова, который сообщил, что он выезжает в Тымбыр, лошадей не сдавать.

О.А. Дроздов приехал очень быстро, поблагодарил меня за успешное выполнение задания и привёз мне аэроснимки и дополнительное задание. Мне очень не хотелось браться за эту работу, но отказаться не хватило наглости. Я поинтересовался судьбой моего помощника и его состоянием здоровья? Начальник отряда странно скривил лицо, недоуменно стал смотреть на меня, даже не поняв, о чем идёт речь. Я подробно изложил о случившейся болезни студента и о его отправке на лечение. Дроздов ответил, что в отряд практикант не появлялся. Я быстренько отправился в медпункт, фельдшер ответил, что в июне он находился в отпуске и медпункт был закрыт. Тогда отправили срочную телеграмму в техникум, получили ответ с упреком в наш адрес от директора Болотова, что начался учебный процесс, а мы задерживаем практиканта. Тогда написали телеграмму домой матери Ивана и тоже получили ответ, что его там нет.

После этого обратились к участковому милиционеру. Подробно все объяснили и написали. Он потребовал объяснительные с каждого и после этого он сделал заключение, что студента застрелил Егорович и закопал его где-то в тайге, даже хотел взять его под стражу. Версия участкового сводилась к тому, что застрелил конюх студента случайно, возможно, когда стрелял в рысь или что-то ещё случилось непредвиденное в пути. Милиционер допрашивал Егорыча с пристрастием, придирчиво, применяя оскорбления. Егорыч исхудал, клялся и божился, что не убивал Ивана. В то же время не было свидетелей, что они в деревню приехали вдвоём.

Участковый выдал версию Дроздову, что убийство организовал я, отправив проводника и дав ему такое задание. Версия о таком сговоре у сотрудника появилась по причине, что я очень рьяно защищал Егорыча. С меня и с Егорыча взяли подписку о невыезде.

Дроздов, как руководитель и депутат, имел большие полномочия, поэтому его поручительство позволило нам отправиться в тайгу, чтобы выполнить дополнительный объем полевых работ. Настроение у всех было грустное. Мы с Егоровичем попали в категорию подозреваемых в убийстве студента. Каждый вечер у костра начинался разговор о практиканте. Всем было ясно, что в живых Иван не остался, все разговоры сводились, что он скончался от энцефалитного укуса клеща, но кто-то должен был его увидеть в деревне? Вопросов возникало много, но ни единого ответа не всплывало. Я решил: при возвращении в деревню, пойду по улице и буду заходить в каждый дом, спрашивать, кто-то наверняка, видел Ивана, когда он шёл от магазина до медпункта.

Через месяц с небольшим мы завершили работу и вышли в деревню. Милиционер сразу забрал Егорыча, и они верхом на лошадях поехали к тому месту, где проводник застрелил рысь. Были приглашены два охотника с собаками. Я тем временем пошёл по деревне, меня в лес не взяли. Объяснив, что я заинтересованное лицо. Нашлась одна старушка, которая видела, что летом шёл от магазина обросший человек с рюкзаком в экспедиционной одежде, но участковый даже не стал её слушать, отпарировав мне, что у неё нет доказательств, что это был ваш студент. Поездка в лес никаких результатов не дала. Егорыча забрали под стражу и на днях должны увезти в Тайшетскую тюрьму. Ему официально предъявили статью за убийство. Я находился в деревне с подпиской о невыезде.

Я решил сходить в соседнюю деревню Бланку к леснику, выяснить некоторые лесотаксационные данные, необходимые для создания новой карты. Проходя мимо медпункта, я увидел через сетку кабаргу с загипсованной ногой, разных птиц. Я слышал от деревенских жителей, что в Еланке у фельдшера медпункта имеется живой уголок, в котором живут искалеченные животные. Здесь же толпились дети. Меня увлекла одноглазая белка, она с моментальной ловкостью прыгала с одной ветки на Другую. В углу забился слепой зайчонок. И все они уживались здесь вместе, можно было увидеть дятла и кукушку, хомяка и ласку, хорька и соболя. Вначале рабочие с лесоповала приносили Галине подлечить зверушек, но их нельзя было выпускать вылеченных, они бы сразу стали жертвой других животных, вот так и скопились. Теперь над ними взяла шефство школа.

Из дверей медпункта вышел парень, опираясь на костыль.

— Иван, ты разве живой? — вырвалось у меня, увидев своего практиканта. Опешившие школьники смотрели на двух обнявшихся парней. Я быстро объяснил студенту, что нужно вместе срочно пойти к участковому, у него под арестом находится Егорыч, которого обвиняют, что он тебя застрелил и в деревню не привёз. В это время вышла фельдшер. Я ей рассказал эпопею про арест. У Галины стояла запряженная в телегу лошадь. Мы все трое поехали к милиционеру. Фельдшер стала возмущаться, она хорошо знала участкового, год назад она спасла от смерти его сына. Мы ворвались к участковому, он, увидев фельдшера, вскочил: — Галина Ивановна, чем обязан? — протараторил он. — Вы разве не знали Ивана, которого я всё лето поднимала на ноги, вытаскивала с того света. — Галина Ивановна, я думал, что вы лечиваете больного с леспромхоза, — оправдывался милиционер. Вдруг он обратился ко мне: «А как ты докажешь, что это тот самый студент?» После этого фельдшер подскочила к участковому, он отпрянул в сторону и заговорил: «Молчу, молчу и заберите своего старика».

Выпустили Егорыча. Он, опешив, долго был в недоумении, потом они схватились в объятия и молча стояли с мокрыми глазами. Затем Иван рассказал, как всё это случилось.

Тогда студент у магазина почувствовал себя очень плохо, на лошади ехать побоялся, мог слететь, кружилась голова. Не стал говорить и расстраивать проводника. Потихоньку поплёлся к медпункту, а он оказался на замке. Стал терять сознание, сел на крылечке. В это время подъехала фельдшер из Еланки, забрать какие-то лекарства в медпункте. И вдруг увидела обросшего бледного незнакомца. Он успел сказать, что работает в экспедиции и его укусил клещ. Галина увезла больного в Еланку. Сразу же ввела вакцину против энцефалитного заболевания и начала бороться за жизнь экспедиционного работника. Он бредил, через две недели очнулся. У него отнялась вся правая сторона. Совсем недавно начал ходить. Онемевшая рука почти отошла. Появляются признаки, что нога тоже восстановится.

Наш разговор продолжался до утра. У Егорыча порою наворачивались на глазах слёзы.

Я показал Ивану «подписку о невыезде», которая сохранилась в моём архиве до настоящего времени. Так закончилась эпопея очередного полевого сезона.

Зов отца

Инженер Юрий Леонидович Мокроусов многие годы проработал в Магаданском предприятии. В память ему врезалось событие, которое произошло в первый год работы после окончания института. В бригаде у Юрия был помощник и два молодых рабочих, которые приехали из небольшого кавказского города Лабинска. В Лабинске парни жили в соседних подъездах пятиэтажного дома, все годы учились в одном классе. За две недели до окончания полевых работ один из них трагически погиб.

А случилось это так. В бригаде закончились продукты. Инженер отправил рабочих за продуктами на лабаз, а сам с помощником продолжал на пункте триангуляции заниматься геодезическими измерениями. На этот лабаз рабочие ходили всё лето. Продукты в лабаз были завезены в ранний весенний период. Вначале работали в верховьях реки и оттуда ходили парни с рюкзаками за продуктами по берегу реки через каждые две-три недели. Затем объекты измерительных работ стали перемещаться в нижнее течение реки. Рабочие первый раз сходили с бригадиром, а потом, изучив, за лето местность, прекрасно справлялись с этим заданием, тем более оба в школьные годы активно занимались туризмом, умело ориентировались в тайге по компасу. Парни каждый раз с нетерпением ждали день ухода в самостоятельный маршрут. У них имелось ружьё, привезённое из дома.

Обычно они уходили очень рано, к вечеру добирались до лабаза, там ночевали, а на второй день возвращались с полными рюкзаками продуктов, всегда успевали до наступления темноты. Сгущались сумерки, а посланцы не появлялись, на душе становилось очень тревожно. Бригадир с помощником начали прорабатывать разные варианты задержки. Вспомнили все их походы, оказалось, что за лето они сходили к лабазу семь раз, этот маршрут был восьмым. В залесённых местах главной опасностью всегда являлось — нападение медведя, но поздней осенью медведи стараются не попадаться на глаза человеку, они готовятся к зимней спячке, обычно находятся поблизости от своих берлог и ведут мирный образ жизни.

Инженер дважды выстрелил из карабина, громяющее эхо прокатилось по всей округе, но ответного выстрела не последовало. Тайга погрузилась в ночную тьму. Геодезисты сидели у костра, ожидая какого-то чуда, с надеждой: вдруг парни придут, хотя было понятно, что в такой темноте по зарослям идти бесполезно. У Юрия с помощником день прошёл очень плодотворно, удалось завершить наблюдения, поэтому засветло спустили со знака теодолит, зачехлили его и приготовились к завтрашнему

маршруту на последний пункт. Прибрасывали, что даже при такой плохой погоде сумеют за неделю осуществить наблюдения и планировали ещё одну неделю для выхода бригады до ближайшей деревни.

В полночь решили залезть в спальные мешки, но из-за беспокойства не удалось даже сомкнуть глаз. Чуть забрезжил рассвет, геодезисты направились в долину, к реке, по берегу которой должны возвращаться Артём и Коля. Шли молча, торопясь, задевали бородавчатые сучья лиственниц, с которых пригоршнями сыпалась мокрая пожелтевшая хвоя. Моросил мелкий ледящий дождь с пробросами снежной крупы. Через полчаса одежда насквозь была мокрой. Даже толстые стёганые фуфайки в плечах оказались промокшими. Под ногами хлюпала вода, кирзовые сапоги раскисали, зябли руки и ноги. Вскоре спутники вышли к реке и направились по берегу. В верховья речки, кое-где появлялась звериная тропа, по которой передвигались гораздо быстрее.

На одном из крутых поворотов речки, у самой кромки воды, инженер увидел во мху съездившегося человека. Бригадир нагнулся, сдёрнул капюшон — это был замерзающий Коля. Его распухшее, заплаканное лицо бурого цвета было безразличным. Николай молчал, слёзы ручьем катились из его покрасневших глаз. В первую очередь геодезисты разожгли костёр, хотя в промокшем лесу это сделать было очень сложно, затем стали отогревать Колю и долго допытывались, почему он один и где Артём?

Оказывается, парни, загрузившись продуктами, отправились по берегу, но вскоре поняли, что рюкзаки очень тяжёлые, потому что забрали остатки из лабаза, а их оказалось слишком много, тогда решили сколотить плот. Течение реки быстрое, поэтому плыли с большой скоростью. Оставалось совсем немного. На крутом повороте реки не справились с управлением, плот ударился о скалистый берег и разбился, оба рабочих оказались в воде. Вынырнув, Николай не увидел Артёма, стал его кричать. Затем нырял, но ни Артёма, ни рюкзаков, ни ружья обнаружить не удалось. Весь вечер Коля ходил по берегу, кричал, уходил вниз по течению реки, но Артём так и не выплыл.

На третий день нашли на каменистом мелководном перекате труп Артёма, в нагрудном кармане обнаружили исписанный лист бумаги, в непромокаемой упаковке. Коля, увидев запись, вновь заревел: «Что я теперь скажу его матери?» Оказывается, этот лист бумаги он хранил, чтобы показать матери, что нашёл на Колыме место гибели своего отца. Летом бригада забрела в заброшенный лагерь политзаключенных, расположенный в долине большой реки. Огромные бараки с низкими потолками, нарами выглядели ужасающе. На стенах вырезаны фамилии, имена заключенных, которые когда-то прозябали в этих бараках. У Артёма была заветная мечта

— отыскать место гибели отца. Арестовали отца, когда сын был маленьким. По скудным сведениям матери, Артём знал, что отец скончался где-то на Колыме, поэтому поехал с другом в эти отдаленные места с тайной мечтой разыскать место, где отбывал пожизненное заключение отец. Увидев фамилии на бревенчатых стенах, Артём впивался в них глазами, надеясь увидеть фамилию отца. Свою привязанность к баракам Артём поведал бригадиру и инженер с пониманием отнёсся, объяснив, что около лагеря им придется работать две недели и всё свободное время разрешил парням заниматься изучением бараков.

Однажды парни зашли в отдельно стоящий, прекрасно отделанный небольшой домик, очевидно, дом использовался для конторы. В одной из комнат рабочим понравился миниатюрный столик, вот они и решили принести этот стол в бригаду, чтобы у костра бригадир с помощником не на коленях писали, а на столе. Стол оказался основательно прибит к стене дома. В конце концов удалось оторвать стол, и оттуда вывалилась общая тетрадь регистрации заключенных этого лагеря. Тетрадь исписана красивым почерком, все фамилии вписаны по алфавиту. По каждому арестанту имелось полное досье. Среди множества заключенных, перечисленных в тетради, Артём обнаружил фамилию своего отца. В графе место рождения вписан был Усть-Лабинск, там прошли детские годы Артёма у бабушки. Среди многих любопытных записей была даже такая — увлечение, в которой указано, что отец большой любитель резьбы по дереву.

Вспомнились многие предметы домашнего обихода у бабушки, вырезанные отцом. Настольная лампа сделана в виде пингвина, тщательно вырезана из берёзового полена. У бабушки все ложки были деревянные, поварёшка, и всё это вырезал отец. Любил маленький Артём качаться на деревянной лошади, которую отец вырезал и подарил сыну на день рождения, она была высотой с метр, но основание было полукруглым, поэтому лошадка качалась, и все соседские ребята целыми днями раскачивались на любимом коньке-горбунке.

А ещё отец вырезал Артёму из бревна с причудливыми узорами крокодила, на котором хорошо было плавать, но в реке Кубань отец не разрешал купаться, уходили на речушку Лаба, и на нем Артём с великим удовольствием переплывал речку и все летние выходные дни проводил на Лабе.

Последний абзац в досье гласил, что отец умер, боля желтухой. Артём вырезал страничку с записью про отца, хотел показать матери, а главное он нашёл последнее пристанище своего отца. Парни сделали из лиственницы памятник, выжгли гвоздём фамилию, даты рождения, смерти и установили памятник на кладбище, которое оказалось очень большим и запущенным.

Некоторые памятники были сооружены в последние годы, очевидно, родственникам удалось установить последние дни пребывания родственников на этом свете. Среди сооружённых памятников удалось увидеть фамилии именитых учёных и политиков, Жизнь которых оборвалась здесь на вечной мерзлоте далёкого магаданского края.

Труп Артёма решили вынести в деревню, хотя оказалось, что это проделать очень сложно. Продуктов никаких не было, целыми днями моросил дождь, иногда пробрасывал снег. Вначале сделали носилки и три дня по лесным массивам пробирались в сторону ближайшей деревни. На третий день силы иссякли. Голодные, изнурённые, с такой тяжёлой ношей дальше передвигаться не смогли, а проделали только половину пути. Тогда Мокроусов принял решение идти одному налегке. Первый день прошёл большое расстояние, на второй день ноги не слушались, кружилась голова, бригадир понял, что действовало сильно простудное заболевание. Постоянно хотелось прилечь.

Неожиданно геодезист услышал рёв мотора — это доносился звук бензопилы. У Юрия появились силы, он устремился в сторону падающих деревьев и работающей бензопилы. Лесозаготовители, увидев обросшего, исхудавшего лесного бродягу, оторопели, в канун зимы здесь встретить человека — это похоже на какое-то приведение, он появился, словно призрак среди оголённых лиственниц.

Люди внимательно выслушали человека, напоили чаем, накормили, переодели в сухую одежду и быстренько отправились за остальными.

В деревне местные жители очень сочувственно отнеслись к трагическому горю геодезистов, помогали все, притом без каких-либо намёков на возмещение затрат и услуг. Благожелательное отношение чувствовалось, начиная от детей и до стариков. Деревня маленькая, и все быстро узнали подробности случившейся трагедии. Старожилы растолковали гибель Артёма так: сына позвал и забрал на тот свет отец, так распорядился всевышний.

Объяснительные записки

Закончился полевой сезон. Все съезжались на базу экспедиции. В первый же день приезда начальника партии П.Г. Шаталова вызвали по повестке в прокуратуру. Следователь вынул из своего стола несколько фотографий, разложил перед начальником партии и спросил: «Этого человека знаете?». Фотографии были не очень чёткими, Шаталов долго всматривался в припухшее лицо мертвеца, разворачивал серенькие снимки, в конце концов сказал: «Этот негодяй месяц назад угнал у нас лодку с мотором. Работая в бригаде, он со всеми перессорился, хотел застрелить одного рабочего, на другого напал с ножом». Следователь внимательно выслушал, затем сказал: «Вот вам бумага, изложите это всё как можно подробнее». Петру пришлось всё восстановить в памяти и написать.

До завершения полевого сезона оставалось три недели. Согласно предварительной договорённости с бригадиром Шаталов с мотористом Н.П. Киргинцевым загрузили лодку продуктами и поплыли в бригаду, которая должна забрать эти продукты и уйти в последний маршрут сезона. К концу дня плывущие заметили стелющийся дымок по зарослям крутого берега, а вскоре увидели костёр и людей, бежавших к лодке. Начальник партии передал подошедшим пакет с почтой, все быстренько стали разбирать письма, газеты, журналы, только один рабочий стоял в стороне безучастно, поглядывая на лодку с продуктами. Потом Шаталов с бригадиром погрузились в бумажные дела. Нужно было просмотреть все журналы с измерениями, начисления зарплаты за месяц. Бригадир сообщил начальнику партии, что рабочий, по кличке Одноухий, увольняется, поэтому просил увезти его на лодке. ,,

Бригадир рассказал, что у этого рабочего каждый день происходят стычки с рабочими, иногда перепалки доходят до поножовщины. Недавно при размолвке с одним рабочим Одноухий схватил нож и пытался перерезать горло, вовремя подоспели остальные. При схватке с другим рабочим поклялся, что в конце полевого сезона его зарежет. В немилость попал и помощник бригадира. Однажды во время скандала Одноухий схватил винтовку бригадира и с руганью бросился на помощника, но быстро опомнился, увидя, что в винтовке нет затвора, который бригадир хранил в полевой сумке.

У костра суетился моторист, он успел наловить хариусов, а их здесь в реках безлюдной тайги очень много, и зажаривал их. Для этих целей он возил с собой противень, изготовленный из нержавеющей стали. О

фирменном приготовлении рыбы Киргинцевым знали все работники экспедиции. Вот и сейчас все находились в предвкушении ароматной жареной рыбы. Рабочие бригады сортировали привезённые продукты, готовились к завтрашнему далёкому маршруту. Один Одноухий безучастно сидел у костра, взирая на всех безразличными взглядами, чувствуя безысходность своего положения.

После ужина все разбрелись по своим палаткам. Шаталов с Киргинцевым улеглись в спальные мешки в своей двухместной палатке. Они собирались утром рано отправиться на базу партии, зная, что вверх по течению реки плыть придётся очень долго. Один Одноухий сидел у костра, не желая вступать в разговорные контакты. Бывалый экспедиционный работник Киргинцев под всяким предлогом пытался заговорить с Одноухим, но он отмалчивался. Вот и сейчас, лежа в спальном мешке, моторист ощущал на душе какую-то тяжесть и тревогу. Поэтому решил одеться и пойти к костру.

Неожиданно взревел лодочный мотор. Киргинцев выскочил из палатки первым, в сумерках догорал костер, к которому все собрались в нижней одежде, дрожа от холода. Рёв мотора медленно утихал, удаляясь вниз по течению быстроходной речки. «Что теперь делать?» — стал взволнованно повторять начальник партии. В этой должности молодой специалист работал первый год и такое неожиданное обстоятельство для него казалось тупиковым. Много видавший и испытавший в жизни Киргинцев успокоил своего начальника, объяснив, что по берегу имеется охотничья тропа, завтра пешочком пойдем на базу партии и по рации сообщим в экспедицию. В этих таёжных местах милиция злодея поймает очень быстро. Моторист попросил написать утром всем объяснительные записки с подробностью о всех стычках, которые происходили в бригаде в течение лета с этим проходимцем.

Следователь оживился и потребовал срочно привезти все эти объяснительные записки, тем более, они были написаны месяц назад и только эти объяснительные записки помогли закрыть уголовное дело. Следователь поведал, как развивались события у беглеца с моторной лодкой.

Проплывая мимо деревни, беглец не обратил внимание на конец каната по которому передвигался паром, зацепившись мотором на большой скорости за трос, лодка перевернулась. Человек, плывущий в моторной лодке, стал тонуть. Всё это происходило на глазах паромщика. Седовласый Кондрат за свою долгую работу на пароме многих вытаскивал из воды, и не только людей, но и лошадей, и коров, и повозки. Кондрат долгие годы служил боцманом на корабле, а потом осел здесь, в родной деревне. Паромщик сбросил со своих широченных плеч стёганую фуфайку, стянул с

ног сапоги, схватил висевший обшарпанный ветрами старенький спасательный круг и нырнул с парома в ледяную воду. В это время соседи Кондрата, увидев это бедствие, поплыли на своей долблётке спасать лодку с мотором.

Паромщик вытащил на берег тонувшего бедолагу, им оказался обросший тщедушный немолодой мужик в зелёной экспедиционной одежде. «Ты, что геолог, что ли?» — спросил Кондрат. Нахлебавшийся воды «утопленник» согласительно кивнул головой. Паромщик быстренько увлёк геолога в дом. Дочь Кондрата, Мария, которую он называл Машуткой, подобрала одежду отцу и геологу. Достала из погреба разные соленья, выставила на стол утку, запеченную с яблоками. А сама побежала на работу. Машутка работала медсестрой в местной больнице. Она ждала из армии своего жениха, который должен приехать через месяц. Машутка с отцом жила уже много лет. Мать умерла рано. Дочери пришлось на свои плечи взвалить все женские дела. Рано научилась доить корову, стирать, вскармливать теленка и поросят. Паромщик вытащил бутылку с самогоном и сказал, что после такой встряски в ледяной воде нужно срочно выпить. Затем Кондрат затопил баню, чтобы основательно прогреться.

Геолог поведал, что вся партия вылетела из тайги на вертолёт, а он приплыл сюда, чтобы продать лодку с мотором, а затем уедет в экспедицию. Кондрат объяснил, что лодка эта с таким мощным мотором очень дорогая и в их деревне никто не сможет купить, поэтому он посоветовал съездить в соседнюю деревню, которая находится на противоположной стороне реки в двух километрах, там механик, работающий на элеваторе, давно мечтал о таком моторе, да и сын у него зажиточный, живёт в городе, каждую осень приезжает на рыбалку в эти края, поможет отцу деньгами.

На следующий день геолог съездил на элеватор, разыскал механика, который, увидев мотор на лодке, захотел проехать. Вскоре они срядились, но механик сказал, что деньги сможет привезти ему сын только в воскресенье. Поэтому договорились встретиться через четыре дня. В деревнях такие события распространяются с молниеносной скоростью. В обеих деревнях поползли слухи, что паромщик вытащил из воды тонувшего геолога и что этот геолог за баснословную сумму денег продаёт дорогостоящий мотор для катера.

В субботу к механику на элеватор приехали работники милиции и рассказали, что мотор с лодкой рабочий украл в экспедиции. Механик расстроился, ему очень понравился мотор с лодкой, уже он выпросил отпуск на следующей неделе, хотел уплыть в верховья реки орешничать и рыбачить. Следователь попросил не разглашать это, они должны арестовать, взяв его здесь с поличным. Механик не хотел ввязываться в это кляузное

дело, поняв, что геолог является отъявленным бандюгой, но работники милиции сумели объяснить механику, и он согласился. Разработали план захвата прохвоста. Даже договорились с механиком, что он приготовит стол с легкой выпивкой и закуской как магарыч обмыть покупку.

С субботы на воскресенье ночью на противоположной стороне парома загремели громкие удары об висящий кусок рельса на дереве. Паромщик тихонько оделся и направился к парому, он знал — это вызывают его. Кондрат нажал на кнопку выключателя, на столбе на берегу речки загорелась лампочка. На припаромке стояла грузовая машина с включенными фарами. Каждое утро машины, груженные зерном, уезжали в город, а ночью возвращались, обычно они приезжали раньше, а эта где-то подзадержалась. Паромщик переправил машину и отправился досыпать. Заходил Кондрат в дом очень тихо, чтобы не нарушить сон Машутки. Паромщику почудилось, что дочь всхлипывает, он остановился, затаившись, стал прислушиваться.

Неожиданно рёв дочери разразился на весь дом. Кондрат вбежал в комнату, включил свет и увидел истерзанную Машутку и оголенного геолога. Взревевший Кондрат бросился на подонка, своими жилистыми ручищами ухватился за горло и даже не почувствовал, что злодей перестал дышать.

Паромщика арестовали за убийство, но как только следователь получил объяснительные записки от работников всей бригады, Кондрата выпустили с подпиской о невыезде. Машутка долго находилась в больнице на лечении.

Вскоре следственные органы получили личное дело на задушенного. Оказалось, что он отбывал большой срок за убийство и изнасилование, дважды сбегал из тюрьмы. Числился в бегах, жил с поддельными документами. После этого Кондрата оправдали полностью.

Обряд из берлоги

В апреле начался разгар полевых экспедиционных работ. Большинство бригад ушло в таёжные маршруты. Я со своей бригадой ожидал конюха Егоровича, который должен пригнать лошадей, арендованных в колхозе недалеко от Нижнеудинска. Наконец Егорыч появился, я начал его журить за просроченное время, он обещал вечером объяснить мне причину его задержки. Лошади оказались упитанными, уже подкованными и с сёдлами. Для выхода в маршрут всё было готово, поэтому мы завьючили лошадей и отправились на далёкий свой участок. Продвигались медленно, приходилось часто останавливаться, поправлять сползающие вьюки, особенно при крутых спусках с гор и подъемах. Вьюки были очень тяжёлыми, ведь продуктов и прочего груза везли на всё лето. Иногда лопались подпруги и обычно под брюхом лошади, а туда мог подлезть только Егорыч.

С наступлением вечерней прохлады остановились на ночёвку. Бывалые рабочие сразу занялись каждый своим делом, а новички суетились, не зная за что схватиться. Пришлось приучать каждого к своей определенной работе. Егорыч занимался лошадьми, спутывал их и навешивал на шею колокольчики. В конце концов, установили палатки, разожгли костёр, повесили на таганок ведро с водой для ухи и новенький, не закопчённый чайник. Мастак в рыбной ловле Володя кричал с реки, чтобы забрали хариусов: на уху наловил. Уха на свежем воздухе, из только что наловленной рыбы в горной таёжной воде, оказалась на славу. После первого длинного перехода все устали и улеглись спать.

Мы с Егорычем остались у костра вдвоем. Он рассказал, что встретил в колхозе старого друга, но он, по заключению конюха, свихнулся с ума. С Варламом Егорыч познакомился очень давно, тогда вместе работали в одной изыскательской экспедиции конюхами. Однажды ехали верхом на лошадях вдвоём, перегоняли караван лошадей по тайге в колхоз, в посёлок Тележный. Вдруг услышали настойчивый лай собак далеко от тропы. Привязали лошадей к деревьям, взяли ружья и направились к собакам. Они бегали вокруг огромного вывернутого корневища, но лаяли не очень озлобленно. Конюхи поняли, что это медвежья берлога, до медведю залегать ещё рано, да и лай не очень настойчиво, очевидно, кто-то туда залез. Осторожно, держа на прицеле ружья, стали приближаться. Через корневые сплетения увидели зелёный брезент, стали вытаскивать, оказалось, в узле был упакован наряд шамана с бубнами и прочими причиндалами. Варлам

забрал тогда этот огромный узел и повёз домой в посёлок Тележный. Егорыч возмущался: «На кой леший понадобилась тебе эта рухлядь?»

Пока ехали до посёлка, Варлам рассказал, что в детстве видел здесь приезжих шаманов, нравилась их одежда с цветными яркими перьями, они действовали на всех людей завораживающе, возможно, какая-то магическая сила таится в их ритуальной одежде. Оказывается, что здесь, в долине реки Рубахиной, в давние времена, вплоть до тридцатых годов прошлого столетия, собирались один раз в год в декабре из Тофаларии мужчины всего племени на зимний суглане (съезд). Съезжались со всех улусов, избирали шуленгу — главного правителя Тофаларии. В это время тофы платили ясак (налог) шкурками соболя и белки. В этот период проходила торговая ярмарка. Купцы скупали пушнину в обмен на муку, соль, чай, порох, свинец. Шаманы совершали различные религиозные обряды, «излечивали» привезённых больных, хотя шаманы имелись в каждом улусе. Шаманы получали приличные вознаграждения шкурками соболя и белки. В тридцатые годы суглане прекратились. Шаманов начали преследовать. Очевидно, один из них упрятал свой наряд в заброшенной медвежьей берлоге и постарался исчезнуть.

Мы с Егорычем засиделись у костра. Дрова начали прогорать, мой постоянный спутник привстал, держась рукой за большую полусогнутую спину, подбросил несколько поленьев и вновь подсел ко мне. Прежде, чем продолжить своё сообщение, Егорыч расхохотался, вымолвив: «Варлам перевоплотился в шамана и ездит теперь за поборами в Тофаларию, я три дня его уговаривал отказаться от этого авантюризма, но не смог, он вновь уехал туда».

По словам Егорыча, Варлам посредственный охотник, стреляет не метко, излишне ленивый, вот и подыскал лёгкую себе жизнь. Началось с того, что он капитально отремонтировал шаманскую утварь и отправился на лошади в Тофаларию с целью обменять на соболиные шкурки. Остановился на окраине села у местного пастуха. В этот день у тофов происходил какой-то праздник. Варламу пришла в голову такая блажь: натянул на себя одежду шамана и появился на этом торжестве. Ударил в бубен и народ потянулся в его сторону. Шаманов народ давно уже не видел, тем более, в ярко-красочном одеянии от настоящего шамана. Он стал бить в бубен и вытягивать невнятно заунывную мелодию, вспоминая, как это делали шаманы-профессионалы. Народ принял его за настоящего шамана.

На следующий день к Варламу приносили больных детей на «излечение», стали увозить в стойбища к больным. Варлам изображал ритуал возбуждённой связи с духами, сопровождая пением и ударами в бубен. Люди верили в чудодейственность появившегося шамана. У него был

набор склянок с разнообразными формами, наполненных цветными жидкостями, всё это из запасника медвежьей берлоги. Варлам вошёл в свою стезю одурманивать народ. Он доказывал Егорычу, что он, действительно владеет уникальным волшебством, которое ему передалось от покойной бабушки. Бабушку его знали далеко за пределами их деревни. Она слыла по всей округе как колдунья, сохранявшая религию, основанную на вере в духов. Способность её магических слов могла причинить вред или избавить от него. Она насылала или снимала порчу — болезнь со своих сельчан. Особенно был велик суеверный страх перед болезнями.

Многие помнят проделки колдуньи в этой деревне. Однажды началась гроза. Табун деревенских коров возвращался в посёлок. Пошёл шквальный дождь. Колдунья вышла из своей калитки навстречу коровам, и они одновременно остановились как вкопанные. В это время промелькнула ослепительная молния, раздался гром и в деревне оказались убитыми два человека. Был и такой случай. Варлам вёз из леса на телеге, запряжённой парой лошадей ошкуренные брёвна для строительства бани, в это время по дороге проезжал лесник верхом на лошади. Он заставил увезти лес в лесничество, составил акт за безбилетную вырубку и подготовил документы для передачи в суд. Колдунья видела всё это. Её черные глаза горели от злости. Худая, сторбившаяся колдунья пошла к дому лесника и долго ходила вокруг дома, завешанная длинной чёрной шалью. Соседи украдкой наблюдали из окон своих домов. Лесник в деревне слыл очень жестоким, беспощадным человеком. Многие посылали свои проклятия разжиревшему лесному магнату. На другой день лесник поехал в Нижнеудинск и там погиб, попал под поезд, переходя железнодорожные пути.

Дом колдуньи люди обходили далеко стороной. Она приносила много неприятностей деревенским жителям.

Варлам возомнил, что от бабушки перешло ему много волшебства и знахарства. Он утверждал, что знал магические слова, с помощью которых управлял некоторыми жизненными процессами. Многие лечебные процессы он опробировал на лошадях. Мог остановить кровотечение, заставить лошадь приподнять переднюю ногу, быстро залечить рану. Когда у тофов Варлам сумел заставить оленя приподнять переднюю ногу у всех на глазах, все ахнули от такого удивления, тем более, что олень принадлежал местному фельдшеру. По всей вероятности, Варлам владел какими-то элементами волшебства и чародейства, которыми сумел обольстить горных людей.

Тофы не чаяли души в шамане. Возможно, произошли какие-то совпадения, но многие больные в какой-то степени почувствовали от его ритуальных воздействий себя лучше. Шаман преподносил людям, что все

его действия основаны на вере в духов. Варлам изучил, что тофы поклоняются богу Пурхану и организовал восхождение на святую гору Тат-Ээзи. После этого Варлам стал пользоваться среди тофов непререкаемым авторитетом. Из своего привилегированного положения шаман извлекал приличные материальные выгоды. В результате лечения больных, совершении обрядов он получал вознаграждения в виде шкурок соболя, белок, оленей.

Варлам даже предложил Егорычу пойти работать к нему помощником. Егорыч расхохотался и понял, что Варлам бесповоротно встал на путь шаманизма. Если бы тогда не обнаружили шаманский обряд в медвежьей берлоге, Варлам продолжал бы заниматься охотничьими делами.

Так разошлись судьбы двух друзей, Егорыч возвратился к нам работать проводником, а Варлам уехал в Саяны в далёкую горную страну Тофаларию заниматься шаманизмом.

Лыканька

Геодезисту Андрею Осиповичу Казакевичу выдали срочное задание: в течение полевого сезона закончить нивелирную трассу второго класса по берегу таёжной реки Большой Абакан. В предыдущем году эту трассу начинал прокладывать бывалый нивелировщик В.Б. Звонак, но из-за трагического случая работы были прерваны. Тогда бригадир Звонак попал на тропе под выстрел самострела, установленного Лыковыми вблизи их избы. Теми самими Лыковыми, про которых Василий Песков писал в газете «Комсомольская правда» о диком образе жизни таёжных людей и что их никто никогда не знал и не видел. На самом деле, геодезисты и топографы с ними встречались и все их избы изображены на топографических картах. Израненного Звоника бригада несколько дней выносила из тайги, он находился в бессознательном состоянии.

После этого случая Лыковы переместились выше по реке Большой Абакан в более глухие места. Начиная с тридцатых годов прошлого столетия, они меняли своё место жительства через каждые десять-двадцать лет, удаляясь в более отдалённые урочища. В период войны (1941—1945 гг.) и в первые послевоенные годы люди в тайге вообще не появлялись, но потом стали проникать по реке на моторных лодках, тогда Лыковы построили избы дальше от людских глаз. Долгие годы жизни семья проживала в устье реки Бедуй, здесь имеются горячие родники и значительные поляны, на которых они выращивали картофель, овёс, пшеницу, овощи. В те времена у них имелись лошади, коровы, козы и др.

Бригада под руководством Казакевича в составе семи человек из посёлка Матур, ведя за повод навьюченных лошадей, отправились в далёкий таёжный маршрут в верховья реки Большой Абакан. Первый день продвигались по тропе медленно, часто останавливались, поправляли вьюки, на второй день тропа порою исчезала, огромные вьюки задевали за стволы деревьев, поэтому темп продвижения снизился. На четвёртый день пошёл сильный дождь, поэтому решили переждать на бывшей Лыковской заимке. По всем признакам чувствовалось, что семья каждый год в летний период живёт на этой заимке, выращивая овощи, но на период прихода нивелировщиков хозяева ещё не появлялись. Избы были пустые. Бригада установила палатки, обычно экспедиционные бригады не поселяются в охотничьих избушках, потому что в них сохраняется запах сырости, плесени и в период отсутствия хозяев туда поселяются различные грызуны.

Утро было ясным, погода разведрилась, поэтому бригада быстренько начала завьючивать лошадей. Вдруг собака бригадира Лада начала громко лаять. Она бегала вокруг огромного кедра, заглядывала на его вершину и звонким голосом извещала о каком-то звере, находящемся на дереве.

Собаку бригадир приобрел в посёлке Таштыпе, она сразу сделалась любимицей в бригаде, она с достоинством выполняла многие команды, беспрекословно бросалась за брошенной палкой. Бригадир пошёл к Ладе, за ним потянулись самые любопытные. В кроне дерева, среди тёмно-зеленых его ветвей, затаился какой-то зверёк. Распознать его в густых сучьях не смогли. С помощью бинокля удалось установить, что это огромная домашняя кошка, очевидно, осталась после отъезда Лыковых. Когда увели собаку к лагерю, кошка стремительно стала спускаться, она оказалась очень пушистой. Натосковавшись о людях, кошка с любовью отнеслась к теплоте человеческих рук, громко мурлыкала при её поглаживании. Она быстро подружилась с собакой, её водрузили на вьюк передней лошади и она, спокойно озираясь по сторонам, торжественно восседала среди скатанных спальных мешков и прочего экспедиционного снаряжения.

Через несколько дней началось прокладывание нивелирной трассы. Продвигались медленно, сдерживала прорубка визирок. Берега реки очень заросшие, поэтому проходили в день по два-три километра. В процессе работы кошка всегда находилась рядом с бригадиром, если собака бегала от одного речника к другому, затем бегала по всей местности кругами, то кошка следовала за одним человеком, при измерительных работах она лежала на травке. Вечером, когда все занимались приготовлением ужина, она вылавливала вокруг палаток грызунов и приносила их в зубах к костру, иногда среди мышей оказывались крысы, ласки и даже бурундуки.

Вскоре в бригаде обнаружили, что их кошка, которую назвали Лыканькой, обладает целительными свойствами. Вначале это испытал бригадир, у которого разболелся желудок, несколько дней он не вставал из-за сильных болей. Однажды Лыканька проникла к больному в спальный мешок, улеглась на больное место и долго мурлыкала. Прележала она около двух часов, затем ушла, и боль прекратилась. Через некоторое время у одного из рабочих перехватило поясницу, не мог даже встать. Пытались снять боль с помощью прикладывания горячих камней и песка, затем жалили крапивой до волдырей, но ничего не помогало. Однажды Лыканька пробралась в спальный мешок, распласталась своим огромным пушистым туловищем на пояснице и лежала урча несколько часов. Больной не шевелился, боялся спугнуть целительницу, ощущая улучшение в спине. Через некоторое время Лыканька покинула речника, и боль в спине исчезла. В течение лета Лыканька устранила и излечивала работникам

простудные заболевания, которые возникали после переправ через холодные реки и на горных перевалах вблизи ледниковых скоплений. Все восхищались чудодейственностью своей любимой кошечки.

Полевой сезон подходил к завершению. Закончились продукты, работ оставалось дней на двадцать. Бригадир принял решение: отправить помощника со всей бригадой на лошадях к Телецкому озеру за продуктами, а сам остался заниматься камеральными работами, т.к. накопилось много вычислений и оформлений журналов и абрисов. Три дня геодезист, не разгибаясь, занимался оформительскими работами. Вечером, как обычно, приготовил ужин из остатков макарон, накормил Лыканьку, она к пище была непривередливой, ела всё, чем питалась бригада. Очень любила рыбу, когда удавалось рыбачить, и свежее мясо, но его редко удавалось иметь, потому что для охоты нужно время, а его не было. При костре камеральными работами заниматься темновато, поэтому бригадир рано улёгся спать. Лыканька спала в палатке с Андреем, у неё имелось свое место у выхода из палатки, её постельной принадлежностью была шкурка кабарги, которую удалось застрелить одному из речников в первые дни работы.

В три часа ночи кошка с разъяренным визгом бросилась из палатки. Встревоженный геодезист выскочил из спального мешка, схватил карабин и — на выход. Лыканька с раздирающим пронзительным визгом запрыгнула на рядом стоящее дерево, издавая тревожные звериные сигналы о чрезвычайной, настигшей опасности. Темнота не позволяла рассмотреть и увидеть эту опасность, которую кошка распознала в абсолютной темноте, хотя с приближением рассвета видны были контура деревьев и силуэты палаток. Бригадир по контурным очертаниям обнаружил, что одной палатки уже нет.

Сзади раздался громыхающий рёв медведя, он находился совсем рядом. Казакевич стал стрелять в кромешную темноту. По треску сучьев бригадир понял, что хозяин тайги удалился. Лыканька своими глазами с ночным обзором убедилась, что косолапый ушел, спустилась с дерева. Бригадир, дрожа от ночного испуга, разжёг огромный костёр, не выпуская оружия из рук. До самого рассвета Андрей сидел у костра, поглаживая мурлыкающую кошечку с благодарностью за то, что она спасла ему жизнь, предупредив от ночного нападения. Утром геодезист взял удочку и направился ловить рыбу, чтобы накормить свою спасительницу и увидел, что палатка, расположенная ближе к берегу реки, разодрана и все в ней содержащиеся вещи разбросаны. Значит, кошка услышала разгромное нападение на палатку, в которой проживали рабочие, и подняла тревогу с надрывающим визгом и рёвом на всю таёжную округу.

После обеда появилась бригада, с ними приехал егерь с напарником и с собаками с Телецкого озера. Он рассказал, что в этих местах бродит медведица-людоедка, которая уже натворила много горя. Оказывается, месяц назад недалеко прокладывали новую дорогу через горный перевал методом взрыва скал. Под завалами скальных пород бульдозеристы обнаружили двух погибших медвежат. Медведица теперь расправляется со всеми людьми, которые ей попадаются, за гибель своих детей. Задача егеря: обнаружить с помощью собак людоедку и застрелить, иначе она наделает уйму трагедий. Собаки взяли след от разодранной палатки, и охотники верхом на лошадях отправились за собаками.

Через два дня охотники возвратились с низовьев реки, на одной лошади была завьючена медвежья шкура, а саму людоедку они сожгли.

В течение трех недель после событий с медведицей нивелирную трассу удалось завершить и бригада приступила к спуску с горного перевала в сторону цивилизованного края. За два дня добрались до бывшей заимки Лыковых, где четыре месяца назад обнаружили бездомную кошечку. Картошка на полянах оказалась уже выкопанной, овощи убранными. На краю поляны бригадир увидел бородатого коренастого мужчину, который грузил на лошадь мешки с картошкой. Геодезист подошёл к Лыкову и рассказал про кошку, затем увидел у Лыкова за поясом топор, состоящий из обуха и маленькой части совсем изношенного лезвия. Казакевич крикнул принести из вьюков топор, кастрюлю, чайник, ведро. Всё это бригадир подарил немногословному Лыкову, а бородач насыпал Андрею с ведро кедровых орехов.

Караван навьюченных лошадей нивелирной бригады отправился в маршрут в низовья реки Абакан. И здесь все спохватились, что кошка сбежала. Очевидно, она услышала голос Лыкова, своего хозяина, и ушла к нему восвояси, а бригадир мечтал порадовать своих домашних ласковой целительницей Лыканькой.

Гибель от энцефалита

Работая в Баку, начальник цеха Николай Григорьевич Кострыкин рассказал мне одну трагическую историю. Это произошло с ним, когда он работал в Хабаровском предприятии на полевых работах в Уссурийской тайге. Выполнял он топографические работы, бригада передвигалась пешком. Однажды поднялся на вершину сопки и обомлел. На самом возвышенном месте установлен надгробный крест, на прикреплённой дощечке написано: «Геодезист Власов А.Г. погиб от укуса энцефалитного клеща 1914—1943 гг.». При взгляде на скорбную запись, Николая охватила тревога, на душе сделалось печально, совпадали два фактора — это профессия геодезиста и возраст двадцать девять лет. Очевидно, бедолага здесь и захоронен, потому что ближайшие деревни находятся за двести километров.

Бригадиру пришлось рядом с могилой установить штатив с теодолитом, но сильная жара не позволила проделать измерения, пришлось перенести наблюдения на вечернее время, а к вечеру подул порывистый ветер, налетели тучи и началась гроза. Ночевали недалеко от могилы. На утро проделали все измерительные работы, установили вежу и бригада приготовилась к маршруту на соседнюю сопку. Вдруг геодезист обнаружил у себя в паху впившегося раздутого клеща. Николаю сделалось плохо, действовало самовнушение от скорбной записи на дощечке. Рабочие помогли инженеру избавиться от клеща, но головка этого коварного насекомого осталась в теле. Потратили много времени для извлечения оставшейся части клеща. После этого бригадир поспешил идти в ближайшую деревню, до которой более двухсот километров. Геодезисту казалось, что у него поднимается температура, в маршруте через каждые два часа Николай измерял температуру, но она находилась в пределах допустимой. Весь экспедиционный тяжёлый груз оставили в тайге, поэтому шли налегке очень быстро. В пути Кострыкин жаловался на головную боль, иногда его подташнивало.

Клещ оказался не энцефалитный, это подтвердили врачи в больнице, сделав анализ взятой крови, а недуг инженер испытывал в маршруте, очевидно, от переутомления. После этого потрясения Кострыкин категорически отказался ехать на полевые работы и стал работать начальником камерального цеха, ну а после того как в Баку организовалось новое аэрогеодезическое предприятие, он вместе с семьёй переехал туда и возглавил камеральный цех.

Многие годы я пытался разыскать истоки этой трагической гибели и такого удалённого захоронения от деревень геодезиста Власова в Уссурийской тайге. Недавно бывшая работница Новосибирского предприятия М.Г. Петренко прислала мне некоторые подробности этой трагедии.

Анатолий Георгиевич Власов по окончании Томского топографического техникума в августе 1938 г. был направлен в Новосибирское предприятие, в полевой отряд № 48, который в то время базировался в селе Переяславка Хабаровского края. В 1947 г. отряд был передан в подчинение Иркутскому аэрогеодезическому предприятию, который стал базироваться в г. Свободный, затем отряд был передан Хабаровскому предприятию, поэтому разыскать истоки оказалось очень сложно.

В бригаде Власова было четыре человека, помощником работала жена и двое рабочих. За четыре полевых сезона геодезисту удалось поработать в разных регионах Сибири и Дальнего Востока, а на пятый год предложили Уссурийскую тайгу, его, как опытного, отправили в самый отдалённый регион, где отсутствовали населённые пункты. В Уссурийской тайге Анатолию работать нравилось. Один из рабочих имел большой опыт в охотничьем деле. Поэтому в период отсутствия продуктов его освобождали от работы, он отправлялся в речную долину и всегда возвращался с мясом. С продуктами питания в те годы было очень сложно. Шла ожесточённая война, на территорию Дальнего Востока требовались срочно топографические карты, поэтому большое количество геодезистов, топографов и картографов было сосредоточено в этом регионе.

За апрель и май геодезист Власов сумел обследовать и проделать геодезические измерения на огромнейшей площади. Работали пешком, на свои широкие плечи Анатолий взваливал груз в два раза больше, чем остальные, да и ростом он был почти на полметра выше своих бригадных рабочих. Однажды на вершине сопки в процессе геодезических измерений, бригадир вдруг ощутил за пазухой боль, засунул руку и обнаружил впившегося клеща, выдернул его. На другой день Анатолий почувствовал слабость и головную боль. Предстояло перейти на другой хребет. Недомогание остановило передвижение. Бригадир начал заниматься камеральной обработкой, решив, что это простудное заболевание. Накануне пришлось переходить через реку, вода была очень холодной. Брод оказался глубоким, сразу разожгли костёр, просушились. Анатолий доказывал жене, что это простудное заболевание, которое происходило уже не один раз, но она поняла, что дело более серьёзное, стала уговаривать отправить рабочих в деревню, а это более двухсот километров. Бригадир передвигаться уже не мог. Шли дни, он слабел с каждым днём. Унести рабочие его не могли, он

высокий и крепкого телосложения, жена не могла оказать помощь в переноске мужа, потому, что была беременна.

У Власова поднялась температура, только тогда он согласился отправить рабочих за помощью. Жена готовила различные отвары из трав, пыталась сбить температуру. Геодезист никакой пищи не принимал. Температура становилась критической. На второй день после ухода рабочих, бригадир стал терять сознание, иногда бредил, в его путанных словах чувствовалось, что он просил скорее установить теодолит, торопясь измерить и уйти на параллельную часть горных хребтов. Его тело становилось огненным. Он постоянно просил пить. Прошёл ещё день, геодезист потерял сознание.

Жена чувствовала, что муж уходит из жизни. Она молча заливалась слезами. Прожили они всего полтора года. Постоянно находились в таёжных маршрутах и вдруг в далёкой Уссурийской тайге на вершине высокой сопки они вдвоём. Он тихо стонал, она плакала горькими слезами. С каждым днём стон становился слабее и громче судорожное рыдание. Так и закончилось последнее дыхание Анатолия на руках жены. Ещё три дня и три ночи она находилась с умершим мужем до прихода помощи, которая уже не требовалась.

Здесь же на сопке и захоронили геодезиста Анатолия Георгиевича Власова. Жена возвратилась в Новосибирск с седой прядью в волосах на голове. Вскоре она родила дочь.

В те годы в Дальневосточном регионе очень много экспедиционных работников страдали от укусов энцефалитных клещей. Значительное количество болезней заканчивалось параличом, а иногда смертью. Молва в народе шла, что энцефалитное заболевание распространилось от японской границы и переносчики этой болезни — клещи стали постепенно проникать в Сибирь, а в последующие годы они освоились и в Европейской части нашей страны, нанося огромный ущерб всему человечеству.

Голя-шутник

В Норильский объединённый авиаотряд поступила тревожная радиограмма из геодезической бригады: «Я ошибочно застрелил нашего рабочего Толика, приняв его за медведя, он ещё подаёт признаки жизни, прошу срочно выслать вертолёт. Два дня назад нас доставил на одну из вершин плато Путорана лётчик Володя Новиков, нашу стоянку он знает. Радист Роман». Командир вертолёта Новиков в этот момент находился в полёте, возвращался из санрейса. На борту был врач, который вылетал по вызову прокладчиков газовой трубы. Ас среди лётчиков Заполярья Владимир Иванович Новиков — единственный командир вертолёта первого класса в отряде имел разрешение на ночные полёты. Наибольшую нагрузку он испытывал в зимний период, когда на севере постоянная ночь, но и летом в непогодные дни ему приходилось постоянно выполнять различные срочные рейсы с формулировкой диспетчера «посадка, взлет, полёт разрешается на усмотрение командира вертолёта». За заслуги в работе в северных условиях Новиков награждён орденом Ленина.

Получив тревожное сообщение от руководства авиаотряда, Новиков разворачивает вертолёт в сторону гор Путорана и сообщает об этом дремлющему в салоне врачу, тот разводит руками и вновь закрывает глаза. Этот врач когда-то был сослан в Норильск, потом его реабилитировали, но он так и остался здесь. Спас жизнь многим северянам. Однажды прилетел в рыболовецкую бригаду, установил, что у бригадира воспаление аппендикса. Нужно срочное хирургическое вмешательство, поэтому погрузили больного в гидросамолет для доставки в Норильск, не смогли завести двигатель из-за того, что вышли из строя аккумуляторы. Больной находился в тяжелом состоянии, его тошнило, поднялась температура. Врач знал, что скоро наступит прободение отростка и наступит перитонит, тогда спасти рыбака будет невозможно.

Доктор принял решение: делать операцию здесь, на берегу озера. В этих природных условиях он удачно вырезал аппендикс, воспользовавшись костром и кипячёной водой. Через много-много часов прилетел другой гидросамолет с аккумуляторами, он забрал больного с врачом и увёз в Норильск. Конечно, рыбака за это время в живых бы не остался.

Новиков, пролетая над горной тундрой, вспомнил, что год назад подобная ситуация произошла у геологов, тогда ему пришлось вывозить застреленного рабочего с берега Енисея. Рабочий тогда обернулся в медвежью шкуру и с громким рёвом направился к костру, у которого

коротали вечернее время геологи. Ему взбрело в голову напугать своё начальство. Сидевший с краю начальник партии всю обойму и всадил в рычащего медведя. Пришлось Новикову привозить на вертолёте следователя и комиссию по расследованию этого несчастного случая.

Новикову припомнились слова, которые он высказывал два дня назад, улетая из бригады геодезистов: «Вы только пришлите радиограмму, и я сразу к вам примчусь, могу летать к вам каждый день, если согласитесь». Девушки улыбались, глядя на стройного высокого командира вертолёта с густой волнистой шевелюрой. И действительно, поступила радиограмма буквально через два дня. Лётчик тогда подшучивал над геодезистками, уповая, что таким красивым девушкам на летний сезон нужно ехать загорать, отдыхать на Черноморское побережье, а они приехали на побережье Ледовитого океана кормить своей драгоценной кровью комаров и мошек. Старшую девушку они все называли Юлией Ивановной, она оказалась руководителем бригады. Юлия Ивановна Чудинова — инженер геодезист, её помощница совсем молодая Люда. В бригаде имелся рабочий Анатолий и радист Роман со своей громоздкой радиостанцией.

После того, как вертолёт улетел, бригада занялась обустройством своего лагеря. Установили две палатки, разобрали оборудование, девушки расчехлили свой высокоточный теодолит, проверили его состояние после далёкой перевозки инструмента из Новосибирска до Путорана, затем начали готовить журналы наблюдений для предстоящей работы. Бригадир успевала вникать в бумажные дела, давая деловые советы помощнице и параллельно следила за организацией хозяйственных дел. Прежде всего отправила мужчин в речную долину на заготовку дров для костра. Хиловатые лиственницы произрастали на обоих берегах реки. Деревья нужно было спилить и заготовить дрова. Здесь же, в долине, Роман подыскал тонкоствольные лиственницы для антенны и начал устанавливать радиостанцию, а рабочий Анатолий занялся приготовлением ужина. Всё это делалось под присмотром бригадира, потому что радист и рабочий впервые оказались в экспедиционных условиях, хотя при приёме на работу им объясняли, какими работами придётся заниматься в течение всего полевого сезона, но первые дни приходится бригадиру подсказывать и контролировать, зато в последующем каждый занимается своим делом и вмешательства не нужны.

Утром следующего дня отправились на вершину горы Лонтоко, на которой установлена пирамида. Ушли втроем: обе девушки и рабочий, а радист остался в лагере заканчивать установку радиостанции. Погода оказалась пасмурной, очень удачной для измерений, поэтому за день удалось проделать все наблюдения.

Инженер Чудинова такими работами занималась уже не первый год, она чётко использовала дневные и вечерние часы наблюдений для измерения горизонтальных и вертикальных углов. Как обычно, в первый день проявляются все недочёты организационного характера. Не взяли с собой гвоздей, а многие шпонки на знаке рассохлись, потребовалась ножовка для выпиливания ноги знака, перекрывшей видимость на соседний знак, и другие мелочи, которые сбивали ритм в работе измерений. В конце концов, все работы были завершены до наступления темноты, а темноты полной на севере в летний период не бывает совсем, поэтому с наступлением сумерек отправились в лагерь. Настроение было прекрасное, за один день сумели проделать все измерения, хотя было очень много направлений.

Бригадир с Людой приотстали, а Анатолий ушёл вперёд. До лагеря требовалось два часа времени пройти пешком. Идти легко, пологий склон, покрытый обомшелыми камнями, деревьев нет, кое-где встречались небольшие кустарники и мелкая растительность с крохотными цветочками. Рабочий быстро скрылся из вида, направляясь в сторону лагеря.

Подходя к палаткам, Толя решил подшутить над Романом. Натянул черную сетку накомарника на лицо, подкрался к задней стенке палатки, где находился радист, увлечённый какими-то делами своей радиостанции, а рабочий, изображая медведя, с треском и шумом начал ползком пробираться в палатку, приподнимая её заднюю часть.

Радист, наслушавшись всяких происшествий с нападением медведей, смертельно боялся их появления на своем пути, и он, недолго думая, схватил своё заряженное ружьё и бабахнул в залезающего «медведя». Вдруг Роман услышал страшный крик не медведя, а человека. Испуганный радист понял, что произошло ужасное, он выстрелил не в медведя, а в Анатолия. Когда подошли Юлия Ивановна с Людой, Роман сидел уже у радиации, сообщая, что он застрелил человека и просил срочно прислать вертолёт и сидел до тех пор, пока не получил ответ, что вертолёт будет отправлен.

Прилетевший врач осмотрел израненное лицо, сделал уколы, и его быстро увезли в Норильск. Радист тоже улетел. Девушки остались одни. Бригадир в первую очередь начала разбираться с радиостанцией, чтобы установить радиосвязь и узнавать о состоянии здоровья рабочего и передать о всем произошедшем руководству экспедиции. В конце концов, радиосвязь была восстановлена, потому что Юлия немного разбиралась в аппаратуре. После окончания школы она закончила техникум связи, а потом Новосибирский геодезический институт. Утром и вечером бригадир выходила на радиосвязь, а днем девушки занимались геодезическими измерениями на ближайших пунктах триангуляции.

В Норильских больницах работали очень знающие врачи, некоторые из них бывшие ссыльные. Они сумели по косточкам восстановить лицо «шутника», даже отремонтировали язык, который был разорван. Пострадал Анатолий за свои шуточки капитально. Благодаря высочайшей квалификации врачей, рабочего вылечили полностью. Неудачника мучила совесть, что из-за его проказных действий был нарушен ритм работы бригады и нанесён материальный ущерб.

На следующий полевой сезон Анатолий вновь появился в экспедиции, стал работать у Ю.И. Чудиновой, она уже работала в должности начальника партии.

С мечтой о Нижней Тунгуске

Подружились в Томском топографическом техникуме с первых дней учебы два Якова — Иванников и Чернов. Вместе ходили в стрелковую секцию, потом увлеклись боксом. После окончания учёбы тёзки поехали в Новосибирское предприятие. В отделе кадров молодых специалистов хотели отправить в разные отряды, но они уговорили не разлучать их и отправить обоих на север, в отряд № 52, который базировался в посёлке Байкит на Подкаменной Тунгуске.

Во время учёбы оба зачитывались книгой В.Я. Шишкова «Угрюм-река» и грезили попасть в эти места на реку Нижняя Тунгуска в фактории Тутончаны. Повезло друзьям, они попали к прекрасному начальнику партии Константину Галактионовичу Ковалёву, у которого за плечами имелся огромный опыт работ в топографии. Он начал работать в предприятии топографом в 1937 г., в 1941 г. ушёл на фронт, в 1947 г. возвратился вновь в предприятие на полевые работы.

Тёзки радовались тому обстоятельству, что они попали работать в междуречье между Тунгусками — всемирно известное место, где в 1908 г. взорвался Тунгусский метеорит. В июле топографов разлучили. Каждому выделили по десять выючных оленей для перевозки грузов, каюра-эвенка и двух рабочих в каждую бригаду. Началась экспедиционная жизнь на огромнейших таёжных просторах Эвенкийского округа.

Начальник партии К.Г. Ковалёв сразу определил, что девятнадцатилетнему Яше Иванникову трудно будет вживаться в суровые северные условия, да и сложно управлять рабочими — бывшими заключёнными, поэтому в первый маршрут направился именно с этим новичком. В течение недели руководитель убедился, что у топографа прекрасные технические знания, ведь на протяжении всего периода полевых работ молодому специалисту спросить не у кого, радиостанций не было. Все проблемы должен решать самостоятельно. С рабочими он вёл себя вполне уверенно. Начальник партии для себя сделал заключение, что у молодого топографа имеется один недостаток — с большим трудом переносит физические нагрузки, а физико-географические условия региона чрезмерно тяжёлые. Ежедневно приходится преодолевать значительные расстояния. Часто приходится переходить вброд, а иногда вплавь реки, в которых судорогой сводит ноги и руки от холода. Ковалёв убедился, что топограф может самостоятельно осуществлять работу и руководить бригадой, поэтому через неделю ушёл на базу партии.

Объём работ оказался очень большим, поэтому все бригады продолжали осуществлять маршруты до глубокой осени, даже заканчивать пришлось по снегу. После окончания полевых работ все начали выходить в Тутончаны, обмениваться мнениями. Яша Иванников рассказал своему тёзке, как ему удалось застрелить матёрого волка с одного выстрела, подтвердив, что не зря они занимались в стрелковой секции. А случилось это так. Каюр с оленями и рабочими отправились на фабрику за продуктами, а топограф остался заниматься вычислениями. Вдруг на противоположной стороне ручья увидел мчащегося с огромной скоростью лося, а перед лосем бежал маленький лосёнок, и здесь Яша увидел четырех бегущих волков за лосями. Самый большой волк пытался обогнать огромного лося и броситься на малыша. Топограф прицелился и застрелил волка. Оставшиеся три волка сразу исчезли в лес, а лось с лосёнком продолжили бежать.

На второй день возвратился караван, Яша показал волка каюру, и тот объяснил, что за шкуру этого матёрого волка в Туре дадут большое вознаграждение. Топограф подарил эвенку убитого зверюгу, и каюр начал снимать с него шкуру, а клыки каюр отдал бригадиру для талисмана. Яша поделился и один клык отдал своему тёзке.

Непрерывные снегопады и нескончаемая пурга порою прекращались, начинались сильные морозы, поэтому на базе партии скопилось много бригад, а самолет обещали только в феврале.

Наступили лютые декабрьские морозы, дни становились совсем короткие и полутёмные. От начальника отряда В.С. Рябова поступило распоряжение начальнику партии — привезти все полевые материалы в Байкит. Начались сборы. Предстояла очень длинная и сложная дорога. На оленьих упряжках по льду реки Нижняя Тунгуска триста километров до посёлка Виви, а затем по тайге через горы до Подкаменной Тунгуски ещё четыреста километров. Такой длинный путь в суровый зимний период Ковалёву преодолеть не приходилось. Готовились к этому многодневному маршруту несколько дней. К поездке приготовились географ Нина Савельева, топограф Яша Иванников, поехала местная жительница эвенкийка Люба, ей нужно было в Туру на учёбу, и проводник эвенк Володя. Для каждого человека имелась упряжка из двух оленей, запряжённая в нарты, и ещё одна упряжка с материалами, кроме того, проводник взял несколько запасных оленей. На базе партии остались топографы Я. Чернов, А. Пантюхин, Г. Ненашев и рабочие. Выезд наметили на девятнадцатое декабря. К их каравану присоединились ещё три упряжки: секретарь окружкома партии — Хлызов, следователь окружной прокуратуры и их проводник.

Эта трагическая поездка, в которой замёрз топограф Яша Иванников, затянулась более, чем на месяц, пришлось изменить маршрут, и в Туру добрались только в конце января. Эту страшную эпопею описал в своих воспоминаниях начальник партии К.Г. Ковалёв, я воспроизвожу эти описания с некоторыми сокращениями.

Погода была сравнительно тёплая. Шёл снежок. Олени, застоявшиеся, вихрем рванулись вперёд по видневшейся нартовой колее, посередине реки, и мы почувствовали себя очень уверенными, доверившись чутью оленей.

Проехали часа два и подъехали к первому чуму, но он оказался пустой. Через несколько километров подъехали ко второму чуму, залаяли собаки. Из чума шёл дым. Зашли с Иванниковым в чум и увидели чаевничавших старика и старушку. Они угостили нас чаем с лепёшками, а я достал конфет и выложил на стол для всех.

Поблагодарив хозяев, поехали дальше. Дорога была хорошая, но усилился встречный ветер, начал поднимать позёмку. Вскоре это перешло в пургу. Мороз усилился, к утру было уже градусов тридцать. Ехали днём и ночью.

К утру, часов в пять, приехали на почтовый станок, который был в «голомо». Но станочника не было. Голомо — это круглая яма диаметром метра три, глубиной с полметра. Крыша сложена из колотых бревен. Стыки заложены мхом и засыпаны землёй. Для дымохода вверху оставлено круглое отверстие в диаметре сантиметров 30. Для спуска выкопаны ступеньки. Вместо дверей — кусок брезента. По середине голомо стояла печка. Был и запас дров, это нас обрадовало.

Распрягли оленей и отпустили кормиться, затопили печку, поставили чайники, набив их снегом. К ужину нарубили топором мёрзлого хлеба и вареного мяса. А девушки были предприимчивее, они заварили пельмени и нас угостили.

Спали хорошо, не раздеваясь, в спальных мешках.

20 декабря. Проснулись поздно. Мороз резко усилился за 50 градусов. Оленей проводник нашёл к вечеру. Запрягать должны каждый своих оленей, а мы трое не умели, и проводник взялся нас учить, особенно вязать эвенкийские узлы на верёвках.

Выехали, когда уже стемнело. А сам день-то, собственно, на день не похожий. Так, посереет часа четыре, и снова темнота. Если нет луны, то хоть «глаз выколи». Правда, от снега есть некоторая видимость.

А олени сегодня пошли уже не так ретиво, как вчера. На этом перегоне нам встретился встречный караван из фактории Учами. Это хорошо. Проложен след. Ехали всю ночь и день 21-го числа, и снова наступила ночь. Всю дорогу мешала нам встречная морозная позёмка. И вот у Иванникова

вдруг упал олень. Подменили его из грузовой нарты. Всё равно не идут. Что делать? Караван ушел далеко вперед. Я тогда выстрелил из немецкого карабина (маузер). Эхо гулко покатило по долине. Через некоторое время к нам приехал проводник с запасным оленем, которого мы и впрягли к Иванникову.

В полночь окончательно замёрзли. Температура явно была далеко за 50°. Воздух при дыхании осязаемо шуршал ледяшками. Наконец, первые нарты свернули к лесу, и у леса караван встал. Проводник предложил грузовые нарты оставить на опушке леса, т.к. чум далековато, ехать в гору, и свободные олени пусть идут запасными. В лесу снега много, колея глубокая. Олени бегут неудержимо, чуют отдых. Ведь в пути без отдыха почти полтора суток, голодом.

И вот наконец увидели чум — тоже голомо. Станошницы также нет. Дров тоже нет. Это очень досадно. Отпустив оленей, принялись за заготовку дров, и вскоре запылала печка в голомо. Приготовили ужин, наелись и улеглись спать уже утром. Как приятно засыпать в тепле.

Проспав часа три, начали подниматься. Поднял всех холод. Замёрзли. Затопили печку, приготовили завтрак. Проводник, быстренько покушав, ушёл искать оленей. Долго он их искал, вернулся удручённым. Выпил горячего чаю, достал лыжи и снова ушёл. Вскоре пригнал одну группу оленей. Оседлал одного из них и уехал верхом. Наконец, в темноте пригнал остальных.

Запрягали оленей каждый в свою нарту сам. На дорогу перекусили и выехали.

А день-то фактически уже прошел. Выехали на реку, а там сам чёрт не разберет, что творится. Снег крутит, завывает пурга, противоположного берега не видать. Я подпряг грузовые нарты и пустился догонять караван. Едут шагом, все попрятались в спальники. Через некоторое время вдруг олени почему-то начали падать, сбиваться с пути. Я заметил, что под снегом вода, вымочил унты, и они тут же обледенели. Весь караван расстроился, начал метаться, и тут проводник закричал: «Срубайте топором лёд с копыт оленей и с полозьев». И начался бешеный аврал: срубаем лёд с копыт, олени дергаются, брыкаются, поднимаешь тяжёлые нарты и рубишь с них лёд. А на бокарях снова куча мокрого снега, его очищаешь. Унты стали тяжёлые. Устав, падаешь на нарты, ткнёшь помаленьку оленей хором, а они всё равно, как сумасшедшие вскакивают и рвут постромки, т.к. нарты стали тяжёлыми. Снова надо вязать верёвки, обрубать лёд. Жуткое дело. Потом уже подходишь к оленям осторожненько, берешь их под уздцы и вежливо поднимаешь, а как они тронутся, тогда падаешь на нарты и едешь, радуясь,

что ты выбрался. От волнения и суматохи даже вспотеешь, волосы становятся мокрыми, а потом от холода быстро замерзаешь.

Наконец караван пошёл, но дороги по-прежнему не было. Перемело. Проводник измаялся; то он идёт на лыжах впереди каравана, немного проедет, и снова та же чехарда, стали подменять его по очереди.

В таком вот кошмаре прошла ночь.

Засерел день 23 декабря. Хмурый, с колючим ветром, с позёмкой, но пурга прекратилась. А мороз, чувствуем, не меньше 60°. С боков сереют побелевшие от пурги таёжные берега. Безжизненный пейзаж. И как не трудно ехать, но днём всё-таки веселее. И спать, как будто бы, не хочется, а ночью без конца засыпаешь и мерещится чум или огоньки деревни.

И пролетел этот серенький день без особых приключений, и снова ночь. Снова попали в наледь. Пробивались через неё не менее двух часов. Какой это адский труд. Бокари обледенели, стали тяжелые, нарты тоже стали нескользкие, тяжёлые, оленям трудно их тащить, и продвиг получается медленный. Устали невероятно. Едешь, а «нёга» (возжа) привязана за левую руку, в правой держишь хорей и думаешь: «Как бы не растерять это всё».

Так, очнувшись от очередного «дрёма», я увидел, что мы едем от одного берега к другому. А река шириной до 700 метров. Гляжу, головные олени заворачивают даже назад. Что такое? Ведущий заснул. Я стал кричать. Подняли головы и другие. Проснулся и головной и, ругаясь, начал выправлять оленей вдоль реки.

Вот так пойдет теперь и следующий караван, повторяя нашу петлю. Вдруг река сделала крутой поворот, и стало тихо, даже вроде теплее. И дорога появилась хорошая, олени пошли бегом. Сон прошел. Миновали поворот реки, ветер вновь ударил в лицо со снегом, и вокруг завихрило, как в хороводе. Переехали на правую сторону реки, на пляжную половину, и вдруг дорога исчезла, снег пошел глубокий. Олени начали падать, и в этот момент я услышал лай собак. Думал, почудилось, но тут, где-то высоко мелькнули огоньки фактории Учами. На сердце стало радостно. Но олени «расписались» совсем, не идут. У меня легли и не встают. Свалились и у Яши, и у девчат. Проводник почему-то повернул своих оленей на реку. Поземка забивала глаза. Подшлемник на лице с полотенцем превратился в ледяное «забрало». Через некоторое время я своих оленей поднял, распутал постромки и с трудом повёл упряжку по следу Володи, догнал его, и тут из снежной мглы вынырнули прямо на мои нарты рога и головы оленей, как снежный ком. Оказалось, подъехал Иванников, молодец. Проводник сказал, что давайте пробиваться в посёлок, а за девчатами он съездит с подменными оленями из посёлка.

Дорогу в факторию олени нашли каким-то чудом, поднялись на высокий берег. В фактории почему-то все растерялись среди домиков. Мои олени промчались по переулку и оказались в кустах, запутали постромки. Развернув и распутав упряжку, повёл её в поводу к домикам. Остановился у первого дома и решил зайти в дом обогреться. Зайдя в дом, я поздоровался и попросил чаю.

Квартира была чистая, опрятная. Стены побелены. Хозяйка-эвенка, молодая, лет тридцати, опрятно одетая, приветливо встретила меня, достала из русской печи чайник и налила кружку горячего, хорошо заваренного чаю с молоком. Нарезала белого хлеба, поставила сахар, мясо.

Я тем временем разделся и сел за стол не умываясь. Не мог. В комнате жарко топилась печка, было так тепло и уютно, что лучше и не надо. Я взялся за еду, но меня быстро разморило, потянуло спать. Но я пересилил себя и попросил еще кружку чаю. Хозяева сидят и молча смотрят на меня, после второй кружки начал приходить в себя, заговорил. Спрашиваю: «Кто здесь живёт?».

— Председатель колхоза, — ответила хозяйка.

— Вот-так да! — подумал я, — попал к самому начальнику.

И тут зашел Иванников.

— О, ты уже пьешь чай, Галактионыч, а я пропутался в посёлке. Кое-как нашел кочсовет, тебя потерял, замёрз.

Председатель усадил и его перекусить с дороги.

Оказалось, что мы в фактории прокрутились почти час и время было уже 11 часов вечера.

Подкрепившись, мы с Иванниковым пошли в магазин, закупили свежего хлеба — белого, сушек-баранок, сахару, конфет, масла и стужённого молока.

На квартире хотели было продолжить ужин вместе с хозяевами, но усталость склонила нас ко сну, и мы развернули спальники.

Утро 24 декабря для нас было, как в раю. В спальнике жарко. Вышли с Яшей на улицу, а там морозище — не продохнешь. Туман плотно окутывал посёлок. Замерили термометром-пращом температуру и оказалось -61 градус. Сходили насчёт оленей, но для нас в колхозе близко оленей не оказалось, пообещали на 25-е число.

Дома же хозяйка нажарила нам на завтрак громадную сковородку оленьего мяса. После завтрака пошли к своим девчатам. Они тоже уже позавтракали.

Этот перегон до станка должен быть километров сорок. Следы нарт быстро заносило снегом. Ехали долго. Наступил день 27 декабря, серый,

морозный. Даль какая-то призрачная, белесая, и наш караван казался каким-то затерянным в этой безмолвной, снежной пустыне.

Не успели порадоваться свету, как снова всё окутала ночная мгла. Ехать надоело. Часто бежим пешком, греемся. На остановках прыгаем. Где станок — не известно. Вдруг олени резко повернули к берегу, у леса остановились.

Отпрягли грузовые нарты и двинулись дальше. Дорога в лесу торная, тишина. Ветер не залетает сюда. Километра через два подъехали к чуму. Нас встретил собачий лай. Из дымохода чума валил дым. Все обрадовались. Значит, сейчас прямо в тепло. Для нас это счастье.

Вот она, плата за трудности. Как всё-таки мало надо человеку в экстремальных условиях. И все заботы отпадают. Теперь скорее кружку чаю.

Каждый распряг своих оленей и отпустил их. Станочницей оказалась женщина средних лет с двумя детьми. Один годовалый, второй годика в три. Хозяйка оживилась гостям, ребятишки смотрят на нас с изумлением. Ну и первым делом, конечно, чай. Горячий, крепко заваренный. А мы нарубили мёрзлого хлеба и сырого мяса. После чаепития сварили суп с мясом с макаронами. Спали в спальниках, не раздеваясь, часов до 11, но проснулись — ещё было темно, светало. Все замерзли. «Как же дети-то спят?» — подумал я. Но они укутаны были в богатые шкуры, не мёрзли. А печка от мороза побелела. Быстро её растопили, приготовили завтрак, покушали. Стало совсем светло. Мы с Иванниковым занялись заготовкой дров, проводники ушли за оленями. Вернулись в темноте без оленей.

28 декабря с трудом были пойманы олени и выехали только ночью с одним проводником Володей, который говорил, что дальше этого станка он не ездил. Этот прогон был километров на 75 до фактории Виви и для нас он оказался трагическим. Николай (старший проводник) остался, дальше не поехал.

По таёжной дороге олени пошли хорошо, а вот по реке и мороз с позёмкой дал себя знать, и потеря дороги. Олени начали кружить, падать в снег, начались былые мучения. Проводник Володя не выдержал этого и предложил нам ехать обратно. Начал доказывать, что Николай — опытный проводник, что у него старые олени и что он поведёт успешнее. Ну и повернули назад.

Но Николай категорически отказался ехать с нами. С Володей переругались чуть ли не до драки и, в конце концов, ехать решили с Володей. Оленей оставили на присмотр Николаю, а сами пошли в чум отдохнуть часа два-три, покушать и тогда ехать.

Николай попас немного оленей и часам к семи привёл и даже помог запрягать. Часов в восемь выехали, на реке вышли на свой след, проехали с

полчаса и опять та же история. Нет следа, снова надо прокладывать дорогу. Володя снова взбунтовался, один поехал на станок, крикнув нам, чтобы ждали Николая, и уехал. Что делать? И надумали мы, вылезть на коренной берег и ждать проводника у костра. Ну и пошли к лесу.

Дорога оказалась трудной, наст не держал, шли чуть не ползком. Но вылезти на берег тоже оказалось непросто. Снег навис на обрывах громадным карнизом. Помотались мы и влево, и вправо, и всё впустую. Тогда решили лезть в лоб. И полезли, как кроты поднимаясь всё выше и выше. Карниз рухнул на нас, жуткое дело. Но берег оголился, и я уцепился за корень, потом за жёрдочку, но она сломалась и стала служить как шест, по которому, помогая друг другу, вылезли все на берег. Устали до изнеможения. Сели отдохнуть прямо в снег. Потом новая проблема: по глубокому снегу насобирать в темноте сухостойных деревьев. С трудом натаскали дров, отоптали под елью снег и разожгли прекрасный костер, уселись все вокруг его. Обсушились. Высушили даже портянки, подремонтировали свою одежду. Подсказали Иванникову пришить одну вязку к шапке. У него шапка была: верх кожаный, а внутри мех. Я посоветовал ему достать из рюкзака большое полотенце и обмотать голову и лицо. Он достал короткое полотенце и обвернул его вокруг шеи. Но длинное полотенце у него все таки было. Между прочим, у костра мог сгореть наш Яша, каким-то образом вдруг завалился спать прямо в костёр. Хорошо, что мы быстро его выдернули в снег. Но полушубок себе спалил, а полушубок у него был покрыт толстым сукном. На ногах сверх унтов были надеты ещё торбаза из сохатины до колен, называемые «чертоходы». Варежки тоже были хорошие, шерстяные и сверху олени — кокольды.

А у нас с Савельевой были надеты сверху полушубков короткие парки. На ногах унты с меховыми чулками. В самую лучшую дорожную доху была одета наша эвенкийка Люба, называется «сокуй». В дороге незаменима. Просидели мы у костра порядочно и, наконец, увидели на белом пологе реки зачернела чёрная точка. Кто-то едет? Спускаться не стали. Подумали, что и проводнику не мешает погреться у костра.

А проводник увидел костёр еще издалека и поехал прямо на нас. Подъехал к самому обрыву. Помогли ему выбраться на берег. Оказалось, что вернулся вновь Володя. Говорит, что с Николаем подрались, и Володя забрал его оленей, на которых тот как раз собирался уезжать в Учами.

Обогревшись, Володя подал команду ехать. С обрыва спускались все кувырком, а девчата с визгом. Пришли к нартам, а их и не видно, совсем замело. Подняли оленей, и караван тронулся. Володя пошёл первым. Некоторое время петляли как попало, но дорога нашлась, и все сразу же по спальникам.

Начало светать. Наступило 29 декабря, 12 часов дня. Такой же мороз сногсшибательный в туманном мареве. Потеряли дорогу. Пришлось вести караван по очереди. Иванников стал категорически отказываться. Говорит, что он пассажир и не обязан мучиться. Приходилось его стаскивать с нарт, совестили его и девчата. Идти, конечно, трудно, почему-то много попадало торосов. Прошла ночь. День 30 декабря потепления не принёс. Мёрзнем. Олени идут плохо. Я, как еду последним, то становлюсь на нарты и пляшу, пока не упаду в снег головой, олени убегут и догоняешь их бегом, согреешься хорошо, но и устанешь. А Иванников упрямо сидит на нартах. Я подбегаю к нему и говорю: «Что ты не бежишь, не топчешься, ведь отморозишь ноги?», а он сидит и долбит ногу об ногу, заявляя, что он и так согреется.

— Лентяй ты, лентяй, Яшка. Девчата, смотри, и бегут, и топчутся, а ты? В общем, на него наша ругань не действовала.

Прошёл и этот день. Часов в пять-шесть дорога свернула в лес на правобережье. Сразу наступило затишье, дорога торная. По рассказу Николая, после этого отрезка таёжной дороги километров пять, до фактории Виви останется двадцать километров по реке.

— «Хоть бы скорей доехать», — думаю я, да и все остальные. Въехав в тайгу, остановились и решили погреться у костра, покушать. Начали собирать сушняк, лазая по поясу по снегу. Яшка и тут начал бастовать. Стоит на дороге, и всё. Тут уж за него взялись девчата и заставили его стаскивать сушняк в кучу. Вскоре запылал костёр. Иванников принёс со своих нарт оленину, но потерял мешок, где были хлеб с солью и кружки с ложками. Хлеба не было и у девчат.

Ну что же делать? Положили оленин окорок прямо в костер, и когда мясо оттаяло, нарезали его тонкими ломтиками и стали есть прямо сырым. Географ Нина Савельева даже похвалила, говорит «вкусно».

А я снова подумал об Иванникове и спросил у него, не отморозил ли он ноги? Яша ответил, что ноги у него в норме.

— А ну-ка пробеги Яша, по дороге?

И он пробежал, но как-то нерезво. Я, говорит, сам вот промерз. Но у костра в общем все согрелись и, главное, перекусили, ведь голодны были уже больше тридцати часов. Отдохнули и олени.

Все разошлись по нартам. Я поехал последним. Вскоре выскочили на участок лесотундры, и тут у меня оторвались нарты. Олени убежали вперёд, а я лежал в спальнике и вылезать не стал. Жду помощи. Через некоторое время ко мне пришел Яша, что меня удивило. Значит, думаю, Яша в норме. Вместе с ним запрягли оленей, уселись на нарты и догнали караван.

И снова я поехал последним, соскакивал с нарт и, держась за них, бежал сзади. А Яша, вижу, всё сидит. Кричу ему: «Яшка, соскакивай и беги пешкодралом, грейся!». Но он отнекивался, а мороз сильный. Но вот и тайга расступилась, впереди большой просвет. Снова подъехали к реке. Спуск был большим и крутым. Проводник забрал всех оленей и увёл вниз, а мы с Иванниковым стали вдвоём спускать грузовые нарты. Уцепились за них с обеих сторон и думали спокойно их спустить, но они у нас раскатились и потащили обоих за собой волоком, выкатились на реку, где каждый сам запряг своих оленей.

Грузовые нарты пристегнул к себе Володя и первым поехал от берега, а Иванников вдруг поехал в противоположную сторону. Я ему закричал: «Яшка, стой! Куда ты поехал?» — и поехал за ним. Но вижу, Яша начал поворачивать к каравану прямо по целине. А может быть, олени свернули без его участия? В общем, я успокоился и залез в спальник и задремал. Не знаю, долго ли я дремал, но когда очнулся, караван стоял, олени все, свернувшись клубочком, лежали в снегу. Метёт поземка. Слез с нарт, вижу и Володя слез и кричит мне: «Пойдем поищем дорогу. Ты иди к левому берегу, а я к правому». И мы пошли. Снежный наст держал плохо, часто проваливался, идти тяжело. Мороз перехватывает дыхание, застывают ресницы, плохо смотреть. Вышел на береговую полосу, вижу: дороги нет. Пошёл обратно, каравана не видать. Чувствую, стала замерзать голова. Я даже испугался. Начал ею шевелить, тереть руками и почувствовал, что голова отошла. Наконец, увидел лежащий серенькой цепочкой караван. Володя дороги тоже не нашел. Подняли караван и поехали. Вскоре вышли на заметную дорогу. А я уселся как-то неловко и стал на ходу залазить в спальник и на повороте вывалился из нарт головой в снег вместе со спальником, но нёгу держал крепко и оленей круто остановил, нарты опрокинулись. Постромки, перекрутились и пошла у меня возня с выправкой упряжки. Караван ушёл далеко вперед, и там меня хватились и остановились. Когда я к ним подъехал, то все олени лежали, и мои олени сразу же улеглись, но тут Володя поднялся и поднял караван. Я ударил своих оленей (я стоял как-то сбоку дальше Яшиной упряжки) и, проезжая мимо её, поднял оленей и Иванникова, а через минуту оглянулся назад и обнаружил отсутствие нарт Иванникова. Оторвались. Остановил оленей и в поводу повернул свою упряжку, прихватил оленей Иванникова и повел упряжку назад. Идти убрдно. Подошел к Яше, окрикнул его, а он молчит. Я толкнул его в плечо. Он сидел, облокотившись на заднюю спинку и опустив ноги, явно спал. Я потряс его, и он что-то забормотал непонятное, начал считать. Я взялся запрягать оленей, подсакиваю к нему, торможу, чтобы не спал, и вдруг увидел, что у него на руках нет рукавичек. Лежат на снегу, а руки, как

камень, когда я их пощупал, я просто растерялся, что делать? Сперва я было начал ему оттирать руки снегом, прихватило и мою руку. И я подумал: «Где же мне оттереть две руки на таком морозе».

А Иванников как-то зашевелился и упал с нарт. Думаю: «Вот дела». С трудом поднял его и уложил на нарты. Засунул в спальник и лапами мешка обмотал ему руки и обвязал веревкой, чтобы рукавицы не спадали. В общем долго я с ним провозился, отморозил себе руки, переносицу, лоб над глазами. Наконец запряг и можно ехать. Еще покачал нарты и тронул оленей. Слышу, вроде нарт нет? Оглянулся, и точно, нарт нет. Вот беда. Снова в поводу повернул свою упряжку, и всё начинай сначала.

В этот момент пришел проводник.

— Что тут у вас происходит? — спрашивает меня.

Ну я ему все рассказал, показал руки Иванникова. Володя пощупал их и говорит: «Яшка совсем «капут»».

Вдвоём запрягли оленей, стащили нарты с места и поехали. Доехали до каравана. А там девчата спрашивают: «Что у Яши случилось?» — «Замерзает Яша», — говорю.

Поехали дальше, и вроде неплохо, но минут через тридцать вдруг вышли на хорошую дорогу и поехали совсем неплохо, обогнули большой мыс и чувствуем, что вот-вот должна быть фактория. Проехали не меньше часа, и вдруг Володя закричал: «Смотрите: на берегу огни фактории».

Как все обрадовались! Подъехали к подъёму на коренной берег. Я своих оленей привязал за нарты Володи, а сам пошёл к нартам Иванникова. А у него опять беда, оторвался один челнок у нарты и нарты стало тянуть за один полоз, который идёт по колее, а другой по целине. Я крикнул Володе, а он ответил, что ничего, доедем, и поехали. Я стал подталкивать нарты Иванникова. Поддерживать его и тормозить, чтобы он не спал, кричу ему: «Яша, не спи, крепись, мы уже въезжаем в факторию, не спи».

И он один раз что-то пробормотал. Въехали в посёлок, подъехали к крайнему дому, постучались и сказали, что у нас замерзает человек, но хозяин не открыл дверь, а посоветовал ехать дальше. Увидели следующий дом метров через двести. Повели оленей к нему. Стучим. Нам быстро ответили, вышла женщина, и мы сразу почувствовали, как из помещения пахло ароматом свежего хлеба, и сразу возникло чувство голода, мы поняли, что здесь пекарня. Женщина выслушала нас и подсказала ехать прямо до санчасти и показала видневшийся огонёк из окна санчасти.

— Поезжайте, — говорит, — прямо через болото, зимой тут дорога.

Ну мы и поехали, а дорога оказалась вся в кочках. У нарт Иванникова оторвался последний челнок. Пришлось привязать нарты за передок, а

делается все это медленно в темноте. Мороз, время же идёт. Но вот и домик санчасти. Постучались. Открыл мужчина.

— Чего надо? — говор с акцентом, позднее узнали, что это немец.

— Да вот человек у нас замерзает, доктора бы ему.

— Давайте заносите в комнату.

— Так вы нам помогите, мы вдвоем не осилим, совсем обессилили.

Мужчина сходил, оделся и вышел к нам. Втроём мы Иванникова занесли в комнату и положили на пол. К нему подошла молодая женщина в белом халате, русская.

— Что с ним? — спрашивает нас.

— Замерзает наш товарищ. Окажите помощь, едем из Тутончан.

Смотрим на лицо Иванникова, а оно все почернело, видимо от тепла.

Развязали руки, сняли рукавицы, и руки тоже почернели, кисти.

— А как у него ноги? — спрашивает врач. — Разуьте его.

Мы сняли с Яши унты и ноги оказались отмороженными полностью. Оказалось и на животе почерневший отмороженный круг. Видимо, не застегнул брюки, когда было положено.

Врач стала определять, жив ли он? Подносила зеркальце ко рту, слушала сердце и в результате заявила:

— Больно вам говорить, но ваш товарищ уже мёртвый. Нет никаких признаков жизни.

Меня её слова как громом ударили. Сразу стало жарко. Уцепился за своё обледенелое лицевое прикрытие и сломал его, открыв рот, и попросил пить, стоять не могу, сел на стул. Санитар подал стакан воды, выпил его залпом. Мои товарищи молча стояли около Иванникова.

— Как же так, — выражаю вслух свои мысли, — в гору поднимались, Яша был живой, и вот уже мертвый? Как же так? И ничего нельзя сделать?...

— Видите ли, — сказал врач, — может быть его и можно было спасти, но это только в стационаре. Сейчас его нужно было в ванну с холодной водой и оттирать спиртом. А у нас какие тут ванны и спирту неполная чашка. И потом, если бы даже было возможно оживить его, для него было бы не лучше. Ведь ему пришлось бы ампутировать ступни ног и кисти рук. Да у него ещё и желудок отморожен. Отморожено все лицо. Он, видимо, заболел? Видите, у него на губах появились прыщички. Давайте забирайте его, а завтра приходите за справкой о смерти. Как вы только ехали в такой мороз? Сегодня температура -63° , и вообще уже десятый день температура -60° — -65° .

— Вот и всё. Был человек и нет его, — пробормотал я.

Вынесли мы Якова на мороз и уложили аккуратно в спальный мешок и привязали веревкой к нартам. Санитар показал нам дорогу на базу нашей экспедиции, куда мы и прибыли. В доме темно. Постучали в дверь, и окна засветились. На наш голос выскочил рабочий базы Иван Хушеев и радист Вася Кортунков. Время было 3 часа ночи на 31 декабря.

Последние двое суток ехали без отдыха и голодом, если не считать за еду сырое мясо у костра. Радость встречи была короткая, и мы её прервали своим сообщением о нашей беде. Оба не верят. Спрашивают: «А где он?» — «Да вот на нартах, в спальнике лежит», — и я открыл спальник, а Хушеев взглянул и говорит: «Как же он тут будет, а вдруг он живой?»

— Нет, он не живой. Мы уже были в санчасти, его осматривал врач.

— Да-а! Большая беда случилась. Как же теперь дальше с ним быть? — обеспокоенно проговорил Кортунков.

— Не знаю. Будем сообщать Рябову.

Помещение базы было просторное, целый дом, громадная кухня. Натоплено отлично. Ребята для нас быстро вскипятили чай, крепко его заварили, достали хлеба, консервов, сахар и мы с жадностью набросились на еду. Чай пили до поту, рассказывая о наших приключениях, а потом спать в тепле. Блаженство...

Утром 31 декабря мы ещё спали, а к нам уже пришли гости: 1-й секретарь окружкома партии Хлызов со следователем, что вместе с нами начинали маршрут из Тутончан. Подняли нас в 11 часов. Мы встали, умылись как следует, побрились, почувствовали себя людьми.

А тут как раз состоялся радиосеанс связи с экспедицией, с Рябовым, и получили приказание: ждать следующего сеанса связи вечером. После доклада о чп в Новосибирск.

Ну, мы рассказали про свою беду Хлызову. Посочувствовали нам наши гости и всё, а чем помогут?

— Хорошо, что остальные остались живы и здоровы. Правда лица-то у всех поморожены, — сказал Хлызов.

Действительно, лица были у всех поморожены, в болячках. Больше всех у проводника.

Хлызов со следователем пообещали выдать нам документ, разрешающий похоронить Иванникова здесь, в Виви. Куда же, говорят, вы теперь его повезёте? Вечером нам пришло распоряжение: труп Иванникова везти в окружной центр Эвенкии в Туру, на судебно-медицинскую экспертизу. Вот это да! Это опять, наверно, не одна сотня километров на северо-восток, по реке Нижняя Тунгуска.

Ну что ж, поедem в Туру, а ведь сегодня встреча Нового года. Люди готовятся к празднику, а мы сидим в хате, подтапливаем печку, курим и

грустим. В 12 часов ночи налили каждому по кружке горячего, крепкого чая, поздравили друг друга с наступающим Новым Годом, с тем и легли спать. Но 1 января, в полдень, нас пригласили к председателю Совета, там оказались и Хлызов со следователем, местный зав. Красного чума — зав. библиотеки и другие местные жители.

Потом пошли для нас нудные дни ожидания выезда в Туру. Сидели до 22 января. Пережидали морозы, заживляли обморожения.

Из Виви мы выехали на шести санках. Кроме меня, грузовых и с трупом Иванникова, ещё был радист Кортунков Василий Семенович, рабочий Хущеев Иван и проводник.

Весть о покойнике, видимо, разнеслась вперед нас, и потом встречные караваны заранее обходили нас далеко стороной.

24 января приехали в маленькую факторию Нидэм. До Туры осталось 25 километров. Зашли в крайний чум, согрелись, выпили чайку по кружке и решили не ночевать. После чая все повеселели. Расселись по санкам, гикнули на оленей и помчались вперед. Дорога пошла исключительно хорошая, и за два с половиной часа приехали в Туру, в первом часу ночи.

Туру слышали далеко по работе движка электростанции, а потом и увидели блестящие в ночи огни, и после таёжной глухомани они на нас произвели какое-то восторженное впечатление.

В посёлок въехали уже не как в факторию. Сразу пошли заборы, переулки и улицы. Олени шарахаются в стороны от встречных людей чуть не на заборы. Разыскали базу нашей экспедиции. Подъехали к ней, видать, с шумом, т.к. нас сразу же услышали обитатели дома и повыскакивали навстречу. Поднялся бесподобный шум встречи, распознавание кто есть кто. Мы даже растерялись, столько много встречающих. Оказывается, здесь находился зам. начальника экспедиции Вараксин Дмитрий Васильевич и с ним семь человек рабочих, занимающихся оборудованием новой базы экспедиции для будущего года, и они нас поджидали. Кто-то спросил: «А где Иванников-то?» — «Да вот он, на нартах, привязанный».

— Как привязанный? Что же это вы его так?

— А как надо? Чтобы потерять в торосах на реке, где перевертывает даже нарты?

— Ну да, это конечно!

— А Вараксин участливо проговорил: «Эта неожиданная смерть в пути для вас-то была целой трагедией. Трудно это переживать».

— Да! Эта беда просто оглушила нас своей жестокостью сперва на реке, в такой мороз, темень. Что делать? Ужасно! А в санчати, услышав от врача, что Яша мёртв, меня бросило даже в жар, не мог стоять на ногах, сел. — ответил я. — Ну что же, будем разгружаться?...

Рабочие базы быстро распрягли оленей, перетаскали поклажу в помещение. А нарты с Иванниковым завезли в сарай и пошли в дом. Было -55°. Нас накормили и уложили спать, и проспали мы весь день 25 января. Вараксин же труп Иванникова отвез в анатомку окружной больницы для медицинского обследования, и только 8 февраля нам выдали свидетельство о смерти, что Иванников в дороге заболел, на губах сыпь от мороза, промерзла голова и возник менингит головного мозга.

Получив разрешение на похороны, мы своими силами три дня копали могилу в вечной мерзлоте. Землю отогревали костром.

12 февраля похоронили своего друга Иванникова Якова Александровича, топографа, молодого специалиста своей мужской командой в 13 человек.

О смерти сообщили родителям, но они были пожилые и выехать на похороны не смогли.

Все годы учёбы Яша мечтал попасть на Нижнюю Тунгуску. Его мечта сбылась, приехал, проработал всё лето и здесь, на Нижней Тунгуске, остался навсегда.

Пик Топографов

Мы с моим постоянным таёжным спутником Тюлюшем Хуураком верхом на лошадях продвигались по берегу реки Большой Енисей. В истоках этой богатырской реки скорость течения воды очень быстрая, но берега друг от друга находятся совсем близко. За многие сотни лет река промыла себе русло, протекая по двухкилометровой Тоджинской долине, нарушая тишину девственной тайги, через огромнейшие ореховые урочища темно-зеленого кедрача, оставляя массивы ягодных кустарников: голубики, черники, смородины, малины, калины, облепихи. На склонах берегов проглядываются пустые вкраплины гроздьев рубинового цвета брусники. В этих богатых природных условиях водится множество различных зверей и птиц, питательная среда для них превосходная. Неисчислимо количество озёр, рек, ручьёв, родников служат прекрасным им водоемом, причем некоторые ручьи и реки не замерзают даже в самые лютые морозы.

Мне предстояло осуществить измерения на пункте триангуляции, расположенном в поднебесье Саянских вершин под названием пик Топографов с отметкой более трёх тысяч метров, а Тоджинская впадина находится на отметке восемьсот метров. Кроме того, мне нужно сделать заключение, где берёт начало река Большой Енисей. В научных кругах возникли разногласия: одни доказывали, что Енисей начинается из озера Кара-Балык, а другие утверждали, что началом нужно считать пик Топографов. Только тщательное обследование местности с наличием крупномасштабных аэрофотоснимков могло разрешить этот спорный вопрос. Продвигались очень медленно, люди здесь практически не бывают, поэтому троп нет, приходится ехать в поисках проёмов между стволами деревьев, объезжая густые заросли кустов, буреломы и гигантские брёвна валёжников.

На очередной ночлег расположились на берегу озера Кара-Балык, зажатого узким залесённым ущельем. Озеро длиной в семь километров и шириной немногим больше одного километра вытянулось с запада на восток. С восточной окраины в него впадает несколько ручьёв и река Кок-Хем, которая начинается с озёр и родников пика Топографов. Переночевав, мы отправились по залесённому ущелью на север по берегу горной реки Кок-Хем.

Преодолев расстояние в двадцать километров, мы наткнулись на странную избушку. Странность заключалась в том, что никакой тропы к ней не было. Избушка оказалась обжитой, но жилец отсутствовал. Я избушку

нанёс на аэроснимок для новой карты, но знал, что отдел технического контроля (ОТК) у меня не примет этот вариант. Наш начальник ОТК Е.А. Денисов очень принципиальный в этих вопросах, он сразу задаст вопрос, а где тропа к избушке? Меня обвинят, что плохо искал тропу, поэтому мы установили палатку и решили дожидаться хозяина и расспросить про тропу. Мы разожгли костёр и занимались своими делами до самой темноты, но хозяин так и не появился. Утром я решил проверить избушку, она была пустой. У нас появилась настороженность. Нас охватил испуг, когда мы обнаружили, что наши лошади исчезли. До ближайшего посёлка Тоора-Хем двести пятьдесят километров, если они сбежали туда и если их не догнать, то едва ли мы вообще сможем пешком выбраться из этой далёкой глухомани.

До пика Топографов оставалось двадцать километров самого трудного пути, подъёма на каменистую крышу Саянских хребтов. Тюлюш отправился на поиски лошадей, а я начал преодолевать скалистые утёсы. Подъём оказался невероятно сложным. После лесной прибрежной полосы последовали каменные нагромождения, словно здесь проводились каменоломные работы. Среди скал появлялись озёра, совсем крохотные и большие с прозрачной чистой водой. Хребет, на котором возведена геодезическая пирамида под названием пик Топографов, вытянут на десять километров с севера на юг в виде остроугольной крыши. Подъём удалось осуществить с западной стороны, восточная оказалась отвесной. Пирамидка была сооружена на самом острие скального останца.

Я заполз на каменистую вершину пика Топографов. Пот заливал глаза. Неожиданно для меня на пирамиде оказались два человека. Я обрадовался, что встретил коллег с соседней экспедиции, такие моменты бывают при работе на смежных объектах, но странно: у них не было теодолита. Один в шубе сидел у столика геодезической пирамиды, а второй находился в стороне, я принял его за записатора, но он пытался развести костёр. Здесь же лежала принесённая охапка хвороста. Этот человек вскочил, увидев меня, вытаращил глаза, держа в руках спички, он хотел что-то вымолвить, но не мог, потерял дар речи. Потом он закричал: «Вова, у нас гость!». Сидевший у пирамиды ответил: «Я говорил тебе утром, что к нам в избушку пришли люди». Мужчина, стоявший со спичками, был сильно обросшим, из-под шапки торчали редкие седые волосы. Его шуба выглядела несуразно. Он представился, что его зовут Касьяном, а это его старший брат Вова, он незрячий. Они живут в этой самой избушке, у которой мы ночевали.

Я объяснил им, что пришёл сделать геодезические измерения. Я торопился проделать наблюдения, пока имелась видимость. Касьян отвел своего брата в сторону. Я установил теодолит и начал выполнять измерения.

Закончив работу, я вдруг увидел в теодолит на соседней горе белого горного козла с мощными рогами. Я пригласил Касьяна, он заглянул в окуляр и ахнул, увидя такого красавца в трубу с тридцатикратным увеличением.

Меня прежде всего интересовала тропа к их избушке. Касьян объяснил, что тропы нет. Тропа имеется, которая проложена севернее пика Топографов в десяти километрах, а к их избушке тропы нет и по берегу реки Большой Енисей тоже троп нет. Они здесь живут постоянно много-много лет. С ними жила жена Касьяна, но она заболела и умерла. Один раз в год, весной, у них появляется давнишний друг Касьяна из посёлка Тоора-Хем, привозит им на завьюченной лошади муку, соль, оружейные припасы. Касьян ему отдаёт приготовленные шкурки соболей, белки, рыси и других зверей. Касьян охотится в зимний период, а выделывает шкурки Володя, он в этом непревзойденный мастер, и он же шьёт шубы и шапки.

На горизонте начали сгущаться тучи, я поспешил укладывать инструмент. Находиться в грозу на этой вершине очень опасно. Старцы в шубах тоже заторопились, они знали спуск более пологий, поэтому я следовал за ними. У них была отработанная манера передвижения. Володя шел за Касьяном, положив свои руки на плечи брата. Шли они след в след и передвигались сравнительно быстро. Добравшись до леса, сделали привал. Я снял с плеч ящик с теодолитом и, усевшись на склон, начал растирать ногу. Володя сидел ко мне спиной. Вдруг он заговорил: «Что, нога болит? У брата тоже перед грозой ноет ломаная нога, у него правая, а у вас левая, но это терпимо, вот к старости переносить будете очень болезненно». Я обомлел, был потрясён от неожиданных познаний Володи о моей ломаной левой ноге. Я спросил у Володи, как он угадал, что у меня ломана левая нога, но он ничего не ответил. Я понимал, что Касьян был больше ко мне расположен, поэтому обратился к нему. Касьян объяснил, что Вова обладает редчайшим даром ясновидения. Раз в год они поднимаются на вершину горы и там находятся два дня, Вова набирает энергетику прорицательства. В этот раз моё появление не позволило ему закончить сеанс посещения поднебесной.

По словам Касьяна, о моём приходе Вова знал, поэтому торопил брата пойти в горы на день раньше, но Касьян задержался на дальней поляне, где он выращивает картофель. Моё присутствие нарушило планы Володи. Поэтому ко мне отношение у него было сдержанным. Касьян поведал, что некоторые сеансы предвидения Вова даются очень сложно, его даже бьёт припадок, заливается потом, из глазниц льются слёзы. Касьян рассказал, когда заболела жена Касьяна, то Вова предсказал день её смерти, но это ему стоило больших усилий, после этого он целый день восстанавливался от припадочных приступов и содроганий. Я пытался выяснить, когда Володя

лишился глаз и при каких обстоятельствах, но Касьян от ответа уходил, очевидно, не хотел ворошить прошлое и очень трагическое.

До избышки мы добрались благополучно, нас встретил Тюлюш, разводя руками, что лошадей отыскать ему не удалось. Это неприятное сообщение сразило меня и я опустился на землю, усевшись на свой теодолитный ящик. Вова вдруг вымолвил: «Лошади находятся на берегу озера», и махнул рукой в сторону озера Кара-Балык. Тюлюш на эти слова даже не обратил внимания. Я своему сподвижнику сказал, что Володя предсказывает истинную правду. Тюлюш отправился и к вечеру приехал на лошадях, рассказал, что лошадь, которая была здесь привязана на веревке, зацепилась концом верёвки за кусты и остановилась, а вторая спутанная лошадь не осмелилась уйти в одиночку, поэтому обе паслись на берегу озера. Нашей радости не было предела. Я предложил Касьяну услугу использования наших лошадей, он попросил съездить в соседний лог и вывезти оттуда картофель и мёд. Я отправил Тюлюша на лошадях, и они с Касьяном уехали верхом. Володе я подарил свой уникальный миниатюрный радиоприёмник импортный, работающий от зарядки солнечных лучей, хотя приёмник принимал всего две станции, но для него этот подарок оказался мечтой всей его жизни.

Мы остались с Володей вдвоём, мне удалось обнаружить странные методы его передвижения. Все домашние дела по хозяйству он выполнял самостоятельно. Его походка была спокойная, осторожная, но ходил он постоянно, выставя свои руки на уровне груди, вывернув ладони вперёд, растопырив широко пальцы. Он поодаль обходил стволы деревьев, набрав дров на одну руку, возвращался в избу, держа вперед одну руку перед собой, затем сходил к берегу реки, зачерпнул ведро воды, а вторая рука вновь торчала перед ним. Я не выдержал и поинтересовался. Володя рассказал, что пальцами рук он ощущает близость предметов и мог бы вполне передвигаться по лесу, но мешают валёжины, кусты и неровности на земле, т.е. в пальцах сосредоточились элементы глазного видения, конечно, без чёткого их просматривания.

После обеда Володя подсел ко мне и стал выдавать скупыми фразами любопытное жизнеописание моей биографии. Он поведал, что у меня есть родители, две сестры, а брат погиб. Я поражался его точными сведениями. Лицо его было хмурым, сосредоточенным, из страшных глазниц струились слёзы. Потом он рассказал, что у меня будет жена и две дочери. Дальнейшим его предсказаниям я не очень верил, потому что они казались для меня совершенно нелепыми, не имели здравого смысла. Только потом, через многие годы проходя эти этапы жизненного пути, я вспомнил слова ясновидца. Он предрекал мне, что я скоро буду жить на берегу моря, в душе

я смеялся, вскоре меня перевели в Баку, на берег Каспийского моря, затем он поведал, что придётся жить в горах. Это оказался Урал. И совсем считал несбыточным его высказывания о работе в столице, тем более, о моей жизни в краю чёрных людей.

Два последних предсказания мне сделали в жизни два прорицателя. Немного в другой интерпретации мне поведала болгарская знаменитая Ванга. В декабре 1985 г. я поехал в Болгарию в служебную командировку, тогда я работал в должности заместителя начальника картографо-геодезической службы Советского Союза. Руководители аналогичной службы Болгарии однажды повезли меня в город Мельник. У руководителя службы в этом городе сохранился родительский дом с прекрасными виноградниками, мне показали огромные подвалы, заполненные бочками виноградных вин. Затем съездили на границу с Грецией, и вдруг они предложили заехать в Петричи к Ванге. Выяснилось, что один из заместителей был в хороших отношениях с Вангой, его детским другом был муж Ванги Димитр, который умер в 1965 году. Мы подъехали ко двору Ванги, кругом находились люди, которые хотели попасть к целительнице. Вскоре мои коллеги пришли к машине и пригласили меня к Ванге.

Массивная бледнолицая женщина с закрытыми глазами молчала. Я практически не понимал, что она говорит, мне переводили коллеги. Она подняла руку, что-то проговорила. Коллеги объяснили, что предстоит продвижение вверх. Это подтвердилось через полгода, меня назначили руководителем службы. Затем Ванга сказала, что наше государство погибнет, и я уеду работать к чёрным людям. Тогда её слова я принял за абсурдные высказывания. В действительности через шесть лет Советский Союз рухнул, и я вынужден был уехать работать в Африку, но первым такое предсказание мне выдал Вова, с которым мы встретились на пике Топографов.

Обо многом Володя поведал мне, но я тогда не воспринимал его пророчество всерьёз. Только потом, спустя многие годы, когда стали воплощаться эти предсказания, я вспоминал ясновидящего Вову и хотелось возвратиться на пик Топографов и расспросить подробности предстоящей жизни.

Его имя на Шантарских островах

Один полевой сезон мне довелось работать на Дальнем Востоке в топографическом отряде № 48, который возглавлял в то время И.А. Потейко, очень талантливый организатор, до этого в 1947—1952 годах он работал начальником отряда № 55. В те годы на соседних объектах выполняла топографо-геодезические работы Нижне-Амурская экспедиция под руководством Г.А. Федосеева, в последующие годы профессионального писателя. Эта экспедиция находилась в подчинении Новосибирского предприятия.

Из-за непогоды задерживался вылет нашего самолёта из Чумикана и мне целую неделю пришлось жить в одной маленькой комнате с И.А. Потейко, который мне очень много рассказал о легендарном первопроходце И.В. Нагорных. Впоследствии мне пришлось работать в отряде № 50, а И.В. Нагорных когда-то работал в этом отряде исполнителем, начальником партии на Васюганских болотах, затем заместителем начальника отряда. В эти же годы на полевых процессах по барометрическому нивелированию работала топограф М.Г. Петренко, недавно она мне рассказала, как она почти месяц находилась на полевых измерениях вместе с И.В. Нагорных, многое она поведала мне об этом прекрасном человеке.

После трагической гибели И.В. Нагорных на Шантарском архипелаге партию возглавлял М.А. Закусин, с которым мы впоследствии часто встречались, работая в одном предприятии, и он много мне рассказывал про И.В. Нагорных. М.А. Закусину пришлось работать со специалистами, которые на Шантарских островах закладывали первые геодезические реперы, возводили сигналы, пирамиды, создавали первые карты на четырёх больших островах и на одиннадцати маленьких безлюдных островах. Специалисты, ранее работавшие с И.В. Нагорных, с большой теплотой отзывались о своём бывшем начальнике, и они сказали К.Л. Проворову, главному инженеру предприятия, приехавшему на похороны начальника партии: «Иван Васильевич Нагорных — гениальный организатор, он первооткрыватель с большой буквы».

Мне недавно довелось побывать в Народном музее ПО «Инжгеодезия», в котором скопилось много фотографий и воспоминаний о легендарном топографе И.В. Нагорных. Значительное количество материалов собрал ветеран войны и труда К.Г. Ковалёв. Я постарался объединить все эти

высказывания и воспоминания, но начать решил с письма дочери И.В. Нагорных — Тамары, которая написала в музей ПО «Инжгеодезия».

Уважаемые товарищи!

Посылаю вам для экспозиции в музее предприятия фотографии моего отца, Нагорных Ивана Васильевича. Расположите, как найдёте лучше. Если сможете достать книгу Григория Федосеева «Смерть меня подождет», то там есть в начале книги диалог в самолёте Г.Ф. с моим отцом.

Для полноты облика я могу написать краткие воспоминания, они у меня довольно яркие от детства и до последнего лета; в очень короткое свободное время он был с нами, своими детьми.

С уважением дочь И.В. Нагорных
г. Владивосток. Тамара И. Нагорных

И.В. Нагорных в 1936 году приступил к экспедиционным работам в Новосибирском предприятии. Вначале работал топографом, затем начальником партии, а в 1945—1947 гг. исполнял обязанности заместителя начальника отряда № 50. Главный инженер предприятия К.Л. Проворов однажды посетил с контролем И.В. Нагорных и предложил возглавить сложную партию в организационном плане на Шантарских островах в Охотском море. Иван Васильевич имел большой опыт работы, ему исполнилось в то время сорок два года, прекрасный семьянин, имел четверых детей, удостоен почётного звания «Отличник геодезии и картографии».

Начальник экспедиции Г.А. Федосеев воспринял это назначение с большим воодушевлением, потому что приходилось встречаться по работе с Нагорных, когда Федосеев возглавлял Тувинскую экспедицию. Нижне-Амурская экспедиция базировалась в г. Свободном. В этот город перед началом полевых работ прилетели Федосеев, Нагорных, его десятник Василий Горланов, их встречал начальник отряда № 55 И.А. Потейко. В г. Свободном Нагорных принял на работу в партию двух рабочих из числа местных жителей: Петра Илларионова и Григория Минченко, им было приблизительно по двадцать лет. Позже выяснилось, что убийца Минченко — сынок какого-то директора пушной зверофермы. Отец не в силах был справиться с неуправляемым беспутным сыном и сумел через знакомых влиятельных людей трудоустроить его для исправления на Шантарских островах.

В апреле начальник партии со своим составом перебазировался на побережье Охотского моря в посёлок Чумикан. Морозы стояли до тридцати

градусов, море было замёрзшим, постоянно завывала вьюга. До Шантарского архипелага семьдесят километров. Весь состав партии ожидал лётной погоды, переброска намечена на самолёте ПО-2 с посадкой на лед. В Чумикане начальник партии нанял на работу каюром тридцатилетнего эвенка Егора Иннокентьевича Чепалова.

Неожиданно установилась хорошая погода. Прилетел ПО-2 и за несколько рейсов благополучно перебазировал всю партию на лёд бухточки у посёлка Большой Шантар, на южной оконечности острова.

На летний период работ, по договоренности в посёлок Чумикан, к Нагорных должны пригнать вельбот (быстроходную морскую шлюпку с мотором для плавания в прибрежной полосе между островами) и привезти десять оленей.

Базу партии разместили в посёлке Большой Шантар. Посёлок был старый, полуразвалившиеся домишки. В нём было 10 домов, имелась радиостанция «Маяк», принадлежащая аэропорту и метеостанция. Людей проживало всего пять человек, занимались рыбной ловлей, имели для себя пекарню, магазин.

Американская концессия когда-то занималась здесь промыслом нерпы, сивучей и т.д. От концессии осталась жиротопка, пилорама и недействующая электростанция. В посёлке все пропахло нерпичьим жиром так, что приехавших новичков даже тошнило.

Под базу партии Нагорных занял один из домов, для жилья рабочих тоже дом и дом для хранения оборудования и продуктов.

К работе партия приступила не сразу. Мешала непогода, снегопады. Приживались к морозным, пронизывающим до костей ветрам.

Нагорных с десятником Горлановым всё-таки начал вести кое-какие подготовительные работы: заготовкой строительного материала для постройки легких пирамид на горах, для установки вех. Занялись и рекогносцировкой геодезической сети.

Ходили по горам на лыжах с ручными нартами, но глубокие снега, особенно в распадках, затрудняли работу.

Работу на полную мощность развернули только после стаивания снега.

В конце июня из Чумикана прибыл арендованный катер и на нем 10 оленей с каюром Чепаловым Егором.

С этого времени работы активизировались. На оленях стали подвозить стройматериал на отрекогносцированные пункты триангуляции.

На катере объехали многие острова, развезли бригады и установили на многих вершинах знаки геодезической сети. В этот период Нагорных стал ездить по бригадам. Неожиданно пришлось распоряжение выехать в Чумикан

и забрать аэроснимки у И.А. Потейко. Мне Потейко рассказал про их встречу в Чумикане.

Перед их встречей Нагорных чуть не погиб от голода, похудел за неделю на восемь килограммов.

А случилось это так. За две недели до встречи в Чумикане Нагорных решил посетить бригаду, которая работала на острове Малый Шантар. Утром рано капитан на катере доставил начальника партии на южный мыс острова и уплыл, согласно договоренности, катер через неделю должен приплыть, забрать бригаду и начальника партии. Густой туман окутал остров, поэтому геодезист решил с часик переждать на скалистом берегу. Вскоре подул ветер и туман рассеялся. Нагорных отправился к озеру, на котором должны были установлены палатки. В трёх километрах от берега имелась травянистая поляна и на ней два небольших озера изумительной красоты, а поодаль возвышались деревья.

Пройдя три километра, геодезист никакой поляны не обнаружил. Горная местность утопала в густой зелени леса. Начальник партии понял, что катер доставил его на соседний остров Беличий, т.к. был туман. Эти два острова очень похожи даже по конфигурации, по размерам и вытянуты с севера на юг оба на двадцать километров. Так начались мытарства на необитаемом острове. Скиталец обошел весь остров, он оказался скалистым и залесённым. В северной части острова из каменных утёсов вытекал пресноводный ручеёк, у которого скоротал первую ночь пришелец необитаемого острова. Продуктов у него никаких не было. Имелась оленья шкура и брезент для ночлега. На острове удалось обнаружить ещё один ручеек, расположенный в западной части. Около устья геодезист увидел заброшенный шалаш, который пришлось отремонтировать и в нём в основном обитать. Ничего съедобного на острове не было, а голодный желудок постоянно давал о себе знать, поэтому скиталец ходил по зарослям и лазил по скалам в поисках пищи. Однажды на скалах удалось обнаружить два яйца чайки, которые геодезист выпил с большим удовольствием. Это был третий день пребывания на острове, он оказался самым запоминающимся. В тот день на берегу океана среди надводных каменных валунов он увидел рыбину, плавающую вверх животом. Возможно, её ударило волной о камни, но начальник Партии воспринял, что это подарок от всевышнего. Своим складным ножом он разделал рыбу, поделил на маленькие кусочки и съедал их, смачивая морской солёной водой. Рыбина весила килограмма полтора, поэтому геодезист остальные куски уложил в каменистое углубление, наносил туда пригоршнями морской воды и придавил камнями. Пару дней питался этой рыбой, деля порциями, но

вскоре она начала протухать, поэтому пришлось съесть остатки, устроив желудку праздник.

Был ещё один случай, когда во время прилива на берег вынесло шматок морской капусты, которую сразу съел.

Через неделю капитан причалил катер к берегу. Вся бригада находилась в сборе. Быстренько загрузили своё имущество на катер, капитан поинтересовался причиной задержки на посадку в катер начальника партии. И здесь выяснилось, что его у них не было. Капитан понял, что неделю назад он высадил руководителя партии совсем на другой остров. Капитан включил бортовую сирену и направил катер с максимальной скоростью к острову Беличий. На скалистом берегу сидел исхудавший начальник партии. Капитан встал на колени перед Иваном Васильевичем, извиняясь и прося пощады.

На следующий день Нагорных поехал в Чумикан получать у Потейко аэрофотоматериалы на весь Шантарский архипелаг. Возвратившись из Чумикана, начальник партии отправился с проводником на одну из вершин в северной части острова. Оставив Егора с оленями на северо-восточном мысу, Нагорных ушёл на вершину горы проделать теодолитом измерения. На редкость день выдался солнечным, и море находилось в спокойном состоянии. Топограф занимался своими измерениями и увидел плывущий корабль, он продвигался с юга, огибая Шантарские острова, придерживаясь береговой части в сторону Магадана.

Вдруг Нагорных услышал выстрелы с корабля, это его насторожило, он развернул теодолит и начал рассматривать под большим увеличением корабль, затем увидел двух плывущих к их острову. Встревоженный начальник партии поспешил к каюру, на душе становилось беспокойно. Уходя на гору, топограф попросил Егора разжечь костёр и вскипятить чая. Приблизившись к стоянке, Нагорных решил из-за кустов проследить, чем занимаются гости с корабля. Топограф увидел страшную картину. Проводник лежал у костра со связанными руками, над ним стоял раздетый мужик с ножом в руках, а второй меньший ростом бросал куски мяса в котелок, отрезая их маленьким ножиком от зарезанного оленя.

Разъяренный Нагорных выскочил с огромной палкой и нанёс сильный удар по руке бандита, поднявшего руку на связанного проводника. Нанесенный удар оказался удачным, нож из руки вылетел и упал в воду, и у пришельца повисла рука. Палка переломилась. Началась рукопашная схватка. Первопроходец, закалённый и натренированный постоянными экспедиционными работами, обладал завидной силой. Нагорных понял, что сбежавшим заключённым терять нечего, они будут драться до победного, притом их двое. Мордобитие длилось долго, наконец начальнику удалось

одного столкнуть с обрыва в воду. Оставшийся был послабее, Нагорных сумел изловчиться и свалить его. Быстро заломил ему руки и связал своим ремнём. А в это время здоровяк вылез из воды с подобранным ножом. Топограф отскочил в кусты. Теперь их было двое и один из них с ножом.

В это время рядом прогремел выстрел. Из шлюпки выскочили вооруженные охранники с собакой. Они расправились со сбежавшими заключёнными, связали их и уплыли к кораблю, который не мог ближе подплыть из-за огромных камней.

Проводник рассказал, что они требовали увести их в деревню, затем закололи оленя, хотели сбросить каюра связанным в море и уйти в деревню. Егор поинтересовался, а где же револьвер? Нагорных его спрятал в кустах, перед тем как вышел с палкой, знал, что если они завладеют им, тогда обоим смерть.

Вскоре вместо катера в партию прибыл вельбот. И можно понять всю трудность и рискованность плавания на вельботе между островами с труднодоступными, каменистыми берегами, без бухт при 13-метровом приливе, без опытного лоцмана. Управлял вельботом сам Нагорных.

Одна из первых поездок на остров Малый Дучанта для постройки пирамидки на скалистой вершине горы запомнилась всем надолго, рассказывал позднее десятник Горланов: «Когда впервые вышли в море, — говорил он, — в море поднялся шторм, и мы быстро успели зайти за остров и долго там болтались в море, боясь разбиться о скалы и дожидаясь прилива, чтобы войти в бухточку, нас всех вырвало по нескольку раз и никуда не сбежишь, море гудит, мы не успеваем отчерпывать из вельбота воду, наконец вроде ветер утих и нам удалось вельбот завести в образовавшуюся бухточку и привязать его за камни. А работа на сопке затянулась, пока вытащили туда строительный материал да соорудили пирамиду, в море наступил отлив. Вельбот обсох и завалился за камни. Вытащить его не было никакой возможности. Пришлось ждать нового прилива, но как назло — только вышли в море, и снова штормовой ветер. На руле сидел Нагорных, он решительно, борясь с волнами, а они буквально нас накрывали, сумел-таки заскочить за мысок другого острова и там пришлось курсировать вдоль скал всю ночь, голодными, мокрыми с головы до ног.»

Постепенно в коллективе партии назревала конфликтная ситуация из-за рабочего Григория Минченко. Интуиция Нагорных с первых дней подсказывала, что не нужно брать на необитаемые острова этого рабочего, но кто-то из местных руководителей уговорил, что там на острове он исправится. Минченко оказался человеком лёгкого, неуправляемого поведения, дерзкий, вспыльчивый, как впоследствии выяснилось, ранее

судимый. В работе вёл себя вызывающе грубо, часто отказывался от работы, особенно варить пищу в свою очередь, просыпал, затягивал работу, создавая конфликтные ситуации, вступая со всеми в большие ссоры, хватаясь за нож, топор.

«Уволить бы его» — думал, сокрушаясь, Нагорных, — но нет замены, да и куда его денешь на этом острове?

В августе партия расположилась лагерем на Северо-Восточном берегу острова Большой Шантар, около озера Омокой, на зелёной, весёлой полянке, в лесочке. Нежно-малахитовый наряд лиственниц стал приобретать уже цвет охры. В лесах появилась брусника. Попадались дичь. Красивые места, но работники партии этого не замечали. Их вельбот стоял на морском берегу, до него было метров 80. До озера значительно ближе, где часто умывались, хотя был сбоку ещё один ручей для этого.

Надо сказать, плавание в это время из-за частых ветров стало трудным. Каждый рейс вызывал яростную перебранку с рабочим Минченко, который, видимо, боялся плавать, но из партии не уходил.

К этому времени большинство труднодоступных островов уже было обследовано, но на крупных островах работы было много и по наблюдению сети, и по дешифрированию местности. Походы по большим островам были очень изнурительными, и, главное, не выдерживала одежда, так как вершины гор зачастую были покрыты кедровым стлаником или другими карликовыми растениями (багульниками и т.д.). И Иван Васильевич требовал ежедневной починки одежды от всех. Это требование выводило из себя Минченко.

Между прочим, оружие рабочим брать не разрешалось. Карабин был закреплён за десятником Горлановым, он его и носил. У Нагорных был пистолет-парабеллум (немецкий). Минченко не раз пытался взять карабин, но ему его не давали. А проводник о нём убежденно говорил: «Однако Гришку надо гнать в тайгу, его одинаково шайтан, не человек...!».

И вот 29 августа, на стоянке у озера Омокой, вечером, посоветовавшись о работе, решили: завтра с утра десятник Горланов с рабочим Илларионовым подремонтируют вельбот и отправятся в пос. Бол. Шантар за продуктами и почтой. Выехать договорились пораньше.

От Минченко потребовали к работе относиться по-хорошему. Но он на это заявил, что надоели они все ему со своими увещеваниями. Тогда проводник Чапалов предложил его уволить и увезти в посёлок, временно оставить его там до попутного транспорта. Но Нагорных вновь решил дать ему неделю срока, и если не исправится, то тогда уволить его без разговоров.

Если бы Нагорных знал, что произойдет здесь завтра!

Но Минченко на предупреждение ответил руганью и, что уволить они его не имеют права.

В общем, на другой день ему предписывалось работать поваром. Но и по очереди выпадало на него же. На том и разошлись по палаткам. Но утром Минченко проспал. Первым поднялся проводник Чепалов и по договорённости с Горлановым взял карабин и пробежал вокруг лагеря, посмотрел дичь, но ничего ему не попало.

Вторым встал Нагорных, крикнул общий подъем, быстро сходил умыться поблизости в ручье и сел у костра рядом с Чепаловым проверять журналы. А Чепалов успел развести костёр и повесил котёл для варёва. После чего занялся починкой ичига (обувь), ругаясь на Минченко — «твоя совсем шайтан Гришка. Давай вылезь из палатки, однако тебя лечить немножко ремень надо».

А Нагорных на это заявил, что Минченко, видимо, не хочет кушать и придётся ему уплатить деньгами. Конечно, это шутейно было сказано. И в этот момент Минченко вылез из палатки и, видимо, первым делом увидел, что пистолет Нагорных висит на столбике у его палатки, и он его выкрал, чего никто не заметил. Тут же он завладел и карабином, который висел на сучке дерева у общей палатки и спрятался с оружием в палатке. Но Нагорных хватился, что у него пистолета с собой нет и пошёл к своей палатке. Минченко, видя, что наступает его разоблачение, сам вылез навстречу Нагорных с карабином на перевес, и передернув затвор, яростно ощерившись, с искаженным лицом зверя закричал: «Теперь-то я вас всех накормлю!» Нагорных, встретившись с этим злобным взглядом и увидев чёрный глазок прыгающего перед ним ствола карабина, чувствуя, что сейчас может сверкнуть из него страшным пламенем смерть, понял, что на него смотрят глаза убийцы. В голове промелькнула мысль: «Что же делать?»

Нагорных в этот момент уже снял с кола ремень и, конечно, понял, что в кобуре пистолета нет, а на Минченко он закричал: «Что ты делаешь?... Брось!» Но выстрел грохнул, безжалостно, прямо в живот. Окрик Нагорного повис в воздухе, и он упал, ткнувшись головой в траву, скорчившись от боли, зажав живот. Минченко же развернулся к буквально парализованному от происходящего Чепалову и выстрелил ему в голову.

В этот момент среди кустов мелькнула фигура Горланова, который вместе с Илларионовым ремонтировали вельбот, и теперь он возвращался к палаткам, неся воду в котелке, и Минченко выстрелил и в него. Горланов упал. Тогда Минченко бросил карабин и через кусты полез в сторону Горланова, вытащив пистолет. Но Горланова не оказалось, он ползком скрылся в лесу. Тогда Минченко два раза выстрелил в Илларионова, но тот сообразил, что у палаток происходит что-то ужасное и кинулся бежать в лес.

Минченко же понял, что преследовать его бесполезно и вернулся к костру. Нагорных тем временем, преодолевая боль, зажимая рану, сдерживая страшную боль, заполз в свою палатку, может быть, думал перебинтоваться. Перевернул материалы, рассыпал репродукции, обмазал их кровью и тут, услышав новые выстрелы, понял, что пощады ждать нечего, надо спасаться. И он выполз из палатки с противоположной стороны, за кусты, встал на ноги и, преодолевая боль, заковылял в лес.

Только в лес скрыться не успел. Отошел метров пятнадцать.

Минченко же, увидев, что Нагорных нет, с руганью влетел в его палатку, но и там его не обнаружил. Ругаясь, ринулся во вторую палатку, бормоча: «Ушёл черт, как же это он смог? ...»

Не найдя и во второй палатке, Минченко пошёл искать за палатками и увидел его кровавый след, а затем и самого ковыляющего. Минченко вернулся к карабину, схватил его, передернул затвор, обнаружил ещё один патрон, прицелился в спину Нагорного и выстрелил. Иван Васильевич упал вперёд. Минченко же повесил карабин на дерево и с парабеллумом побежал к Нагорных. Подбежав, перевернул его на спину и увидев, что он еще живой, злорадно оскалившись, не спеша стал наводить на него пистолет.

Нагорных в этот момент, с болезненной мукой в глазах, надумал просить у садиста милосердие и пощаду, еле выговаривая слова, попросил оставить ему жизнь, что ему надо еще поднимать на ноги четверых маленьких детей (об этом сам Минченко рассказал потом на суде), но Минченко не смилостивился и с руганью выстрелил ему в живот два раза.

Затем, забрав в лагере оставшиеся продукты в рюкзак, но не найдя больше патронов для карабина и пистолета, с одним пистолетом отправился в посёлок на метеостанцию, сожалея, что выпустил двоих живыми, тогда бы и концы в воду, говорил он позднее.

Убежавшие Василий Горланов и Пётр Илларионов, соединившись, поспешили в посёлок. Они поняли, что Нагорных с проводником убиты и надо успеть раньше Минченко предупредить рабочих посёлка о возможном нападении и на них этого бандита.

И они пришли первыми. Жители посёлка были поражены случившимся. На материк немедленно была отправлена радиограмма и им пообещали выслать наряд милиции.

Сообщили и начальнику экспедиции Федосееву Г.А. в г. Свободный.

Наряд милиции, в составе двенадцати человек прибыл на остров на третий день, и до их прибытия в посёлок все жили в большом напряжении, ожидая нападения бандита.

Его появление в посёлке было отмечено воровством хлеба в пекарне. Прибывшие оперативники установили охрану в посёлке, а одна группа во

главе со ст. уполномоченным Чумиканского РОМВД ст. лейтенантом Гераськиным, в составе фельдшера посёлка Большой Шантар — Шагового, десятника В. Горланова и рабочего П. Илларионова поплыла на катере на место происшествия.

Погода с утра благоприятствовала. Остров обошли с восточной стороны. В районе оз. Омокон увидели вельбот Нагорных, обсохший на берегу. Двигатель на вельботе не действовал, так как Илларионов, убегая, снял какую-то деталь.

Поднялись к палаткам. Кругом стояла мёртвая тишина. Солнечные лучи высвечивали желтеющую листву ольшаника, берёз, малахитовую хвою лиственниц. Лёгкий ветерок хлопал бортами брошенных палаток, создавая впечатление, что в них кто-то есть живой, и играючи, шевелит ими. Чувства всех обострились. Первого увидели проводника Чепалова Егора, с пулевым ранением головы. Лежал он слегка откинувшись на бок, с застывшим, каким-то испуганным лицом, продолжая держать в правой руке иглу, в левой — ичиг. На дереве около палатки увидели карабин без патронов. В палатке Нагорных был полный беспорядок: вся одежда и бельё перевернуты, рассыпаны фотоматериалы, измазанные кровью. Видимо, бандит поисками занимался бегло и ничего не нашёл, а Горланов на этот раз нашёл патроны к карабину и пистолету.

— А где же начальник? — спросил оперуполномоченный.

Осмотрели палатки и увидели кровавый след, который и привёл к Нагорных. Иван Васильевич лежал на спине, вроде отдыхая, поджав одну руку под голову, второй вроде бы пытался закрыться. На лице застыла предсмертная конвульсия боли. Человек вроде упал и ушиб ногу до боли, поэтому слегка и поджал ногу, а болевое ощущение отразилось на лице. Вокруг раскинулся целый ковёр полевых цветов, отдельные склонились над головой и лицом. Вся эта картина вызвала у всех странное, щемящее чувство острой жалости, вроде даже вины, как обычно здорового человека перед пострадавшим.

На теле было обнаружено четыре раны, одно ранение в спину и три в живот. Нагорных с пистолетом, как правило никогда не расставался, а в этот день всё получилось как-то не так, пистолет утром после умывания оставил безпризорным и карабин каким-то образом попал в руки бандита. Просто стечение обстоятельств, чего раньше не было. По подсчётам прозвучавших выстрелов ребята заявили, что из карабина их было четыре, из пистолета тоже четыре. Значит в пистолете ещё есть патроны.

Трупы обследовал врач, затем их перенесли в палатку и завернули в брезент, наглухо закрыв палатку, как склеп. Увезти с собой возможности не было, так как народу было много и погода начала портиться.

Горланов захватил с собой в рюкзак все производственные материалы и инструмент.

Обратно шли уже по хорошей волне и все беспокоились за благополучный исход плавания.

С этого дня вся группа милиции вела интенсивно поиск бандита. По радио было разослано предупреждение всем рыболовецким судам, чтобы близко к берегу не подходили и посторонних с острова не брали. А бандит явно крутился где-то здесь, вокруг посёлка. Дважды украл хлеб из пекарни. Днём, когда никто не ожидал, забрался в жилое помещение метеостанции, выставив там окно, и украл консервы. И проделал это, видимо, когда работал движок радиостанции.

В одну из ночей пытался угнать вельбот радиостанции, но радист заблаговременно спрятал горючее.

На суде выяснилось, что Минченко днём отсиживался в подвале старой котельной или в помещении пилорамы и жиротопки. Взбирался на чердак, откуда был хороший, круговой обзор. При приближении людей, он легко уходил в тайгу.

В помещении пилорамы были обнаружены надписи углем на досках в адрес всех жителей посёлка — угрозы и расправы.

За это время для погибших сделали два гроба и в очередное затишье съездили за трупами. Забрали весь груз партии.

Похоронили ветерана-землепроходца Ивана Васильевича Нагорных и его товарища Егора Иннокентьевича Чепалова с разрешения председателя с/совета Галкина 10 сентября 1949 г. в братской могиле на местном кладбище, на западной окраине посёлка.

Над открытой могилой дали трёхкратный залп из имеющегося оружия. На могилу к памятнику положили бетонную плиту с печальной эпитафией...

После похорон основной состав опер. группы уехал на материк, оставив двух милиционеров в штатском для наблюдения за посёлком.

В прошедшую неделю от начальника экспедиции Г.А. Федосеева пришло распоряжение десятнику Горланову дожидаться нового начальника партии М.А. Закусина и техников для завершения работ.

Через день после отъезда милиционеров к острову подошла шхуна и бросила якорь несколько в стороне от посёлка, напротив склада ГСМ. С судна к берегу пришла лодка с грузом горючего и, разгрузившись, пошла обратно. Милиционеры за лодкой издали наблюдали в бинокль из лесочка и заметили, что обратно на шхуну в лодке поплыло вместо трёх четыре человека. Милиционеры рассчитали, что преступник попытается попасть на это судно, только бы его не спугнуть. На палубу выбрались явно четыре

человека, и в одном из них Горланов признал Минченко. «Ну, теперь он в наших руках, — объявил один из милиционеров и сказал Горланову, — мы сейчас переберёмся на судно, а вы оба ожидайте нового начальника. Счастливо вам закончить работу». Они вышли к берегу, закричав «Эй, там на судне! Подайте лодку для двух пассажиров!»

— А кто вы такие?

— Оперуполномоченные из Чумикана.

— Ясно! Сейчас будем. И лодка с гребцами пошла к берегу, когда милиционеры плыли к шхуне, то спросили у матросов: «Кого это вы с берега перевезли на судно?» матросы немного смутившись, ответили, что все были свои люди.

На шхуне оперуполномоченные представившись капитану, без обиняков потребовали показать человека, которого матросы привезли с берега: «Мы видели этого человека и в нём узнали преступника, которого ищем». На это капитан тот час же объявил в мегафон. Что судно не снимется с якоря, пока не будет найден посторонний человек на судне.

Первые получасовые поиски результатов не дали. Пропал человек. Матросы ответили, что человек-то в общем был, но куда он спрятался, не знают. Решили сниматься с якоря, но следить за судном в оба. От качки выползет. А волна в море была довольно сильная. Шхуну начало раскачивать так, что сухопутному человеку не каждому под силу. И вскоре из угольного бункера послышался стук. Открыли люк и увидели человека, абсолютно чёрного от угольной пыли.

Оказывается, один из матросов за обещанный пистолет согласился его спрятать и закрыл в угольной яме, где Минченко чуть не задохнулся, особенно стало плохо при качке.

— Кто такой будешь? — спросил милиционер.

— Григорий Минченко!

— Сдай оружие! — и Минченко без сопротивления сдал пистолет.

Судили его в г. Благовещенске. Получил срок 20 лет (тогда расстрела не было).

Горланов дождался нового начальника партии Михаила Алексеевича Закурина. Прорабами прибыли: Щекотов Николай Леонидович, Пугачёв, Грищенко. Радистом прибыл Н.Т. Гретчин. Это все будущие герои книг Г.А. Федосеева. (В «Тисках Джугдыра» и др.).

Горланов рассказал прибывшим о случившейся трагедии.

— Ну что же, пойдёмте к могиле, подумаем, как её оформить, чтобы сохранить надолго.

И прибывшие товарищи, все бывшие друзья Ивана Васильевича, решили отлить бетонную плиту — надгробие на его могилу с посвященной

эпитафией.

Для доделок же работ И.В. Нагорных новому, усиленному составу партии, осталась свирепая, осенняя, штормовая погода с холодными дождями, что они испытали, приняв морское крещение при заезде на Шантары, когда их таскало на катере по бушующему морю пять суток. Все ребята лежали в трюме в лёжку.

Вот мы тогда и подумали: «Какая же нам уготована судьба, чтобы обследовать острова в такое время года, на какой-то шлюпке-вельботе? » вспоминал позднее Закусин М.А. — Ну и, действительно, партии тогда досталось риску. Неоднократно приходилось нам дрейфовать в бушующем море целыми ночами, укрывшись за каким-либо острогом, мокрые с головы до ног, застывшие. Как же трудно достаётся составление карт? — заключил Закусин.

Вскоре работать стало нельзя, и вельбот отправили в Чумикан. А партию вывезли самолётом, когда застыла бухта. Закусин с топографом Щекотовым посетили квартиру Нагорных, привезли его вещи.

Окончательно работы закончили только на следующий год. Для увековечивания имени своего погибшего товарища М.А. Закусин на острове Большой Шантар дал название одному из мысов на северо-востоке острова «Мыс Нагорных». А в 1975 г. при обновлении карт островов Шантарского архипелага, где работы вёл старший инженер, редактор карты Вандал Жемьянович Шойванов, из другого предприятия в своем письме от 6.6.75 г. сообщил, что он, пользуясь правом наименования географических объектов местности и помня о полевиках — товарищах из Новосибирска, которые первыми шли по нехоженным дебрям и отдали при этом свою жизнь было решено в честь увековечивания имени начальника партии Ивана Васильевича Нагорных — наименовать главный хребет острова Большой Шантар «Хребет Нагорных» и дали название пункту триангуляции на этом же хребте.

Теперь этот остров не является заброшенным, как прежде. На нём разросся промысловый посёлок, метеостанция, поселился пограничный отряд, и остров тесными узами теперь связан с Большой Землёй.

Там так же естественно, как и где-либо, повседневно гремит радио, позывные Кремля!

А жители-островитяне, не забывают братскую могилу землепроходца — И.В. Нагорных и его товарища Е. Чепалова, следят за ней и в знак признательности в праздничные дни приносят к памятнику на надгробную плиту цветы! На плите написано: «Здесь похоронены начальник партии Нагорных И.В. — 45 лет и проводник Чепалов Г.И. — 30 лет, трагически погибшие в 1949 году при создании карт на Шантарских островах».

Contents

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Завершение объекта

Саянский заповедник

Украденная девушка

Яша с «того света»

Безберложная медведица

На берегу Ледовитого океана

Загадочный пришелец

Медвежьи встречи

Небесные пришельцы

Надина избушка

Гибель в день рождения

Таёжные перегоны

Одинокая могила

Работа в Казахстане

Чёрный камень

Утопленное золото

Разбойники на приисках

Казырская партия

Из серии Забайкальских воспоминаний

Разбойничья избушка

Медвежья свадьба

Лесной пожар

Молельня

Дикие люди

У нас родился мальчик

Памятники погибшим

Подписка о невыезде

Зов отца

Объяснительные записки

Обряд из берлоги

Лыканька

Гибель от энцефалита

Толя-шутник

С мечтой о Нижней Тунгуске

Пик Топографов

Его имя на Шантарских островах

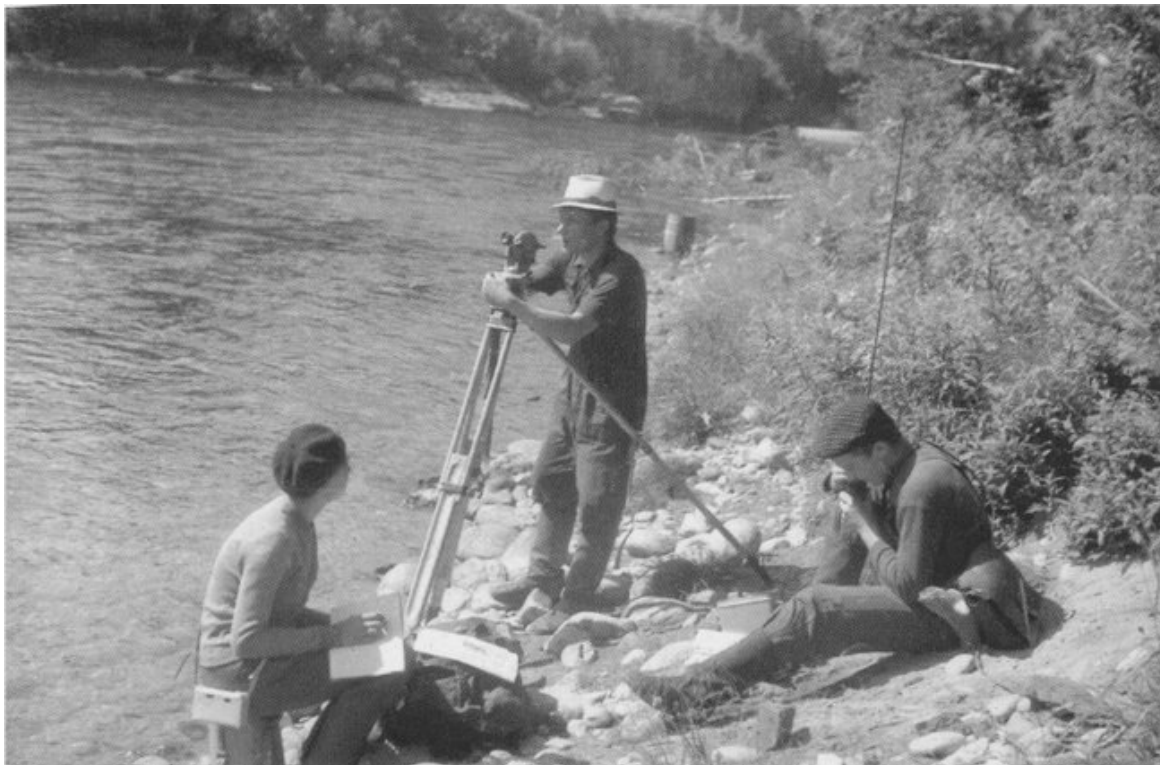
Photos

Установка палатки

Вертолёт готов к отлёту

Будни топографов

Топографы А. Герасимов и И. Кунтиков

На лодке по озеру Виви

Через горную реку

Бригада на привале

Вертолёт над тайгой

Тува. Уточнение названий

Разгрузка гидросамолёта

Надёжный транспорт МИ-1

Север. На базе партии

Прокладывают нивелирный ход

Начальник партии В. Агафонов

Полевые работы

(слева направо) Г.Н. Шаламов, В.И. Лисова, В.И. Старицын

Топографы в работе

А. Сидельцев с уловом

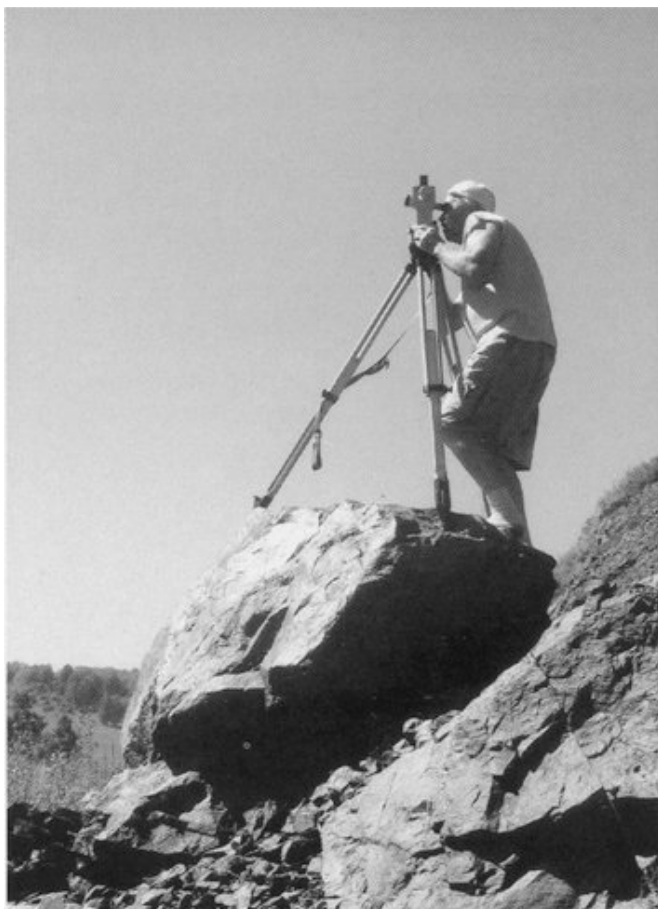

Начало полевого сезона

трагической гибели

Одинокий памятник

Алтай. Работа в горах

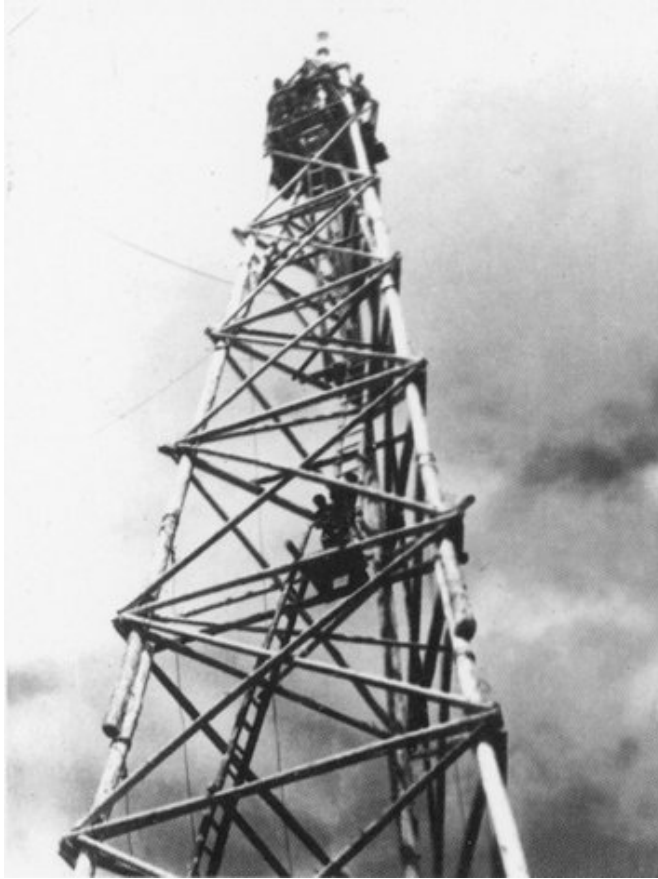

триангуляции

Наблюдение на пункте

Топограф В. Ерошенко

геодезического знака

Завершение строительства

измерения

Саяны. Геодезические

Процесс полевых работ

Вечерние измерения

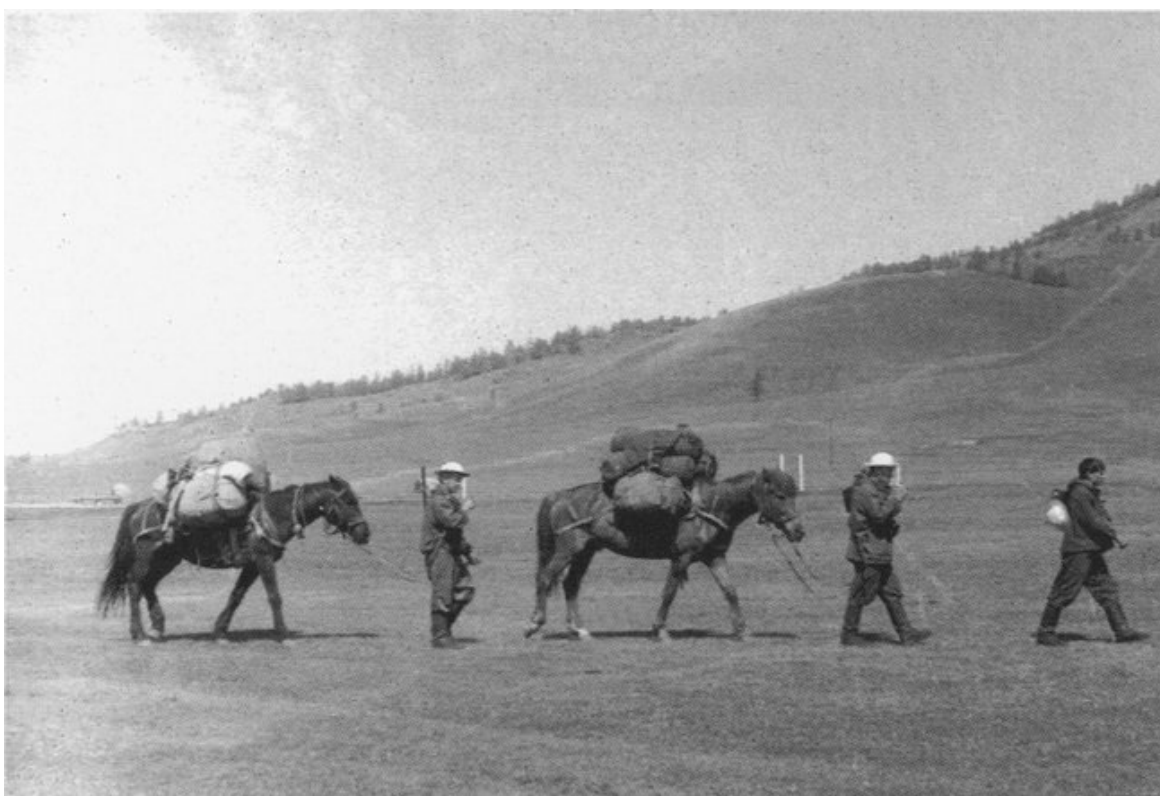

землетрясения

Обследование после

Инженеры: Г.И. Бортник, Б.Б. Сахаров (справа)

Отправились в далёкий маршрут

Наблюдение с вездехода

На плоту по Казыру

Отъезд на вездеходе

В пути на оленях

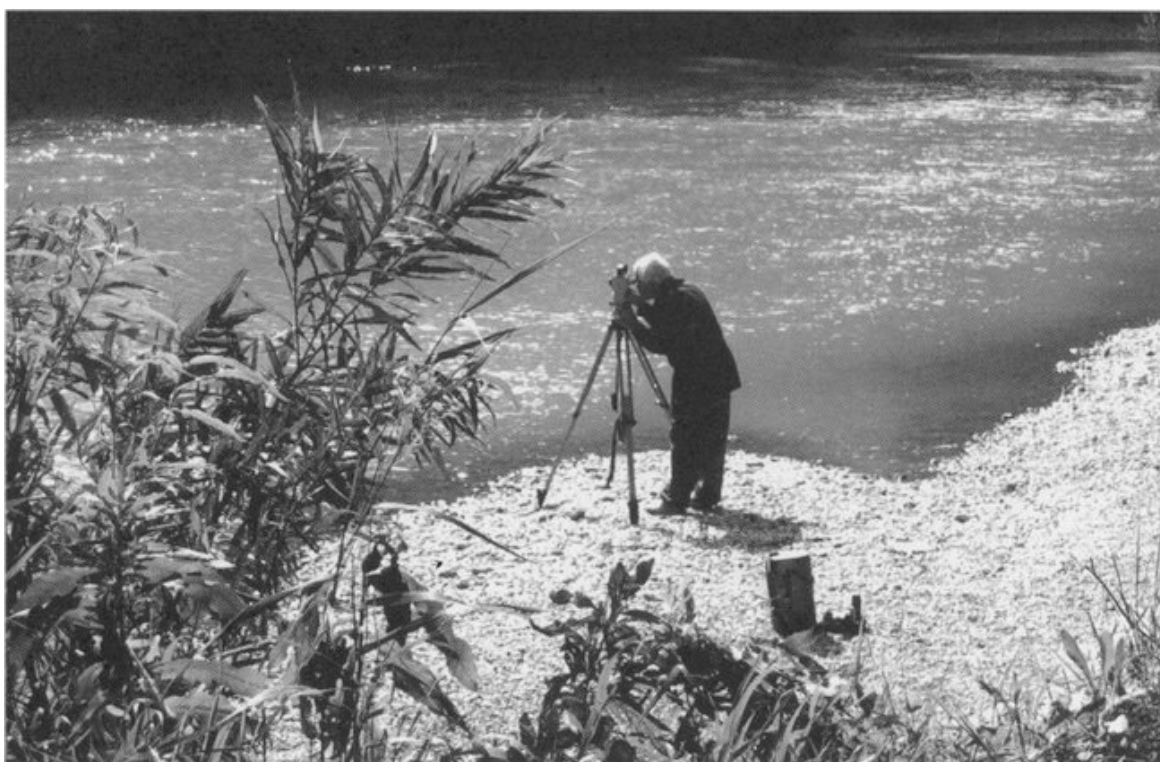
В таёжный маршрут

Переправа через горную реку

На берегу Телецкого озера

Алтай. На берегу реки Катунь

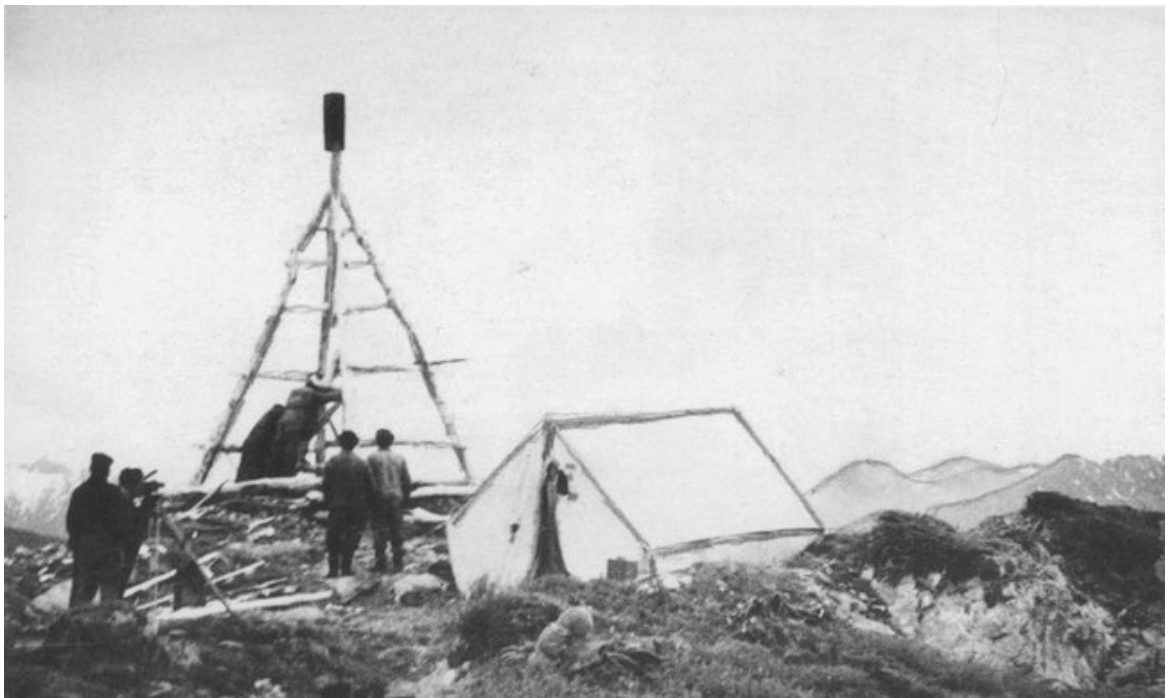
Геодезисты у памятника В.Я. Шишкову — основателю Чуйкого тракта и автору романа «Угрюм-река»

Г. Жданов на свадьбе (через год его загрыз медведь)

Подъём в горы

Бригада на знаке

В тундру на оленях

Вертолёт над плато Путорана

Виктор Романович Яценко более 40 лет отдал любимой профессии геодезиста. Много пройдено таежных маршрутов—пешком с рюкзаком и инструментами, на лошадах, оленях и собачьих упряжках.

В 1983 году Виктор Романович был назначен заместителем, а в 1986 году начальником Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР, в 1991 году назначен на должность председателя Комитета геодезии и картографии (Госгеодезия СССР). С 1992 года четыре года выполнял геодезические работы в Африке по контракту «Союзкарты».

Виктор Романович Яценко—Заслуженный работник геодезии и картографии, кандидат географических наук, член Союза писателей России.

В 1990 году издательство «Недра» напечатало книгу рассказов В.Р.Яценко «По геодезическим маршрутам», в 1991 году книга была переведена на китайский язык и издана в Китае.

После этого автором написано шесть книг

